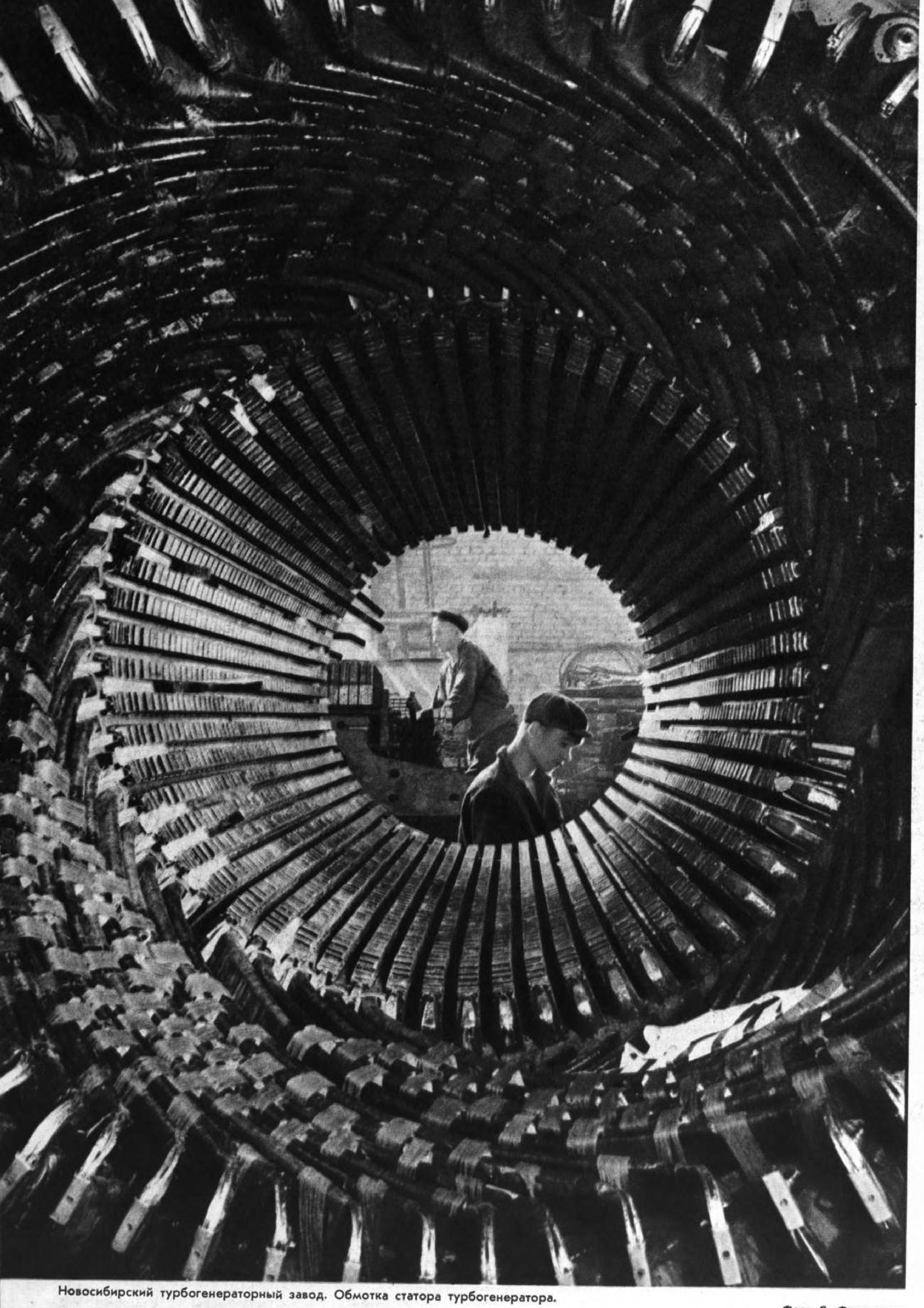
11-5

Сибирский номер

ОГОНЁК

№ 29 ИЮЛЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Новосибирский турбогенераторный завод. Обмотка статора турбогенератора.

Фото С. Фридлянда.

На первой странице обложки: Вертолет над строительством Иркутской ГЭС.

Фото О. Кнорринга.

На последней странице обложки: В читальном зале научной библиотеки Томского университета.

Фото С. Фридлянда.

№ 29 (1518) 15 ИЮЛЯ 1956

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПЯТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

11 июля в Кремле открылась пятая сессия Верховного Совета СССР четвертого созыва. В повестке дня сессии: проект Закона о государственных пенсиях; просьба Верховного Совета Карело-Финской ССР о преобразовании Карело-Финской ССР в Карельскую Автономную Советскую Социалистическую Республику и о включении ее в состав РСФСР; об обращении Верховного Совета СССР к парламентам других стран по вопросу о разоружении; о заявлении Верховного Совета СССР в связи с обращением Японского парламента по вопросу о запрещении ядерного оружия и прекращении его испытания; утверждение Указов Президиума Верховного Совета СССР.

На снимке: Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин выступает на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР с докладом о проекте Закона о государственных пенсиях. Фото А. Гостева.

На снимке: Ангелина Охременко, Раиса Ананьева, Валентина Койкова, Надежда Слепенькова, Талгат Гузин, Петр Рябов, Николай Чистяков, Николай Галанов, Ирик Насибуллин, Геннадий Мазеев, Николай Свинин.

Фото В. Полынина.

К нашим сверстникам

Мы узнали, что журнал «Огонек» посвящает свой 29-й номер рассказу о великой Сибири. Мы хотим воспользоваться таким случаем и обратиться через журнал к вам, нашим сверстникам, комсомольцам, молодежи, ко всем, кто живет к западу от Урала.

Прошло всего несколько дней, как сами мы обосновались в старом сибирском городе Омске, но уже, нам кажется, получили право говорить от имени сибиряков, потому что приехали в этот край, чтобы остаться здесь навсегда.

Мы не могли без волнения слушать призыв партии и правительства к нам, молодым гражданам Советской страны, направить на стройки Востока, Севера и Донбасса своих лучших товарищей.

Конечно, мы не могли считать себя лучшими среди наших друзей, когда подавали заявления с просьбой послать нас на строительство Омского нефтеперерабатывающего завода, но нам хотелось быть такими.

Мы знаем, как поступали наши матери и отцы в годы первых пятилеток. Их призывали строить металлургические гиганты Урала и Кузбасса. Они откликнулись на призыв Родины и покинули обжитые места. И мы решили поступить так же теперь. А ведь в те времена приходилось труднее: не было такой техники, какая есть у нас сейчас.

Они построили легендарные Магнитку и Комсомольск-на-Амуре и еще много заводов, шахт, городов. Их дела народ назвал героическими. Их имена вошли в историю. И мы хотим быть такими же, как они.

Мы и раньше читали и слышали о Сибири. Но по-настоящему не представляли себе, как велика она и какая гигантская здесь развернулась стройка.

«Омскстрой», организация, где мы работаем, возводит огромные сооружения: один из крупнейших в Европе нефтеперерабатывающих заводов, который уже начал получать по трубопроводам башкирскую нефть. Мы построим комбайносборочный завод, машинно-тракторные станции, ссыпные пункты для зерна, создадим целинные совхозы «Ермак» и «Сибиряк». На месте недавнего пустыря к северу от Омска быстрыми темпами растет новый городской район. Там, где была деревня Захламино, поселится около 100 тысяч жителей... Омский телевизионный центр, троллейбусные, трамвайные линии, Дворец культуры, кинотеатры, магазины, столовые — как много предстоит еще нам и вам дел!

Когда мы подавали заявления, нам не сулили легкой жизни. Врачи снабдили даже некоторых из нас справками о том, что мы «вполне можем работать в условиях Сибири». Теперь нельзя без улыбки читать эти справки, потому что климат здесь отличный. Мы смело заявляем, что особых природных трудностей нет. Но есть трудности другого рода, как и на всякой новой стройке. Кое-кому из новоселов придется до осени пожить в палатках, кое-кто займется на первых порах не своей излюбленной профессией: всюду нужны рабочие руки. Нужда не только в электриках и шоферах, требуются штукатуры, плотники, землекопы. Но разве не было такой работы на Магнитке, в Кузбассе, Комсомольске? Ее было, пожалуй, больше, и уж, во всяком случае, она была потяжелее.

Омск, наш родной теперь город,— совсем неплохое место для постоянной жизни. Большой, зеленый. Много театров, хороших, красивых домов, и всюду, куда ни глянешь, идет строительство. Растянулся город почти на 30 километров вдоль Иртыша. А какая река Иртыш!

Мы зовем вас, наши сверстники: приезжайте в Сибирь!

Николай ГАЛАНОВ, Ангелина ОХРЕМЕНКО, Талгат ГУЗИН, Николай ЧИСТЯКОВ, Валентина КОЙКОВА, Раиса АНАНЬЕВА, Петр РЯБОВ, Геннадий МАЗЕЕВ, Ирик НАСИБУЛЛИН, Николай СВИНИН, Надежда СЛЕПЕНЬКОВА

СИБИРЬ
В ШЕСТОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Беседа с Председателем Совета Министров РСФСР М. А. ЯСНОВЫМ

Корреспондент «Огонька»: Каково в основных чертах значение Сибири в экономике Российской Федерации?

М. А. Яснов: Сибирь — это богатейший район нашей страны. Советские люди, освоившие этот край, тем самым приумножили во много раз богатства своей Родины.

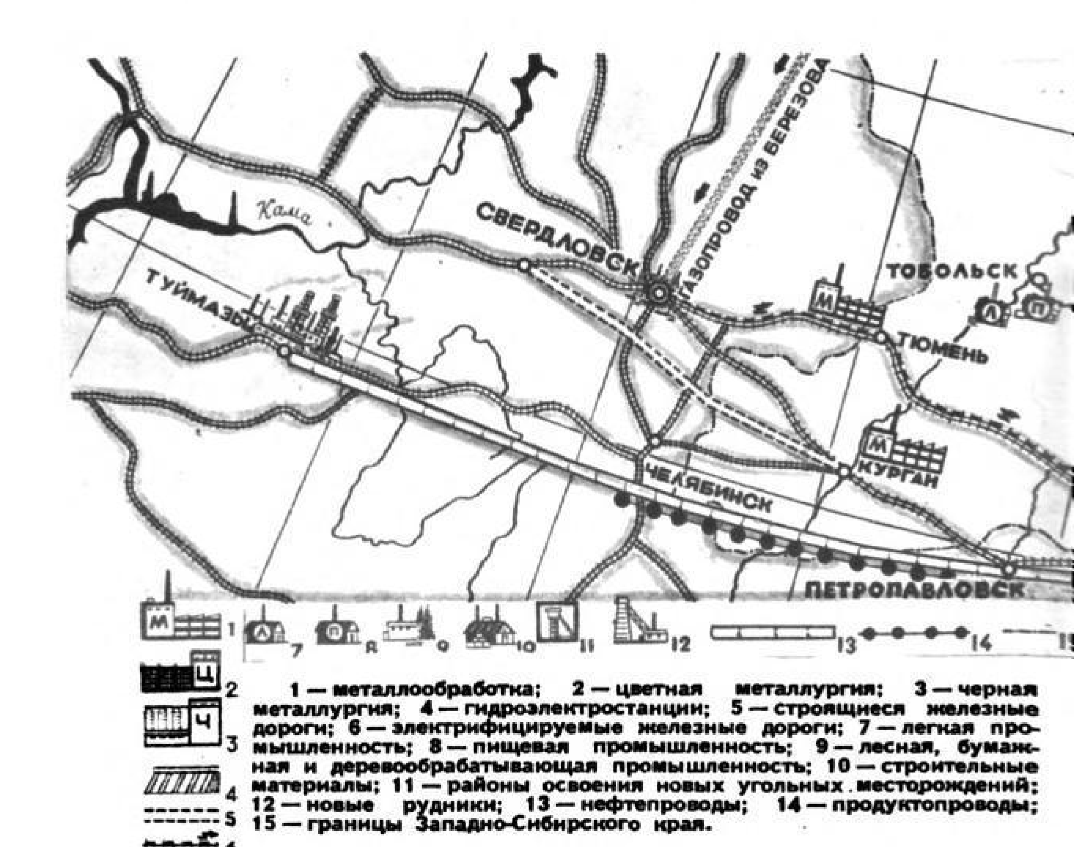
В настоящее время в Сибири открыты огромные запасы угля; этот край располагает колоссальными гидроэнергетическими ресурсами; там находится четыре пятых лесных богатств страны. Кроме того, Сибирь обладает большими месторождениями цветных и редких металлов, железных руд, химического сырья. Колоссальные массивы плодородных земель позволяют развивать здесь все отрасли сельского хозяйства — в первую очередь производство зерна и продуктов животноводства.

В прошлом, при царизме, этот край несметных богатств представлял собой, как известно, отсталую окраину, где, по образному выражению В. И. Ленина, царили патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. Природные богатства Сибири хищным, варварским образом эксплуатировались как русскими, так и главным образом иностранными капиталистами. Богатства края не изучались, лежали втуне. Капиталисты думали только о своем личном обогащении, не затрудняя себя проблемами развития Сибири. Интересы собственного кармана, собственной наживы стояли у них на первом месте.

Корреспондент «Огонька»: Каково же лицо нынешней, советской Сибири?

М. А. Яснов: За годы социалистического строительства тут все коренным образом изменилось. Проведены огромные работы по развитию всех отраслей сибирского хозяйства. В наше время Сибирь стала одним из крупнейших индустриальных и сельскохозяйственных районов страны. Были построены крупные предприятия металлургической, угольной, машиностроительной и химической промышленности. В 1955 году промышленная продукция Западной Сибири по сравнению с 1913 годом возросла в шестьдесят раз. Сибирь вышла на второе место в стране по добыче каменного угля и на третье — по выплавке чугуна и стали. Кроме того, здесь созданы крупнейшие в стране предприятия по производству цветных металлов, станков, машин, химических продуктов, строительных материалов.

За годы пятилеток в Сибири выросли многочисленные новые города и крупнейшие промышленные центры — такие, как Сталинск, Прокопьевск, Черемхово, Ленинск-

1 — металлообработка; 2 — цветная металлургия; 3 — черная металлургия; 4 — гидроэлектростанции; 5 — строящиеся железные дороги; 6 — электрифицируемые железные дороги; 7 — легкая промышленность; 8 — пищевая промышленность; 9 — лесная, бумажная и деревообрабатывающая промышленность; 10 — строительные материалы; 11 — районы освоения новых угольных месторождений; 12 — новые рудники; 13 — нефтепроводы; 14 — продуктопроводы; 15 — границы Западно-Сибирского края.

«Поражая воображение своей грандиозностью, развертываются сказочные картины будущего Сибири, которые создаст укрощенная и освоенная рабочей энергией людей стихийная сила...»

М. ГОРЬКИЙ

Кузнецкий, Анжеро-Судженск, Рубцовск, Ангарск и другие. Неузнаваемо преобразились старые города, существовавшие до революции. Возьмем, к примеру, Новосибирск. Что общего между старым городком Новониколаевском и нынешним Новосибирском? Новосибирск — крупнейший промышленный город с населением свыше 700 тысяч человек, с многочисленными научно-исследовательскими институтами, вузами, техникумами. А ведь в 1917 году в нем не было и 70 тысяч жителей. Крупным промышленным краем стал Алтай и его центр — Барнаул.

Корреспондент «Огонька»: Старая, дореволюционная Сибирь была сельскохозяйственным краем. В настоящее время он стал индустриально-аграрным. Какова роль сельского хозяйства в экономике нынешней Сибири?

М. А. Яснов: На основе социалистического переустройства сельского хозяйства значительно возросло производство продуктов земледелия и животноводства. Посевные площади в 1955 году по сравнению с 1913 годом увеличились на 18, 6 миллиона гектаров, возросло поголовье продуктивного скота. В течение 1954—1955 годов по решению партии и правительства в районах Сибири поднято 8,3 миллиона гектаров целинных и залежных земель. На сибирских полях работает теперь более 37 тысяч тракторов, свыше 12 тысяч зерновых комбайнов и много других сельскохозяйственных машин. В шестой пятилетке удельный вес Сибири в производстве зерна по РСФСР в целом увеличивается по сравнению с 1940 годом в два раза. Значительно возрастает значение Сибири в производстве технических культур, особенно льна и сахарной свеклы, и продуктов животноводства.

Корреспондент «Огонька»: Что самое характерное в дальнейшем развитии промышленности Сибири?

М. А. Яснов: Как указал XX съезд КПСС, в течение ближайших десяти — пятнадцати лет Сибирь должна быть превращена в крупнейшую базу Советского Союза по добыче угля и производству электроэнергии, в основную базу теплоемких и энергоемких производств. Здесь должна быть создана третья металлургическая база страны с производством в 15—20 миллионов тонн чугуна в год.

Крупным шагом в выполнении этой программы развития производительных сил является шестая пятилетка.

В течение 1956—1960 годов в Сибири будет начато строительство трех новых металлургических заводов с вводом в действие на одном из заводов первой доменной печи. Это позволит вместе с расширением существующих предприятий только в Западной Сибири выплавить в 1960 году почти столько же чугуна, сколько выплавлялось во всей старой России в 1913 году. Намечено построить три алюминиевых завода, которые по своей мощности намного превысят предприятия этого рода, имеющиеся в настоящее время. Добыча угля в Кузбассе должна увеличиться к концу шестой пятилетки до 80 миллионов тонн в год, а это почти в три раза превышает всю добычу угля дореволюционной России.

Новые нефтеперерабатывающие предприятия будут перерабатывать сырую нефть в большем количестве, чем все бакинские заводы. Для этой цели будет завершено в течение шестой пятилетки строительство Омского и Иркутского нефтеперерабатывающих заводов и начнется строительство нового нефтеперерабатывающего завода в Красноярском крае. От Туймазы до Иркутска протянется мощный трубопровод протяженностью в 3 700 километров, который соединит нефтеперерабатывающие заводы Сибири с нефтепромыслами Татарии и Башкирии.

Корреспондент «Огонька»: Расскажите о развитии энергетического хозяйства Сибири в шестой пятилетке.

М. А. Яснов: Намечаемые и осуществляемые работы в этой области грандиозны. Завершится строительство Иркутской и Новосибирской гидроэлектростанций, будет построена и пущена в ход первая очередь Братской электростанции, полная проектная мощность которой составит 3,2 миллиона киловатт. Одновременно с этим в шестой пятилетке намечено приступить к строительству Красноярской гидроэлектростанции на Енисее мощностью также в 3,2 миллиона киловатт. Каждая из этих электростанций будет вырабатывать электроэнергии в количестве 22 миллиардов киловатт-часов, то есть в одиннадцать раз больше, чем все электростанции старой, дореволюционной России, вместе взятые. Предусмотрено также создание единой энергетической системы центральной Сибири, которая охватит огромные промышленные районы от Новосибирска до Иркутска.

Корреспондент «Огонька»: Столь значительный рост промышленности Сибири потребует завоза большого количества оборудования и материалов. Как решится эта проблема?

М. А. Яснов: На месте будут созданы новые заводы по производству станков, кузнечно-прессового оборудования, инструмента, приборов, электрооборудования, абразивных изделий. Многое надо сделать и для развития текстильной, легкой и пищевой промышленности. Общий выпуск продукции легкой промышленности возрастет в Сибири за пятилетку почти в два раза, а пищевой — в 1,6 раза.

Корреспондент «Огонька»: Сибирь — край больших пространств. Как здесь будет работать транспорт?

М. А. Яснов: Новейшая железнодорожная техника позволит значительно увеличить пропускную способность транссибирской железнодорожной магистрали. Кроме того, предусмотрено построить и ввести в действие железнодорожные линии Сталинск — Абакан и Барнаул — Омск, которые свяжут крупные промышленные районы и помогут освоению целинных земель.

Корреспондент «Огонька»: Огромный размах строительства в Сибири, естественно, потребует большого притока людей. Как будет обстоять дело с жилищами и коммунально-бытовым обслуживанием?

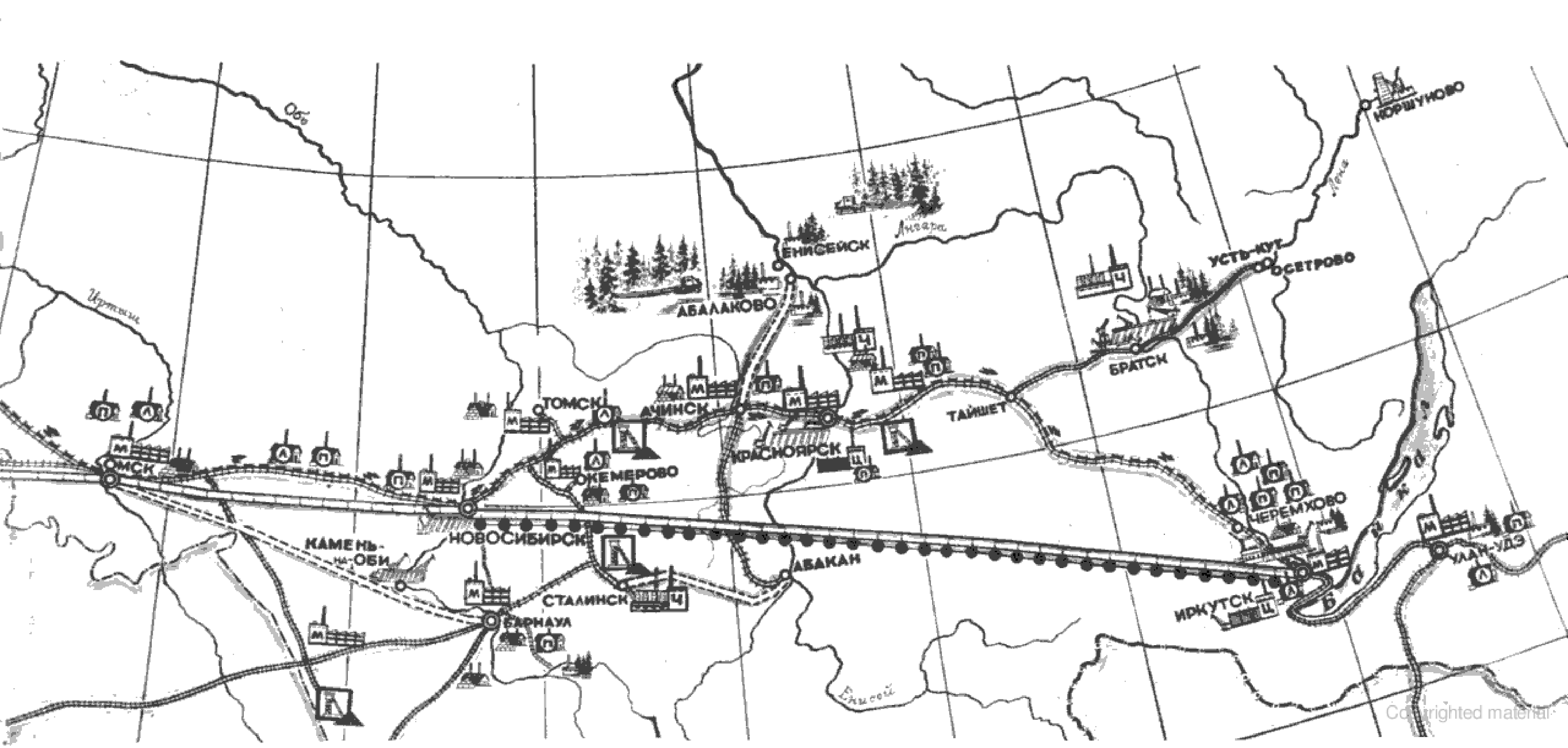
М. А. Яснов: В шестой пятилетке предусматриваются значительные ассигнования на жилищно-коммунальное и культурно-бытовое строительство, на благоустройство городов и сел. Будут построены тысячи жилых домов, школ, детских учреждений, домов культуры.

У некоторых существует такое представление, что Сибирь — страна глухая, что молодежи там негде учиться. Это представление, разумеется, ложное. Уже сейчас Сибирь имеет отличные высшие учебные заведения и техникумы. Новосибирск, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск — это всё города с огромным количеством учащихся. В шестой пятилетке количество вузов и техникумов значительно возрастет.

В заключение я хотел бы отметить, что решение всех этих задач связано с известными трудностями. Их будет немало. Но разве когда-нибудь наша партия и наш замечательный народ боялись трудностей? Сибирь с ее богатствами недр, с ее бескрайними земельными массивами даст Родине все, что нужно, — металл, руду, лес, электроэнергию, уголь, хлеб. Будут по-хозяйски, по-социалистически освоены богатства, которые в изобилии лежат в сибирской земле, и все они пойдут на службу народу, на дело дальнейшего роста экономики великой Родины.

Корреспондент «Огонька»: Большое спасибо за беседу.

М. А. Яснов: Пользуюсь случаем передать через журнал «Огонек» сердечный привет тем многочисленным патриотам, которые сейчас по зову партии едут в Сибирь осваивать ее богатства, трудиться на благо Родины.

ОГНИ СИБИРИ

Из книги «За далью даль».

А. ТВАРДОВСКИЙ

Сибирь! И лег и встал — и снова
Вдоль полотна пути — Сибирь.
Какой дремучестью суровой
Объята даль ее и ширь...
. . . .
Могучий край всемирной славы,
Что грозной щедростью стяжал,
Завод и житница державы,
Ее рудник и арсенал,
Родимый край ее сибирских
Трем войнам памятных полков —
С иртышских,
Томских,
Обских,
Бийских,
И енисейских берегов...

Край, где несметный клад заложен,
Под слоем слой мощней вдвойне,
Иной еще не потревожен,
Как донный лед на глубине.

Сестра Урала и Алтая,
Своя, родная вдаль и вширь,
По гребню светом залитая,
С плечом великого Китая
Плечо сомкнувшая Сибирь!
Тот свет по ней идет все шире,
Как день, сменяя ночи тьму.
И что! Какие силы в мире
Потщатся путь закрыть ему!

Моховое. Фото М. Савина.

На Байкале. Фото О. Кнорринга.

РОДНЫЕ

Лесосплав. Фото О. Кнорринга.

Енисей выше Красноярска. Фото В. Федосова.

ПРОСТОРЫ

В восточносибирской тайге. Фото Л. Бородулина.

Интервью «Огонька»

ПУТЕШЕСТВИЕ В 1966 ГОД

В. КРОТОВ,
председатель Президиума
Восточно-Сибирского филиала
Академии наук СССР

Давно прошло время парусных путешествий, открытий новых стран, островов, морей. Но и в наши дни можно стать Колумбами. Представьте, что лет через десять кто-нибудь решится попутешествовать по Иркутской области с картой 1956 года. Его ожидают открытия на каждом шагу. Там, где на карте тайга подступает к ангарской воде, где чернеют квадраты прибрежных поселков и старинного города Братска, разольются прозрачные воды пресного моря с красивыми портами. Густые леса расступятся перед новыми городами и поселками, их перережут нити шоссейных и железных дорог, нацелятся в небо трубы десятков новорожденных заводов. В конце концов путешественник перестанет доверять карте.

Зато ученый не заблудился бы с нашей картой. Ему чаще других приходится заглядывать в будущее, и новые моря и города он уже открыл сейчас. Давайте посмотрим, как изменится карта нашей области к 1966 году.

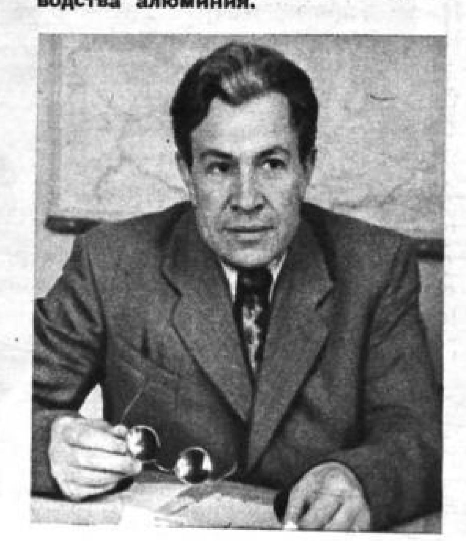
Каскад ангарских гидростанций откроет Иркутская ГЭС. Вокруг нее тесно, плечом к плечу, встанут города и поселки Иркутско-Черемховского промышленного района. Здесь вырастет машиностроительная, химическая, топливная промышленность. Нефтеперерабатывающий, алюминиевый, солеваренный, электрохимический и другие заводы используют гидроэнергию Ангары. Река и электрифицированная железная дорога свяжут соседние промышленные районы.

За Иркутском вниз по Ангаре начнется Братское море. Его можно пересечь на теплоходе, полюбоваться красивыми берегами, а в случае внезапного шторма укрыться в одном из портов или встать на специальную якорную стоянку. Теплоход дойдет до города Братска, который переселится к Падунскому порогу. По плотине гидростанции помчатся поезда и машины.

Братская гидростанция будет работать на полную мощность круглый год. Недалеко от гидростанции раскинутся корпуса алюминиевого и магниевого комбинатов. Возможно, что здесь появится и электрометаллургия черных металлов.

С запада на восток проходит через Братск новая железная дорога Тайшет — Лена. На востоке дорогу окружили железорудные сопки. Западный конец дороги — Тайшет — тоже будущий промышленный район с развитой лесной промышленностью, металлургией, машиностроением. От Тайшета протянется железнодорожная линия на Абакан — путь к южным районам страны.

Ученые, геологи продолжают тщательно изучать возможности области. Так, недавно недалеко от железной дороги обнаружено единственное в стране месторождение силлиманита — сырья для производства алюминия.

В. Кротов.

Интервью „Огонька"

Ступени каскада

К. КНЯЗЕВ,
директор строящейся Новосибирской ГЭС

Каждый год Обь отдает Карскому морю 394 миллиарда кубометров воды. Если полностью использовать все энергетические ресурсы этой великой сибирской реки, можно вырабатывать столько же электроэнергии, сколько в 1954 году выработали все тепло- и гидростанции нашей страны.

Первая ступень каскада на многоводной Оби — Новосибирская ГЭС — строится уже несколько лет и в будущем, 1957 году должна дать промышленный ток. В трех десятках километров выше Новосибирска, на левом берегу Оби, в глубоком котловане идет сооружение здания гидростанции и рядом с ней — железобетонной водосливной плотины. По правому берегу на три с лишним километра протянулась намытая земснарядами земляная плотина. По соседству с ней сооружается мощный шлюз.

К. Князев.

Зимой должно быть перекрыто русло Оби, и в будущем году, когда заработают турбины Новосибирской гидростанции, на обширном пространстве выше плотины разольется новое водохранилище. Обское «море» будет иметь в длину более 200 километров, в ширину — около двадцати километров; акватория его составит 1 071 квадратный километр.

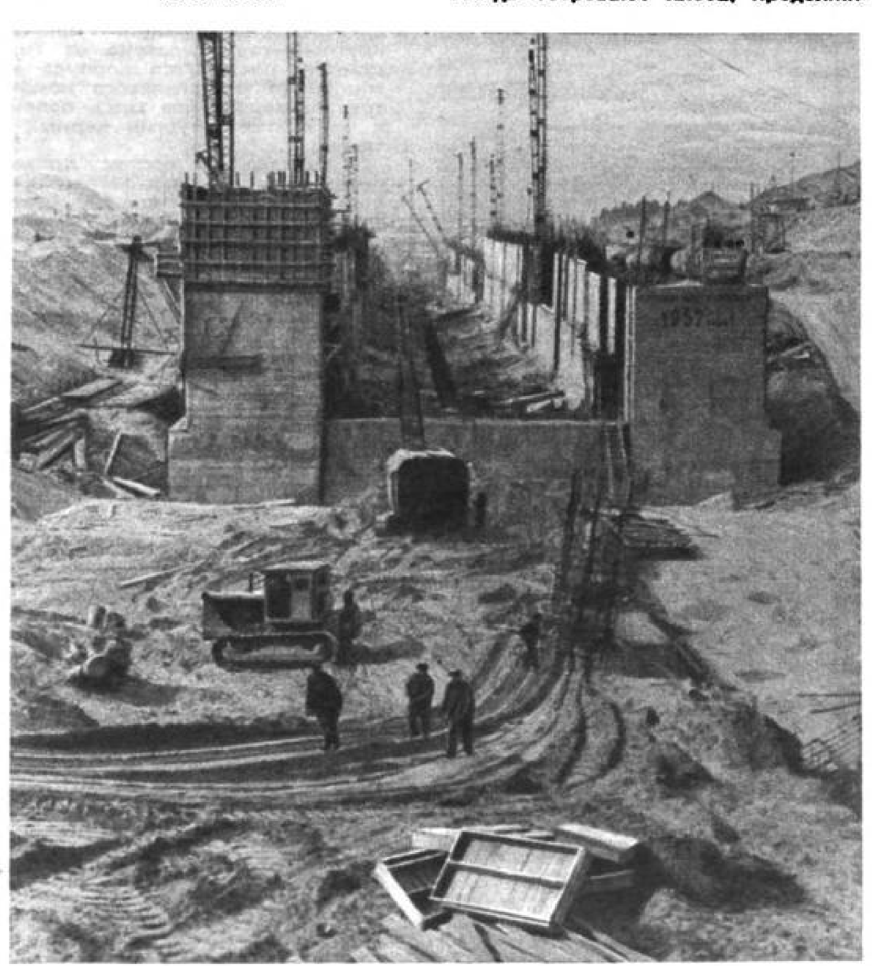
В связи с предстоящим затоплением переносятся на новые места город Бердск, районный центр Ордынск, многие населенные пункты; строится новый железнодорожный мост через реку Бердь, которая станет судоходной до города Искитима.

С вводом в строй Новосибирской ГЭС начнется энергетическое освоение великой реки. В шестой пятилетке семь турбин гидростанции выработают более пяти миллиардов киловатт-часов, что позволит сэкономить около пяти миллионов тонн угля.

Интересно отметить, что Новосибирская ГЭС на 25 процентов мощнее Каховской, а сооружение ее должно обойтись в два с половиной раза дешевле.

Вторая ступень энергетического каскада на Оби — Каменская гидростанция. Новая плотина преградит русло Оби выше Новосибирска, у города Камень. Создаваемое здесь еще одно водохранилище будет не только источником электроэнергии, — оно оросит плодородную Кулундинскую степь. Известно, что в период май—август, когда созревают хлеба, продолжительность солнечного сияния в Кулундинской степи выше, чем в Кисловодске и Ессентуках. Если обеспечить земли Кулунды водой, они будут давать еще более высокие урожаи. Водохранилище Каменской ГЭС позволит оросить свыше миллиона гектаров плодородных земель.

Сооружение Каменской ГЭС начнется в шестой пятилетке. А в дальнейшем на очереди следующие ступени Обского каскада, который будет одним из самых мощных в мире.

На строительстве Новосибирской ГЭС.
Фото С. Фридлянда.

Чем знаменита ангарская сосна

М. ЖУРАВЛЕВ,
секретарь Иркутского областного комитета КПСС

М. Журавлев.

Часто спрашивают: «Чем знаменита ангарская сосна?»

Лесники отвечают так: «Поищите глазами самый нижний сучок — голова отвалится: он почти на макушке. Нагнитесь над пнем — найдете современника Петра Первого с тремястами колец. Сосчитайте, сколько деревьев на одном гектаре,— дня не хватит».

Но это еще не все.

Пролетите над нашей областью на самолете. Везде увидите зеленую волнистую накидку. Большую часть территории Иркутской области занимают леса, а сама она в полтора раза больше Франции. Часто белеют в лесах домики леспромхозов. В тайге уже не встретишь людей с топорами или ручной пилой. Электропилы, тракторы, лебедки, краны двинулись на завоевание глухих дебрей. Особенно кипучая деятельность хозяев тайги развернулась на дне будущего моря. Лесные материалы направляются сейчас на новостройки области, на Алтай, в Среднюю Азию. Из нашей сосны строят добротные дома, изготовляют красивую мебель, наша сосна путешествует по всему миру в деталях автомобилей, кораблей, комбайнов, самолетов. Под Братском скоро вырастет крупнейший в мире деревообрабатывающий комбинат на 32 пилорамы.

У ангарской сосны интересное будущее. Платья женщин, например, будут в самом близком родстве с жительницей тайги. «Шелк из дерева» родится здесь, недалеко от Иркутска и Братска, на лесохимических заводах. Он гораздо дешевле натурального. А наших женщин мы можем уверить в самом превосходном его качестве, хотя, конечно, последнее слово остается за ними.

Стоит поговорить и о самых обычных опилках. Хотя чаще всего их сжигают, но уже начинают называть «золотыми». Дело в том, что один кубометр древесных отходов заменяет 275 килограммов зерна или 700 килограммов картофеля. Об этом подробно могут рассказать работники Бирюсинского гидролизного завода, который несколько лет вырабатывает из древесины спирт. Один за другим присоединятся к нему в будущем Тулунский, Чунский, Братский и Зиминский гидролизные заводы. Они дадут ценный продукт для промышленности.

Вот что такое ангарская сосна. Ее красоту описывали и раньше. Но сейчас, когда в тайгу вторглась лесная индустрия, на нее будут обращать гораздо больше внимания.

Электрические машины

А. НЕЖИВЕНКО,
директор Новосибирского турбогенераторного завода

В молодом промышленном центре Новосибирске наш завод — одно из самых молодых предприятий. Всего пять лет назад поднялись его цехи на левом берегу Оби, и сейчас еще за заводской оградой тянутся огороды и поля.

Но продукция с маркой «НТГЗ» уже известна сибирским энергетикам. Выпущенный нами первый турбогенератор мощностью в 30 тысяч киловатт с водородным охлаждением исправно работает на Барнаульской теплоэлектроцентрали. Строящейся Иркутской гидростанции отправлен недавно первый гидрогенератор мощностью 82,5 тысячи киловатт. Скоро его смонтируют в одном агрегате вместе с первой турбиной, и он начнет работать.

Отправка гидрогенератора из Новосибирска в Иркутск доставила немало хлопот и нам самим и железнодорожникам. Для перевозки этой огромной машины, весящей 1 130 тонн, понадобился целый эшелон; для ее отдельных наиболее сложных узлов готовились особые, специально сконструированные платформы.

Заводом начат также серийный выпуск электрических машин мощностью от 500 до 2 000 киловатт для комплектования крупных насосов. Осваивается производство синхронных компенсаторов мощностью 15 тысяч киловатт.

Одновременно с выпуском готовой продукции продолжается стройка. В шестой пятилетке наш завод начнет работать на полную мощность. Первенец энергетического машиностроения в Сибири обеспечит оборудованием новые электростанции, сооружаемые на великих реках — Оби, Енисее, Иртыше, Ангаре.

В содружестве с нашими учителями — конструкторами ленинградской «Электросилы» — мы будем создавать крупнейшие в мире гидрогенераторы для Братской ГЭС. После того как проектирование на «Электросиле» будет завершено, производство этих уникальных машин намечается поручить нашему заводу.

А. Неживенко.

ры, и когда поднимаешься на второй этаж, обязательно столкнешься с ребятами. Каждый зажал в кулак немножко денег на покупку книг. Вообще книги в Прокопьевске — одно из увлечений. На главной улице огромнейший магазин. На фронтоне метровыми буквами слово: «Книги». Рядом новый дом. Первый этаж его еще никем не занят, но на фасаде теми же огромнейшими буквами: «Книги». Оказывается, открывают еще один книжный магазин. Книги, да вот еще музыка. В центре города огромное здание со статуями Глинки и Чайковского при входе. Это музыкальная школа. Здесь учатся дети шахтеров.

Неподалеку общежитие молодых специалистов. Есть тут люди из Москвы, Томска, Новосибирска. Все ведут самостоятельную работу на шахтах, но это не мешает им сохранять студенческие привычки. Здесь на крыльце увидите вы вечером молодого инженера с гитарой, девушку, читающую с вдохновением Блока; с площадки доносятся звонкие голоса играющих в волейбол.

Говорят тут и о работе, говорят с жаром, делятся впечатлениями.

ШАХТЕРСКИЙ ГОРОД

З. ХИРЕН

1

Многие жители Прокопьевска, с которыми каждый день встречаешься на улице, в трамвае, на шахте, вправе сказать, что этот город основали они.

Не так-то просто привыкнуть к мысли, что человек, с которым споришь по поводу того, удачно ли назвали улицу Фасадной или неудачно, ступил на эту землю, когда ни улицы этой в помине не было, ни дома, где сейчас мы сидим, ни самого города. Не стоит, например, никакого труда разыскать в Прокопьевске тех, кто закладывал первые шахты, кто рыл первые котлованы, прибивал к стенам эмалированные таблички с названиями первых улиц. Люди эти с бо́льшим пристрастием относятся к настоящему и к будущему родного города, чем к его прошлому, но и о нем не забывают. Андрей Кириллович Козлов чаще других приходит к молодым забойщикам: нравятся ему их споры, их смех, задор. Впрочем, он считает, что задора-то у них все же маловато.

Вместе с другими основателями города он приехал сюда, когда не было ни копров, ни терриконииков, ни больших, многоэтажных домов. Была деревенька лесная, всего четыре избы, называлась Прокопьевском.

Да, теперь это не тихая и не сонная деревенька, затерявшаяся в сибирских лесах! Когда б ты ни оказался под мостом, пересекающим одну из центральных улиц, вечно над головой грохочут длиннющие эшелоны с углем. Стучат и стучат по рельсам колеса — такое впечатление, что мост никогда не пустует.

О том, сколь молод этот край, вы узнаете намного раньше, чем поезд остановится на станции Усяты. Усяты — это и есть Прокопьевск. Но железнодорожники за двадцать с лишним лет не умудрились переименовать станцию, даже в справочниках слово «Прокопьевск» все еще заключено в скобки. Между тем город приобрел мировую известность. На его улицах можно часто встретить шахтеров и инженеров из Польши и Китая, Индии и Англии, Румынии и Чили. Прокопьевск приезжают изучать, у прокопьевцев учатся. Не сидят на месте и прокопьевцы. Бывают и они в Англии, Китае, Чехословакии. Интересуются и они, что нового в шахтах других стран, чему можно поучиться у друзей. Случается и так: приедет из другой страны шахтер и уже на вокзале называет фамилию кого-нибудь из прокопьевцев, хочет сразу же с ним повидаться. Оказывается, наш товарищ в прошлом году гостил у них, вместе даже в кегли играли. Ясно, хочется встретиться со старым другом. Ждать долго не надо, друг здесь, на вокзале, встречает.

По пути из Новосибирска вам попадутся железнодорожные станции и полустанки: Непрерывка, Индустрия, Проектная, Трудоармейская. Названия говорят сами за себя. До чего ж молод этот край! Что ж, тем, наверное, заманчивее чувствовать себя его основателем. Но и молодым людям, которые встречаются вам на сибирских магистралях, унывать не приходится: предстоит и им построить немало новых городов, новых шахт!

Да, это край угля, причем его тут столько, что не ошибешься, если, подойдя к речке, скажешь: «Под ее руслом уголь»,— или, взглянув на железнодорожную магистраль, по которой идут и идут эшелоны с углем, будешь настаивать, что и под магистралью тоже уголь. Наконец, сам Прокопьевск стоит на мощнейших пластах коксующегося угля. Труднее тут найти кусочек земли, в недрах которого не было б угля. Поэтому строительство домов и шахт — здесь дело сложное, хитрое. Неправильный выбор строительной площадки может привести к консервированию огромных запасов угля. Ошибка в проходке не только нарушит добычу угля, но и приведет к повреждению городских строений. Тут во всем полное взаимодействие. Вот почему, говоря о Прокопьевске как о городе, надо иметь в виду не только то, что мы видели на улицах, но и то, что скрыто в его недрах. Можно считать, что существуют два Прокопьевска — один наземный, другой подземный, с обширными рудничными дворами, лампами дневного света, электропоездами, доставляющими шахтеров к стволам.

Но прежде всего вы обратите внимание на свежий ветер. Вы его будете ощущать всюду, на какую бы глубину ни опустились. Временами кажется, будто шагаешь в весенний вечер по открытой степи. В какой бы тесный забой ни забрались вы, в какую бы узкую печку ни втиснули тело — всюду свежий ветер. Это служба вентиляции. Все это замечательно, но прокопьевцы знают, что многое им еще надо сделать. Далеко не все их устраивает в родном городе. Любят они его, но в то же время не по душе им и его архитектура с явным излишеством колонн, и пыль, и недостаток зелени.

2

Шахта «Коксовая» стоит в центре города, неподалеку от трамвайной остановки, напротив небольшого скверика с запыленной зеленью, возле того самого моста, где никогда не утихает гул поездов.

Отсюда дороги уходят в разные стороны. Одна в Ясную Поляну — новый шахтерский поселок с большим Дворцом культуры, больницей. Обычно по воскресеньям в одной из комнат дворца устраиваются книжные база-

Прокопьевск. Улица Фасадная.

Из такой вот молодежи выдвинулось немало талантливых специалистов. Слушая этих людей, невольно вспоминаешь Андрея Кирилловича Козлова. Нет, старик не прав, когда упрекает молодых.

Профессия шахтера привлекает не только тех, кто лишь вступает в жизнь. Я встретил человека, сменившего профессию бухгалтера на профессию забойщика. Он сказал, что обменом доволен. Там же увидел я девушку, оставившую несколько месяцев назад шахту. Ее кто-то убедил, что выдавать аккумуляторные лампы шахтерам — не девичье дело. Она уехала искать счастье в другой город, быстро нашла работу, но вскоре снова вернулась домой.

— Каждую ночь она мне снилась,— доверительно рассказывала девушка подружке.

— Кто? — спросила та.

— Кто, кто! — рассердилась ламповщица.— Наша шахта!

Понять этот город, мало похожий на обычные старые города, не так-то просто. Слово «добыча», например, звучит тут как «жизнь». Хорошая добыча — хорошая жизнь. Хорошая добыча — хорошее настроение. Но вот в конце мая стряслось несчастье. Было похоже, что все утратили хорошее настроение. В воздухе витали два слова: «Срывается добыча». Мы их слышали в тресте, в горкоме партии, в шахте, в забое. Увлекшись текущей добычей угля, не позаботились о подготовке лав. Не проходило дня, чтоб не возникали острые конфликты на планерках, на заседаниях партийных комитетов. На этих же заседаниях обнаруживалось, что немало специалистов подолгу не бывали в забое, судят о положении дел по телефонным разговорам да по бумажкам. Там же легко было заметить, что люди, хорошо связанные с производством, не теряют ни уверенности, ни спокойствия. Взять хоть моего знакомого, бригадира забойщиков Фаизова. Он в отличие от других был в те дни на редкость спокоен. Встретились мы с ним в лаве, когда люкогрузчик, спустившись к нему по печке, крикнул:

— У вас не хватило угля на целый вагончик, не отправлять же его порожняком. Нажмите, ребята!

Я видел, как Фаизов первым взялся за работу, а за ним остальные. И все это без единого слова.

Вскоре уголь пошел в люк. Глыбы покрупнее разбивали кувалдами.

Хотелось бы немного подробнее рассказать о том, как складывается судьба этого молодого забойщика, подробнее потому, что его жизнь во многом напоминает жизнь сотен других молодых шахтеров, приехавших в Прокопьевск юнцами. Тут научились работать, тут сложился характер. Часто они и задают тон родному городу.

Я слушал Фаизова и думал о его сверстниках. Они зарабатывают, как и он, хорошо. Без протекции, без искательства нашли свое место в жизни, да такое, что многие им позавидуют.

Я уже знал, что Фаизов третий год руководит комсомольско-молодежной бригадой и за это время состав ее не менялся. В Прокопьевск приехал он из Башкирии мальчишкой, сперва учился в ФЗО, затем пошел в забой. Теперь у него семья, двое малышей, свой дом.

Р. Фаизов (слева) и запальщик Н. Черников перед спуском в шахту.
Фото М. Савина.

Однажды увидел я его возле шахты с пожилой женщиной. Фаизов меньше всего напоминал гида, да и женщину эту нельзя было принять за туристку, а Фаизов давал объяснения. Заметив меня, он сказал:

— Будьте знакомы, моя мама! Понимаете, она до сих пор боится, что в шахте опасно...

Конечно, он ей не рассказал, как было ему страшно, когда он впервые спустился в забой. Больше всего пугала его темень, мерещилось, что все вокруг трещит...

Прошло время, и я вновь встретил Фаизова. На этот раз он давал объяснения старику. Это оказался отец. Перебывала на шахте вся его родня. Он жаловался, что никак не удается встретить гостей по-настоящему. Однако я уже знал, что младшему братишке, например, он купил костюм за полторы тысячи, матери — пальто, отцу — брюки и ботинки.

В месяц Фаизов зарабатывает пять тысяч рублей, и ему нравится делать подарки.

Спросил я его однажды, о чем он мечтает. Оказалось, больше всего на свете ему бы хотелось, чтобы мать, отец и братья переехали в Прокопьевск. Тогда бы он братишек взял к себе в бригаду, отец занялся бы садоводством. Ну, а мать будет нянчить внучат.

— А братья согласны? — спросил я.

— Как же, конечно, согласны!

— В чем тогда задержка?

— Пока служат в армии. Мы с ними договорились: кончат служить, приедут ко мне. Но мать не согласна, говорит, сперва пусть едут к ней, в Башкирию. Я молчу, а сам думаю: все равно и ты ко мне приедешь и отец — всех переманю...

Я знал, что в нарядную Фаизов после ночной смены придет к девяти часам утра. Так оно и вышло. Взглянув на него, нельзя было сказать, что всю ночь он провел в забое. После душа, который бригадир только что принял, черные, коротко остриженные волосы стали еще глаже.

За окном пыль, поднимаемая грузовиками все на одних и тех же ухабах, духота, скрежет не то экскаватора, не то трактора...

Фаизов не без удовольствия сообщает мне, что бригада заканчивает сегодня ремонт ската и с завтрашнего дня начнет давать уголек.

— У нас парни легкие!

Сразу я не понял, что это значит.

— Легкие парни,— радостно усмехнулся он, и я почувствовал, что он немало гордится тем, что у него подобрался именно такой народ. Называл каждого по фамилии. Вот Сафонов, сам попросился в крепильщики. Замечательный крепильщик! Все делает быстро и легко, сам все притащит,— глядишь, и работу кончил. Напарником у него Андрюк, в прошлом моряк.

И так о каждом, только на одной фамилии запнулся. Сказал, называть не будет, надеется, парень исправится. Но пока его легким не назовешь. Других поучает, у самого, за что бы ни взялся, все из рук валится. Молодой, а медлительнее старого деда. Был у него напарником Сафин. Приходит Сафин и горькими слезами плачет: «Заберите от меня этого человека. С ним ничего не сделаешь, только и знает искать работу полегче». Взял его Фаизов к себе, пока ничего не добился. Наверх поднимется — парень как парень, а в забое — хуже не сыскать.

Фаизов, как обычно, сразу домой не пошел. Сперва заглянул к диспетчеру, разговор зашел о лесе, потом о вагончиках справился. Затем говорили о том, как он сколачивал бригаду.

— Я поступал с ребятами так, как поступали со мной, поощрял каждый хороший шаг. Когда я еще только пришел на шахту, слышу, бригадир, указывая на меня, кому-то объясняет: «Этот умеет бурить, пойдет в лаву». На душе стало сразу хорошо. Потом, когда я уже работал в лаве, советовались, кого послать бригадиром, и начальник участка сказал: «Фаизова пошлем, он справится». И опять почувствовал я себя сильным, про себя подумал: «Раз меня хвалишь, буду еще больше стараться». И вот все это помню. Другие ведь не хуже меня...

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

В далеком сибирском селе Вознесенском, Советского района, Красноярского края, живут колхозники Федор Антонович и Анна Афанасьевна Моисеенко со своей многочисленной семьей. У них тринадцать детей!

Пятеро учатся в школе, помогают матери в уходе за младшими братьями и сестрами — Ваней, Людой, Галей, Валей и самой маленькой — восьмимесячной Надей. Трое старших сыновей уже работают. Михаил трудится на строительстве Красноярской ГЭС. Он буровой мастер. Александр тоже овладел профессией бурильщика. Не один колодец пробурила его бригада на целинных землях Красноярского края. Сейчас он служит в рядах Советской Армии. Алексей, закончив курсы шоферов, стал водителем автомашины в родном колхозе.

Мать-героиня Анна Афанасьевна Моисеенко — доярка колхоза имени Ленина. Она из месяца в месяц получает дополнительную оплату за перевыполнение заданий.

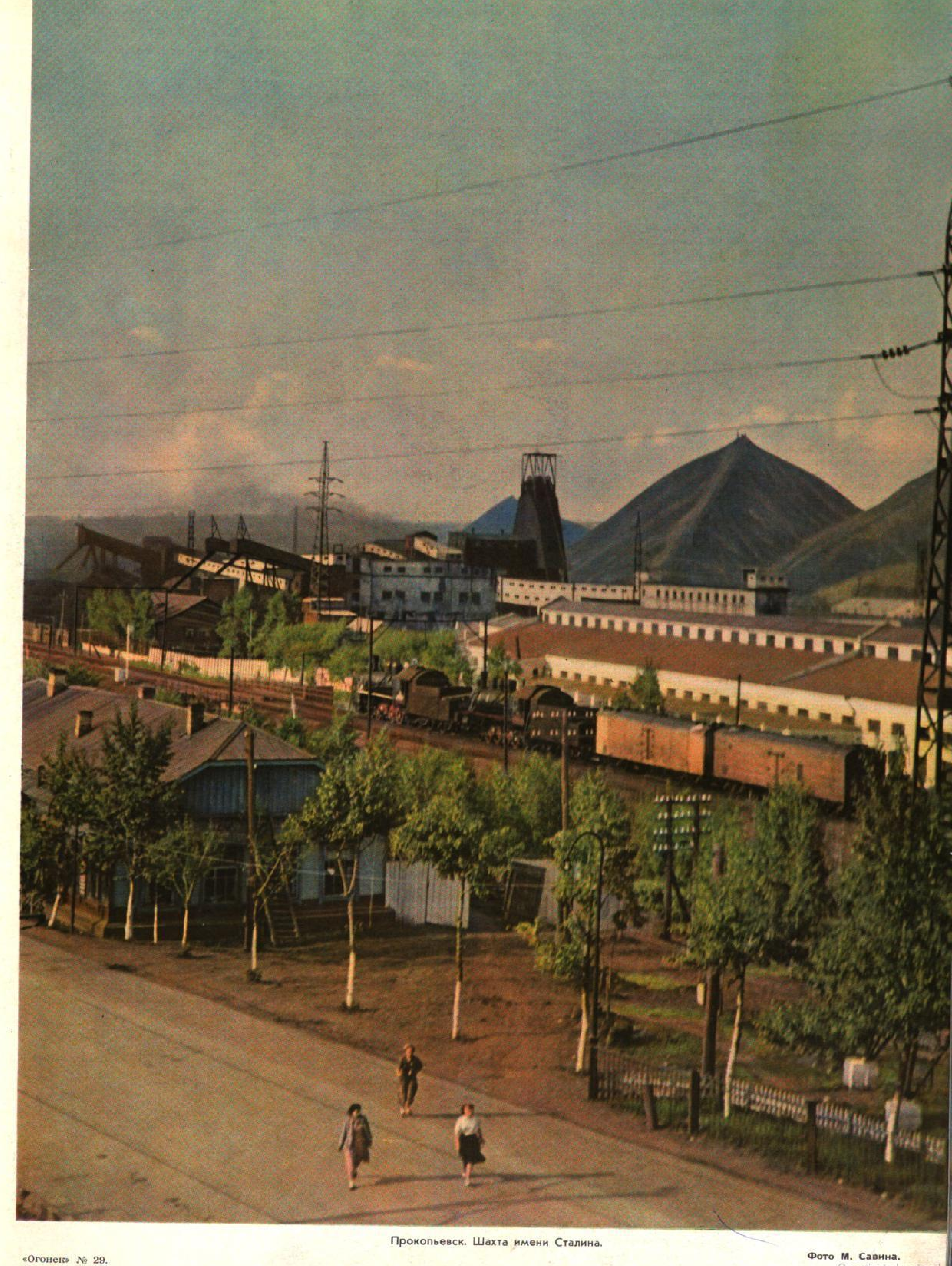
Вместе с Анной Афанасьевной на молочно-товарной ферме работает ее муж Федор Антонович. Он награжден медалью «За трудовое отличие».

С. ВЕРСОН

Семья Моисеенко.

Фото П. Макарова.

Прокопьевск. Шахта имени Сталина.

Фото М. Савина.

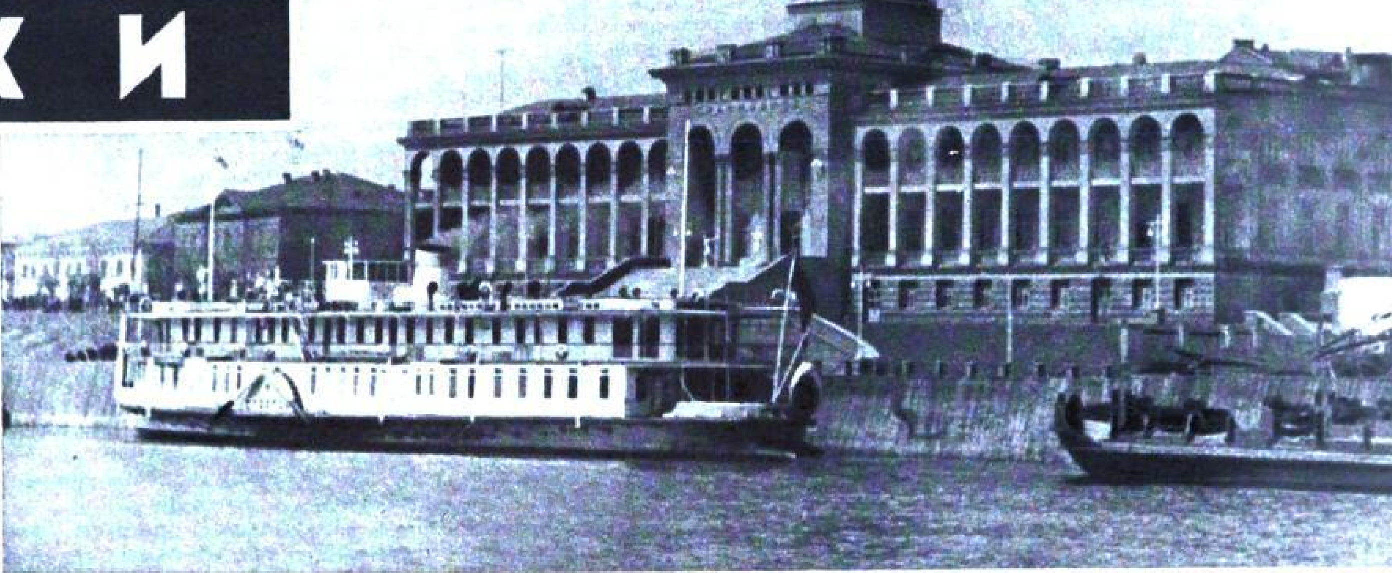

Красноярск. Новые пассажирские суда в речном порту.
Фото О. Кнорринга.

ПОРТ МОГУЧЕЙ РЕКИ

Е. СЕРАФИМОВ

Фото О. Кнорринга.

Речной вокзал в Красноярске.

Главная «улица» Красноярска, разрезающая город на две части,— Енисей. Она, естественно, не похожа на другие улицы: на реке — речная жизнь. У самой воды поднялся ввысь шпиль речного вокзала. Торопятся по лестницам пассажиры, отплывающие на север и на юг. Медленно ползут мимо вокзала караваны барж, похожие сверху на гигантских рыбин. Юркие катера легко обегают их, возвращаются назад, опять перегоняют. Согнутыми пальцами торчат над водой плавучие краны. На горизонте вырисовываются белоснежные теплоходы. У дальнего острова ныряют в волнах лодки отдыхающих, и голоспинные робинзоны на плоту открывают давно открытые земли.

Морякам положено угадывать суда издали. У капитана-наставника Константина Александровича Мецайка юношеское зрение, а его память называют судовым журналом.

Мы узнали, что «Спартак» — самый старый на Енисее пароход. Он еще возит пассажиров. Конечно, это не комфортабельная «Россия», но и не веселая развалина «Севрюга» из кинофильма «Волга-Волга». Что касается удобств, то на местном теплоходе «Чкалов» их не меньше, чем на «России». А енисейская «Севрюга» (так величают нефтеналивную баржу) в данный момент движется с керосином для МТС. Держит путь на север рефрижератор «Советская Сибирь», трюмы которого вмещают груз целого железнодорожного состава. «Владимир Маяковский» повез экскурсантов на прогулку.

В Красноярске скрещиваются две дороги: сухопутная и речная. Выше речного вокзала мчатся через Енисей поезда. Знаменитый исследователь Арктики Фритьоф Нансен, который прошел по Енисею от устья до Красноярска и пробыл в городе несколько дней, писал: «...Несмотря на железную дорогу, здешние промышленники чувствуют себя словно взаперти со своими продуктами, и надежда на сбыт их морским путем открывает им блестящие перспективы».

Капитан-наставник К. А. Мецайк.

Эти строки написаны перед первой мировой войной. Нансен назвал свою книгу о Сибири «В страну будущего». Ныне морские суда поднимаются по реке на несколько сот километров. В Игарском порту, который величается «Игарским морским портом Енисейского речного пароходства», можно увидеть польские, английские, греческие, немецкие флаги.

Железнодорожные составы заезжают на пристань. Там уцепилась за причальную стенку шеренга барж. Над ними описывают круги гигантские краны. Пятнадцатитонные морские силачи могли бы перенести на воду сами вагоны, но их интересует только содержимое. Трюмы барж поглощают разборные дома для строителей Красноярского гидроузла, уборочные машины для целинных совхозов, «Москвичи» для индивидуальной продажи в городах Заполярья. В ассортименте товаров, проходящих через Красноярск, можно найти все: от экскаваторов до губной помады. Вагоны доставляют на пристань грузы для жителей северных городов и поселков, колхозов и совхозов, новостроек. Одни грузы держат путь до Карского моря, другие пойдут через океан, третьи опять перекочуют в вагоны, чтобы из Дудинки попасть по самой северной железной дороге в Норильск. А из Красноярска составы уходят с лесом, металлопродукцией, зерном.

Вот баржа, которая через несколько часов отправится в далекое путешествие — на реку Пит. Машины и самолеты не в состоянии завезти туда все грузы. В прошлом году в одном из поселков выстроили клуб на семьсот мест. Зимой для него удалось доставить на машинах пианино, а кресла, диваны, картины, зеркала, даже занавес прибудут только сейчас. В верховья притоков Енисея пока можно попасть лишь раз в год, по «большой воде». Но весенний паводок речушек длится всего несколько дней. Надо учесть все, не прозевать, выбрать верную минуту для броска. Тогда жители встретят караван радостнее, чем весну...

Кран осторожно взвешивает огромную «авоську». Стекло — ящики с посудой — приземлилось рядом с мотоциклами, кроватями, мебелью, продуктами. И вот уже разгруженная платформа уступает место следующей.

В этом году начинают вторую навигацию построенные для Советского Союза в ГДР пассажирские теплоходы, которые пришли сюда с океана. Один из них, «Чкалов», готовился в рейс на север, до Дудинки. На нем все сверкало и блестело, как перед парадом. Назначение всех зеркал, кресел, читальных залов, музыкальных салонов, ресторанов в том, чтобы пассажиры отлично отдохнули.

За шесть часов флот Енисейского пароходства перевозит столько грузов, сколько многочисленные купеческие компании и общества раньше успевали за всю навигацию. А в текущей пятилетке грузооборот на реке возрастет больше чем в два раза. Этого требуют новые промышленные стройки, рождающиеся на целине совхозы, будущие гидростанции.

Пионеры сибирского телевидения

Телевизионные антенны в Томске можно видеть и на многоэтажных зданиях центральных улиц и на приземистых деревянных домиках окраин. Каждый вечер начинают светиться экраны телевизоров в колхозных клубах Асиновского, Шегарского, Туганского и других ближних к городу районов. Нередко в адрес Томского телевизионного центра приходят письма от зрителей из шахтерского города Анжеро-Судженска, от железнодорожников станции Юрга. И там смотрят передачи, которые показывает Томск.

Томичи — пионеры телевидения в Сибири. Пять лет назад в Политехническом институте активисты научного студенческого общества начали первые любительские опыты с передачей изображения на расстояние. Теперь более тридцати тысяч зрителей смотрят программы, которые показывает Томская студия. Томичи смотрят на экранах спектакли городского драматического театра, новые кинофильмы, выступления ученых, артистов, новаторов производства. Нередко студия демонстрирует и свои собственные постановки, киносъемки.

Была показана по телевидению трагедия Шекспира «Ромео и Джульетта», снятая на пленку в Лондоне. Эта пленка прислана в подарок Лондонской студией телевидения.

Интересно отметить, что оборудование Томского телецентра, произведенное силами Политехнического института, обошлось в несколько раз дешевле по сравнению с телецентрами в некоторых других городах.

С. МЕСЯЦЕВ

В Томской студии телевидения.
Фото С. Фридлянда.

БЕГУН

Георгий РАДОВ

Из сибирского дневника

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

— За что Сибирь любят? — спросил я у одного из случайных попутчиков.

— А ты не меня спрашивай! — весело отозвался он. — Я-то коренной, безвыездный сибиряк, иных краев не видывал, с чем я Сибирь сравню? Ты вот у «бегуна» спроси. Вишь, конвоирую! — И попутчик показал на соседа.

Обоих пассажиров мы подобрали где-то за Черной речкой по дороге в тайгу. Километров триста проехали вдвоем с шофером, изголодались по разговорам, и понятно же: как только впереди показались две мужские фигуры, нога сама потянулась к тормозу, а рука к дверце.

Фигуры были такие: старший, кряжистый, большеголовый, с носом, тронутым оспой и похожим на кусок камня-ракушечника, сидел на сундуке, понуро опустив голову, а младший, гибкий, ладный, черноглазый, в обтерханном синем кителе и галифе, судя по виду, лицо, чем-то руководящее, стоял посреди дороги и размахивал сумкой-плетенкой.

Мы водворили обоих пассажиров и их сундук в машину, заговорили о Сибири, и вот младший указал на соседа и с веселой беспощадностью определил: «бегун».

Большеголовый в самом деле походил если не на «бегуна», то на странника. Кирзовые сапоги его были стоптаны в прах, на штанах темнела заплата, положенная, видно, мужской рукой, а воротник сатиновой косоворотки, врезавшийся в темную крепкую шею, так залоснился, что его можно было принять за кожаный. На сундуке, перехваченном веревкой, белели наклейки камер хранения.

— Спроси-ко его, спроси! — подзадорил меня «конвоир» и с превосходством и, как показалось, со снисхождением кивнул на «бегуна». — Спроси-ко у него, хороша ли Сибирь? Он скажет! Он от нее, от Сибири-то, матушки, во-он куда маханул! Через все государство бежал, а теперь назад воротился... Постиг, значит, истину-то насчет Сибири...

— Чем хвастаешь?! — хмуро отозвался «бегун». — Ишь, глухомань!

Да, вокруг были места глуховатые, таежные. Красавцы-кедры сомкнулись шапками над болотистым трактом. В двух шагах от дороги темнела чаща, вряд ли ступала там нога человека... Впереди обозначился просвет: наискосок через тракт шагнула широкая просека — трасса новой железной дороги к Енисею, весело сверкнули свежеоструганные столбы. Косач, тяжело взмахнув крыльями, взвился из-под машины и исчез в тайге. Потом показалась деревня: темные, осевшие по окна, покосившиеся избы, прогнившие тесовые крыши, кое-где заткнутые соломой. Ни одной новой постройки, ни одного светлого бревнышка. А кругом на сотни верст тайга; десятки городов деревянных построй — и то, кажется, лесу не поубавится...

— Живут-то как! — с укором сказал «бегун». — На полный износ живут, а? Сиби-ирь...

— Сибирь на полный износ?! — рассердился молодой. — Ты что, дядя? Одну деревню видишь, а всю Сибирь хулишь?! Износ! А ты считал, сколь мы хлеба дали? Один край семьдесят миллионов пудов готовенького зерна отвалил. Семьдесят миллионов! Кубани на пятки наступают красноярские хлеборобы, а Кубань-то — житница! Износ... Ишь ты!..

— Я край не хаю, — серьезно возразил «бегун». — Я его, может, получше твоего-то узнал. Семьдесят миллионов! Не ты их давал, семьдесят миллионов! Край-то хорош, нашу деревню вы занехаяли, да вот эту...

— Подумаешь, пре́дмет: две деревни — капля в море.

— Кому капля, а мне в той капле жить пришлось. А вы не дали. Капля! Пробросаешься каплями.

— А зачем ворочаешься? Бегал же от Сибири.

— Не бегал я от Сибири! — с достоинством сказал «бегун».

— Вот тебе раз! От чего же ты бегал?

— От водки вашей...

— От водки?! — не понял я. — Запил тут? С горя?

— В рот не брал...

— Так в чем же дело?

— Они пили, — мрачновато сказал «бегун» и указал на молодого.

— Я-то? — изумился тот.

— Вы-то! Так пили, антихристы, как будто ее завтра запретят, водку. Смертной нормой пили!

— Слушайте его! — беззлобно усмехнулся «конвоир». — От водки он бегал! При чем тут водка? Ну маленечко потребляем мы ее, маленечко пригубливам, да не поболе же, чем в иных местностях... Не водка наша, а ночная кукушка, баба, вот кто тебя снарядил в бега...

— Вали на бабу! — устало махнул рукой «бегун». — Баба виноватая...

— А то нет! Ты только прикинь, в какую она тебя трату ввела, ночная агитаторша... Ты же разорился в пух!

— Ладно каркать!

— Разорился! — с удовольствием повторил «конвоир» и обернулся ко мне. — И он коренной сибиряк. Мальчонкой завез его отец с Орловщины, и с той поры и до нынешней он с места не двигался... Чего тут не пережил! Жинку похоронил, сына женил, внуков дождался, бригадиром назначили... А тут, ему на беду, сорока эта прилетела из-под Калуги. Бабочка сорока восьми годков, крепкая. Окрутила! Поднимается он со всем семейством — и в бега! Избу продал, корову продал, овчушек, свинюшек, птичий глас — все до ниточки размотал и с ночной-то кукушкой, с двумя сынами, с дочкой, со снохой, с внуками понесся на запад. А что за прок? Вот он, глядите-ко, опять у нас! От чего бежал, к тому же и прибежал. Только и прибыли, что за дорогу растратился, разорился и дома лишился. «Бегун»!

«Бегун» молчал, пристально смотрел на кочковатую лесную дорогу, и лишь по дрожи крупных, сильных пальцев можно было определить, что упреки бойкого «конвоира» больно ранят его. Я спросил: что сталось с семейством? Под Калугой прижилось?

— Все явились! — ответил за него черноглазый. — Он-то семейство передом пустил, а сам к брату заезжал за денежным подкреплением. Семью-то мы, колхоз, на грузовике со станции перекинули, а под него, под главу, не дал председатель машины. «Веди, — говорит, — его, Михайло, пешечком, пускай ножками пощупает ее, сибирску-то дорогу, авось, вдругорядь бегать по ней не будет...» А я бы на председателевом месте не его, а бабу — агитаторшу — через всю Сибирь этапом прогнал...

«Бегун» встрепенулся. Пальцы его с силой смяли окурок, светлые глаза впились в молодого.

— Эта-пом! — с горечью сказал он. — Ее этапом! Четырнадцать председателей в вине утопло — как с вами жить!

— А Сибирь ли плоха? — взволнованно спросил он и выпрямился, вскинул руками. — Эвон приволье! Выйдем на сенокос, машины пустим да сами, все до единственного мужика, как кинемся на траву врукопашную... И сечем ее и сечем, стогов наставим тьму, а ее, травы-то, и не менеет — такие сенокосы! Засух не видали — вот те сибирский климат! Землю не осиливали — полторы тыщи гектар под самой деревней, хоть завтра паши... И рыбы в реке довольно, и дичи бессчетно: косач, глухарь, белка, соболя попадаются — вот она, Сибирь! И до чего допьянствовались начальники наши: посреди нетронутых трав скотину соломой кормили! Крыши соломой крыли в тайге — мыслимо? Заборы на топку пошли — ведь вот он как, народ, отчаялся! Сам собственный забор ломаешь: в лес по дрова ехать нет настроения. Краевая власть чуть не за тыщу верст, а районная ездит, хвалится: «У нас в районе пол-Европы поместится». Пол-Европы! На это все и валили, на пол-Европы: можно, дескать, по году в колхоз не заглядывать. А весенней порой, когда речушки поразольются, и вовсе нет сообщения. Тут уж наше колхозное начальство бесстрашно белым днем глушит вино...

— Не все пили, — заметил молодой.

— Из председателей один не пил, — уточнил «бегун». — Привез его секретарь райкома. «Ну, — говорит, — мужики, этого вам передаю, как часы с годовой гарантией: в рот не возьмет, язва у него в перстной кишке». Не прокормили язвенного! Жалованье-то ему надо платить, а с чего? Месяц послужил, свинью с фермы продали — заплатили; второй месяц — вторую свинью... Всех свиней перевели — опомнились: глядь, а он-то, гарантированный, характером слабый, нерасторопный, что ж на него, на такого, за одну язву его еще и молочную ферму в расход пускать? И он сам просится: «Рад бы, мужики, послужить, да как же без жалованья? Отпустите...» Распрощались, опять колесом пошло...

— И вы уехали?

— Снялся,— кивнул «бегун».— Распродался дотла и снялся... Как жить?

— А теперь назад?

— Назад...

...С недоумением разглядывал я «бегуна». То, что он бежал от колхозных непорядков, было не в диковину: бегали и другие. Но какая неволя погнала его, пожилого, степенного, однажды разорившегося, назад в таежную Сибирь?

— Не приветила Калуга? — спросил я наугад.

— Не был я под Калугой,— возразил «бегун».— Это Михайло сибирским счетом считает: «Под Калугу». Знаешь сибирский счет? Тут тыща верст не расстояние... Как говорится: сибиряк к сибиряку за сто верст ездит чай пить. Эвон край Красноярский: и степь, и тайга, и тундра, и море ледовитое — и все один край. А там, на западе, сто верст проедешь — уже ина губерния. В Белгородской я области был. Приличные места! Земли добрые: свеколка по ним оч-чень способно идет. Колхозы сильные: десять целковых на трудодень сплошь и рядом...

— Славны бубны за горами! — засмеялся «конвоир».— Десять целковых! Уехал бы ты от десяти целковых...

— Вот уехал...

Машина, простучав по бревенчатому мосту, пересекла мутную речку, и тайга как-то враз оборвалась. Пошли светлые березняки, осинники, веселое мелколесье...

— Михайло! — спросил «бегун».— А что, Михайло, бабе моей сапоги дали резиновые? Поди, мокро там, на свинарне, студено!

— Выдали! Все, что положено и что не положено, выдали твоему семейству. И хлеба, и денег...

— Спасибо! — глуховато сказал «бегун».— За мной не пропадет! Я к вам тоже с подарочком...

— С подарочком! — передразнил «конвоир».— Ты вот нас хулишь, а за твою дурь кто расплачиватся? Колхоз расплачиватся! Ты семейство свое разорил, а кто спасат? Колхоз спасат!

«Бегун» зарозовел, но не ответил. Машина спустилась в падь, одолела заболоченный ручеек и вновь врезалась в тайгу.

— Сибирь! — задумчиво сказал «бегун», провожая взором строгие пихты.— Это еще когда мы на запад ехали, попался в вагоне умный человек... «Смотри,— говорит,— земляк, не заболеть бы тебе сибирской болезнью. Знаешь, как с нашим братом случается: кто Сибири хлебнул, тот до смерти душой от нее не отстанет...» Посмеялся я тогда, а вышло: зря смеялся... Худо пришлось!

— Вот они! — торжествующе воскликнул «конвоир».— Вот они, калужские пироги! Не сладки...

— Тебе не понять! — отвернулся от него «бегун» и обратился ко мне с шофером: — Попали мы в богатый колхоз. Меня, правда, бригадиром не поставили, в пастухи взяли, но обижаться нельзя: у них своих портфельщиков тьма, ждут вакансий. Старший сын, плотник, пошел по своей линии, бабы — в поле, дочка — на огород, а сын меньшой, тракторист, на прицеп определился. Чудные пошли дела!

Гоню стадо по улице, гляжу, мужики бурьян выкашивают. Соображаю: «На силос косят — до последней былочки все зеленое в ямы уложат, и то еле хватит скотине. А у нас-то, поди, травы не кошены! Да какие травы!» Сын, плотник, домой явится, ругнется: «Эх, так-растак, работа! Привезли десять кубов леса — по разу взмахнуть топором не достанется...» А я себе думаю: «В Сибирь, в тайгу, такую плотницкую бригаду — там бы размахнулись!» Меньшой сын придет, доложится: «Ну, папаня, сегодня три дороги распахали, здешняя целина». Посмеюсь: «Целина! У нас у одной деревни полторы тыщи гектар не тронуто... какой земли!»

Мы под осень приехали на запад. Народища в селе — дивизия! Заходились — все убрали, свезли, «обмолотки» справили, разошлись по избам. И дожди зарядили. Грязища, слякоть, туманы. Сидим со старшим сыном, сапожничаем. «Эх,— говорит,— папаня, сейчас бы по первому снегу в Милушкину падь — белок бы нащелкали!» «Ну что,— говорю,— за охота в пади? Уж тогда на Кемчуг!» «Далеко на Кемчуг!» «Что за даль — семьдесят верст? За полтора суток доберемся, а там у деда Степана избушка. Может, на соболя нападем...» «На сохатого бы лицензию взять!» «Можно и на сохатого. А там, смотришь, и медведь попадется». «Да уж не миновать...» Жинка войдет в избу, прислушается: «Да вы что, рехнулись, мужики? Какой тут Кемчуг? Где они тут, сохатые?» Переглянемся с сыном, вздохнем, примолкнем, с час стучим, опять он начинает: «А что, папаня, здешние на свекле богатеют, а у нас бы, к примеру, пошла свекла?» «Не знаю, сынок, насчет свеклы, а ленок бы всенепременно пошел. В Петровке, есть слух, посеяли». «И доходно?» «Мильон с рублями взяли». «Ай да лихо! Лес не покупать, можно за один сезон отстроиться». «Кто там теперь в нашей деревне строить будет?» «Да-а, кто?..» Задумаемся, загорюем, а жинка только плечами поведет.

«Бегун» передохнул, старательно потушил окурок, отшвырнул его.

— Это уже после осеннего праздника было. Зашел к нам сельсоветский председатель. «Ох,— жалуется,— Афанасий Гаврилыч, из-за тебя лишусь должности...» «Из-за меня?!» «Не вовремя ты приехал! Не политично!» «Почему не политично?» «А потому,— толкует,— план у нас есть на переселение в Сибирь, район жмет, вербовщики явились, ходят по селу, нахваливают ваши края, а ты им всю обедню портишь. Если б ты пособил!» «Пожалуйста, почему не пособить? Агитацию, пропаганду?» «Да нет,— говорит,— какой ты за Сибирь агитатор?! Глянь на себя: ты же в полном расстройстве чувств, можно сказать, без штанов у нас приземлился, кто же, на тебя глядя, туда завербуется? Ты бы уехал от нас в другое село, а?» «Как уехал? Зачем?» «Да уехал бы, а мы слух пустим, что ты в Сибирь возвращаешься...» Смотрит он на меня ласково, жаль человека. А что делать? «Не помощник,— говорю,— я тебе, Василий Спиридоныч, капиталу у меня — рубль с полтиной, в колхозе авансов набрал, семейство на руках... Куда я тронусь? Только словами могу...» «Нет уж,— он отвечает,— ты лучше молчи! Какая вера твоим словам? Придется нам как-то по-другому людям сказать... Не обижайся, ежели чего...»

Нагрозил он мне неведомо чем, ушел, а с неделю минуло времени — дочка заплаканная прибегает домой. «Кто тебя обидел, Антонина?» Рассказывает: приехал человек из района, собрал комсомол, стал в Сибирь звать, а кто-то крикни: плохо, мол, там, вон Фомичевы сбежали... А председатель сельсовета поднялся и объявляет: «Фомичевы вам не пример, они дезертиры, несознательные... Их там из колхоза прогнали...» «Что ж ты,— спрашиваю,— промолчала, дочка?» «Нет, папаня, завербовалась я». «Куда?» «ГЭС строить!» Час минул, вот он, и сын меньшой, входит, бросает шапку на стол: «И я завербовался, папаша. На Енисей! С чего это я, тракторист, буду по недостатку мест на прицепе огинаться?! Поеду! Там бульдозеристы нужны...»

Провалиться бы мне, до чего совестно стало перед детьми. Дезертир! Как им пояснить, что не за даровыми пирогами привез их под Белгород? Непорядки осточертели! А то почему бы и не жить? Сибирь! Охотничай, рыбу лови, пчел води, кедровые орехи — вот они, невозбранно греби лопатой: ничье добро! На одних на божьих дарах прожить возможно, еще и как прожить! Если б я захотел!.. Ан не купец я, и в роду у нас такого не было... Коммуну кто в деревне затевал? Скажи, Михайло! Я затевал!

«Конвоир» сидел присмиревший, озадаченно косился на соседа, словно бы видел его в первый раз.

— Дезертир! — взволнованно заговорил «бегун».— Что ж, прикидываю, может, и впрямь в другую деревню перебраться, да не сказываться, что из Сибири? Времена-то вон какие! Сибирь, Сибирь, Сибирь у всех на языке. Мало ли их еще наедет, агитаторов? Опять я им обедню испорчу? Дошел до колхозного председателя. Хитрюга сидит за столом. Рассказал ему про свою печаль, а он утешает: «Брось горевать, Афанасий! Мы, правление, на тебя обиды не держим. Это пускай сельсовет обижается: у них на переселенцев план, а нам такого плана не дадено, чего ж мы будем на тебя обижаться? Даже наоборот...» И смотрит на меня как-то с особым значением. Наоборот! Что значит наоборот?

Не всех я отпугнул от Сибири, слышу, вербуются. Кто? Вот вопрос! Яшка, наш сосед, записался! Редкостный мужичина! Пока трезвый, к месту привязан, а как до района доберется, зацепит лишнего — и к вербовщикам! Те его цап, веселого, храброго, договор ему под нос, деньги в руки... Является домой Яшка пьянее пьяного. «Завербовался, Меланья!» «Куда?» — баба голосит. А он и не вымолвит, куда, губами пошевелит — и с копыт долой... Утром опомнится, опохмелится. «Погоди, Меланья, это куда же я давеча вербовался? В Салехард? На Сахалин?» Бегут в район, так и есть: в Магадан Яшка оформлен! Поголосит баба, увяжет узлы, избу на замок — поехали! Годок — полтора покочуют, являются, а следом — исполнительный лист! Присмиреет Яшка, в колхоз поступит, баба его при себе держит, чуть не полотенцами на ночь привязывает... Нет, найдет лазейку! Повезет пеньку на завод, дорогой выпьет с дружками, опять его ноги несут к вербовщикам... Мания у человека! И вот, слышу, оформлен, ходит по селу, песню орет: «Эх, да я Си-ибири не боюся!..» И с ним в компании Симеон Буряк, с восемнадцати должностей скинутый портфельщик, хвастает: «У нас тут людей не ценят, а в Сибири с кадрами плохо, пройду там первым номером».

Что ты будешь делать? И сказать-то нельзя! Сам я на полный круг обмаран, дезертир, кто меня послушает?! А и молчать же нет возможности! Подумайте: Яшка с Симеоном на укрепление Сибири едут! Господи! Зазвал я к себе вербовщика, угощение соорудил, допытываюсь: «Что ж ты, милачок, этаких типов вербуешь? Сибири тебе не жаль?» А он удив-

ляется: «Мне-то что за печаль? Я подушно работаю...» «Как подушно?!» «А от души получаю жалованье!» «Да ты посмотри, что за души!» «А к чему мне на них смотреть? У меня их, души-то, не по сортам принимают, а по счету!» «Как по счету?» «Да так, огулом, общим счетом! И потом, если я этих не оформлю, кто поедет? Колхоз крепкий, трудодень дорогой, скажи: будет самостоятельный колхозник от добра добра искать? А правление? Попробуй завербуй хорошую доярку или бригадира — председатель их золотом осыпет, а не пустит. А Яшку,— пожалуйста, без препятствий, еще и лучший отзыв ему дадут! Волей-неволей приходится легконогих брать... План!» «План-то,— говорю,— план, да совесть-то у тебя есть? В Сибирь вербуешь, а сам-то ты ее любишь, Сибирь?» «Э,— говорит мне вербовщик,— да ты, дядя, вижу, языкатый! Совесть? А у тебя самого она осталась? Ноги-то унес из Сибири! Еще и мне работу перебиваешь... Молчи лучше!»

Снова я виноватый... Отправил дочку и сына, а тут, вижу, и старшой загоревал. Правда, насчет того, чтоб в Сибирь податься,— молчок. И я тем же маневром. Сидим, сумерничаем, виду друг дружке не подаем, но разговор один: тайга... охота... простор... целина... стройки сибирские. Баба моя притихла, слушает, головой качает. И вот как-то в сладкий час... Слышь, Михайло! Баба, говорю, в сладкий час... Та самая баба, какую ты хотел этапом, она же и развязала узелок! «Эх,— говорит,— Афоня, что вы со Степкой мучаетесь? Поедем назад!» «Как это,— спрашиваю,— назад? К чему же мы приедем? К тому же самому? В разваленный колхоз? К пьяницам?» «Ну,— говорит,— печаль. Один, что ли, колхоз в Сибири? Есть и хорошие... А местность там и на мой вкус лучше! Климат безболезненный. Места вольные! А тут теснота — курицу, и ту хоть за ногу вяжи, чтоб к соседям не попала. Непривычно...»

— С тем и поехали?— нетерпеливо спросил «конвоир».— Зря я, значит, на твою бабу?

— Нет, не с тем поехали,— возразил «бегун» и подмигнул нам.— Я же говорю: с подарочком! Эй, друг!— обратился он к шоферу.— Потише! Не проехать бы тропки...

...Мы остановились под соснами у развилки дорог. Смолк мотор, и тайга ожила, обдала нас птичьим разноголосьем. «Конвоир» развалился на траве, «бегун» размялся, сел на поваленную бурей сосну, прислушался.

— Токует,— вполголоса сказал он и поднял палец.— Косач токует во-он в том березнячке... На хитрость пришлось пойти,— усмехнулся он.— Задумался председатель: как бы подсолнушками половчей торгануть, много их после заготовки осталось. Я к нему и подкатился! «Командируй в Сибирь — вагон денег представлю! Нет выше цен, чем в Сибири...» «Д-да,— говорит,— слыхал, штука заманчивая, а ты с кооператорами знаком?» «Господи! Друзья до гроба!» «Ну что ж, поезжай, только человек ты для нас новый, а дело многотысячное, без напарника не пущу. Еременко Антон Иванович с тобой поедет...»

Еременко! Да мне же лучше и не надо попутчика! Мужик образованный, молодой, веселый, прямой, как штык... Он агрономом служил, а потом его в заместители двинули. С председателем он на ножах, и тот, хитрюга, все его в тень, все в тень, чтоб район этого человека не оценил.

Едем! До Новосибирска места степные, ровные; кое-где мелькнет осинничек, и опять степь, степь, озера темные... Антон от окна не отходит: ах, мол, места, ах, простор!.. «Э,— говорю,— погоди, это еще не места — степь голая! Впереди места!»

Потаскал я его по Сибири! Пока наши подсолнушки малой скоростью топали в Красноярск, мы и в Абакан мотнулись, и в Енисейск, и в Канск, и в Ачинск... К ценам все примерялись, а я исполнял свой расчет: к деревням, к колхозам присматривался, искал себе под оседлость новое место...

И Антон — это мне совсем было в диковину,— и он как-то подельному осматривал попутные колхозы... Землю щупает, расспрашивает, что родится, что не родится, много ли дождей, что за весны... «Эх,—говорит,—у нас, под Белгородом, колхозы пестры, а уж тут пестрее пестрого!» Правильно, оч-чень пестро по деревням. На юге, в степи, ближе к Минусинску, к Абакану, есть колхозы — залюбуешься. Ни в Орловщине, ни в иных местах таких хлебных колхозов я не видал. Полтораста — двести пудов с гектара пшеницы берут, да не на деляночках, а на просторе. Недородов не знают! А вот в тайге сплошь и рядом деревни, как мы давеча проехали, что называется, забытые людьми и богом.

Припоминается, пришлось нам заночевать в такой деревушке. С вечера по хозяйству прошли. Антон рвет и мечет: «Хозяева! На золоте живете, а что за скот у вас? Что за постройки?» А председатель — с виду неказист мужичок, в летах, собой субтильный, кашель его бьет... Слушает антонову критику, не перечит...

Антон еще пуще расходится. Тот молчит. Воротились в деревню, сели ужинать, председатель вино разлил по стаканам, чокнулся, говорит: «Ну, спасибо, друзья, за критику, а только не стоило бы вас угощать». «Это почему?»— Антон вскакивает. «Да что от вас за прок? Язык почешете, подсолнухами спекульнете — и будьте здравы? А каково мне воевать? Вот я новый человек, присланный, где ж мне помощников взять? Раз, два — и обчелся мужиков в деревне, и те порченые, все, как один, с должностей посняты — хлебнули руководящих щей. На что они теперь годны? А чтоб вам, приятелям, раз уж вы сознательные, шефство взять надо мной?! А? Крепкий, говорите, у вас колхоз? Кадры хорошие? Вот и давайте их переполовиним! У вас сколько земли? Три тыщи га? А у меня пять тысяч, да луга, да леса! Подпрягайтесь! Председатель ваш пусть на западе командует, а тебя, заместителя, пускай нам отдает. Не обойдется он без тебя на трех тыщах гектар? Обойдется! Жирок сгонит, а то молодых кого выдвинет, у вас грамотных много...»

Зада-ал задачку... Утром Антон как бы ненароком спрашивает: «А что, Афанасий, в той деревне, откуда ты убежал, так-таки по сию пору нет хорошего председателя?» «Не знаю,— говорю,— Антон Иванович, может, теперь и назначили, а то писали, не было...» «Д-да,— он задумывается.— А далеко ли она, ваша деревня?» «День езды!» «Может, съездим, посмотрим?» «Нет,— говорю,— Антон Иванович, мне, по правде сказать, стыдно людям показываться. А если вам так угодно, провожу».

— И был он у нас?— живо спросил «конвоир».

— Был,— подтвердил «бегун»,— был и обследовал...

— Да как же мы не приметили?

— А вы у Михаила Филипыча под тот час рождение телушки обмывали... Сообщенья-то не было через речку, вы и спокойненько.

— А он как добрался?

— Они с инструктором райкома на лодке переправились. А по тайге пешой...

— Ах, черт!— заметно обеспокоился «конвоир».— И что ж? В райком он пожаловался?

— Посватался,— сказал «бегун» спокойно и с лукавцей глянул на «конвоира».

— Куда?— вскочил «конвоир».— Куда посватался?

— Да к вам же! Ты беспонятливым стал. К вам же, к нам, одним словом, посватался. Показались ему угодья. Зашел в райком, предъявил документы. Дали согласие...

«Бегун» распрямился, приосанился, расстегнул ворот косоворотки. Видно, был он до смерти рад, что смутил, растревожил не в меру бойкого провожатого. А тот стоял, раскачиваясь на сухих ножках, передергивал плечами.

— Ну, как, Михайло?— не удержался «бегун».— Как подарочек?

— Пода-арочек...— протянул, оправившись, «конвоир».— Погоди, это как же? Едет он к нам? И надолго? С семейством?

— Понятно, с жинкой. И еще двадцать восемь семейств везет с собой...

«Конвоир» прищурился, спросил с надеждой:

— А ты не того? Не разыгрываешь? Что-то баба молчала твоя...

— Приказ ей был: не болтать до поры... Пойдем, Михайло...

Но «конвоир» не расслышал призыва.

— Что за люди?— спросил озабоченно.— Двадцать восемь семейств! Кто такие? Простые или... руководящие?

— Два бригадира!— отчеканил «бегун».— По недостатку вакансий помощниками служили, а парни — огонь! Животновод Степан Огиенко за двух зоотехников сойдет, только что без диплома...

— Но как же они?— недоверчиво спросил «конвоир».— То ты говоришь, никто не хотел вербоваться, одни легконогие... А тут двадцать восемь...

— Подхо-одец надо иметь!— весело пропел «бегун». Он был явно доволен беспокойством приятеля и, чтобы помучить его, говорил недомолвками. Поднялся с сосны, скомандовал:— Пойдем, Михайло...

— До большака доедем,— попросил тот.

— Этой дойдем,— указал «бегун» на чуть приметную тропку.— Ближе. Я хаживал... Конвоируй!— прикрикнул он и рассмеялся. Но тут же закусил губу, порылся в карманах, достал двугривенный, подкинул его на ладони, усмехнулся, виновато глянул на шофера: вот, мол, друг, все капиталы, уж не взыщи...

— Ладно, — отмахнулся шофер.— Топай, дядя!

«Бегун» легко вскинул сундучок на плечо, крякнул и зашагал легко, торопливо, пристукивая дырявыми подошвами, как бы пробуя крепость земли сибирской. «Конвоир» поплелся за ним. Оба скрылись в густом сосняке...

* * *

Прошло три недели. Я больше не бывал в тех местах, да и, признаться, разволнованный множеством новых знакомств, как-то позабыл «бегуна». Но и Сибирь тесна! Встретились нежданно-негаданно...

От Красноярска пробивали дорогу на Шумиху, к месту строительства крупнейшей электростанции. «Пробиваем!» — так сказал один из взрывников, и это было сказано точно: пока в Шумиху можно добраться только водой, а по берегу нет даже пешеходной тропы — сплошь горы, ущелья, бурные реки, тайга. В горах ухали взрывы, а в логу у самого Енисея уже складывался немудрый палаточный быт строителей. Сыграли две свадьбы. Марилец женился на украинке, девушка из Казани вышла за ленинградца. Все было чинно: утром винницкие дивчата на рушниках поднесли к палатке молодоженов «поснидать». И лишь одного не достало — посаженых родителей. Еле нашли пожилую пару посаженых, одну на четверых.

— Ничого!— смеялась, рассказывая мне, молодая.— Ничого! Кусочек батька, кусочек матери, и то гарно...

Невысокая, пухленькая, смешливая украинка, она говорила, прикрыв ладонью недописанное письмо «до дому». А я уже знал, что на стройке не все ладно: никудышный начальник участка пустил дело через пень-колоду, важный начальник строительства еще не собрался поговорить с людьми. Пишет ли «до дому» украинка об этих неприятностях?

— Та вы шо?!— замахала она руками.— Як же можно про то писать? Мы тут ГЭС строим, нам люди потрибни, а я их буду пустяками лякать... Ни, я все пишу правильно! Приезжайте, дивчата, тут хорошо! А як же?! Один начальник не налагодит, другого попросим. ГЭС! — Она распахнула «двери» палатки.— Вы гляньте, как у нас!

В несказанно красивом, простотаки по-курортному роскошном месте стояла палатка. Весь лог был залит распускающейся черемухой, на склонах гор белели березки, на вершинах, как солдаты, плечом к плечу, застыли пихты, а внизу, сквозь чащу, посверкивал Енисей. Молодо перекликались пароходы. Стайка девушек выбежала из соседней большой палатки, понеслась к реке.

— Тут все попереженятся,— вслед им сказала украинка и озорно улыбнулась.— Местность такая!— Поморщила веснушчатый лоб, добавила деловито:— ГЭС построим, курорт откроем. А шо?!

Попутчики мои разбрелись по логу, я дошел до дальней палатки, присел на скамью. Взрывы кончились, над логом повисла тишина, и сквозь брезент явственно донесся очень знакомый голос. Говорил мужчина негромко, на-

ставительно, а ему отвечал раздраженный девичий голосок.

— Так ты блюди себя, дочка...

— Вот еще!

— Пока не женится, чтоб ни-ни!

— Ладно вам!

— Не ладно, а слушай! Избалуешься — кому будешь нужна? Ишь, как у вас тут: старших мало, а вы... Губы вон!

— Не оскорбляйте!

— Не оскорбляю, а остерегаю. Поняла? Ветер в голове...

Я осторожно приоткрыл палатку... Прямо передо мной на койке сидел «бегун», подстриженный «под бокс», загорелый и словно бы помолодевший. Рядом с ним, потупившись, стояла девушка лет девятнадцати, может, двадцати, рыжеволосая, в спортивных штанах. Губы ее были густо покрыты помадой.

— Учу! — строго кивнул на нее «бегун», здороваясь, и проводил: — Иди умойся, дочка...

Потом мы сидели на берегу, и «бегун», внимательно следя за пароходом, что, шлепая колесами, тянул вверх два паузка, бурчал сердито:

— Недосмотр! Недосмотр! Надо бы в каждую палатку к дивчатам по женщине подселить... По умной! Чтоб жить учила... А собрали их правильно, — успокаиваясь, заметил он. — Смолоду вот так, в палаточках, на работе, на черном хлебе. Люди будут! И в совхозы — тоже правильно молодых. А в колхозы не надо...

— Как не надо?

— В колхозы надо семейных, крестьянского воспитания. Лучше укоренятся!

Я заметил, что так и делается: в колхозы вербуют семейных, из деревень.

— Вербу-уют! — протянул он, морщась, и сплюнул. — Горе-горькое! Он же, вербовщик-то, и знать не знает Сибири, и не любит, и не жить ему с ними, с вербованными... У него одна задача — заманить! Подушно! Хватает те души, какие послабей на ногах стоят, и разливается: ах, Сибирь, ах, климат, ах, в Туруханске солнца больше, чем на крымском берегу! Солнца! В Крыму оно почти что круглый год греет, а в Туруханске морозы — птицы замертво падают на лету. Но он же молчит про это... Ах, там колхозы богатейшие, хлеб тоннами выдают! Богатейшие! Да разве ж только в богатейшие надо вербовать? А в бедные не нужны люди? Так ему же, вербовщику, правда невыгодная! Наговорит сорок бочек арестантов — и все гармонисты... А к чему болтать? Сибирь сама и без крымского солнца собой хороша. А если человек слаб душой и к теплу круглогодовому привержен, его и вербовать не след, такие тут не приживаются... На мою волю, я б вербовщиков до единого рассчитал.

— А как же без них, Афанасий Гаврилыч?

— От колхоза танцуйте! Как мы с Антоном Ивановичем...

Он достал из кармана новую пачку «Беломора», распечатал, стукнул пальцем по донышку, ловко выхватил губами папиросу.

— Я тебе не сказал тогда... А это же моя была хитрость: Антона в свою деревню сосватать. Покуда туда ехали, я ее все нахваливал, нахваливал, пока его не распалил. А распалил, он и посватался. А это ж мне и надо! Хоть чем-то перед земляками оправдаться за позор, за бегство мое... Грехи замолить! Ну, посватался он, а я ему совет: надо б туда еще народцу... «Правильно, — говорит, — Афанасий, один я не воин, захватим помощников...» Ох, как взбегался тамошний председатель, когда мы воротились! В райкоме они сцепились с Антоном. Председатель кричит: «Оголяете! Разоряете!» А Антон его цифрой бьет: если, мол, расчесть по механизации, так тебе надо половину людей оставить, а другую половину свободненько, без боли, без убытка посылать в другие края. Но председателю-то вольготней жить с людским запасцем, бунтует: «Все люди у меня заняты, отвяжись!» А Антон ему: «Как заняты? По сто выходов в году? А если по двести дней каждый выйдет, сколько лишних окажется? А потом, почему у тебя доярка доит восемь коров, а не тридцать? Электродоилки почему в складе валяются? Не хочешь над машинами хлопотать, людей много? И на дисциплинку не жмешь — тоже многолюдьем спасаешься?» Председатель кричит: «Коли так, бросаю печать!» А Антон ему: «Бросаешь! Ну и бросай! Езжай в Сибирь, бери туда хоть сто человек, я тут буду хозяиновать, не заплачу...» Осекся председатель.

— Но люди-то как поехали? От богатого трудодня?

— Без Антона бы не поехали. Он же их трепотней, крымским солнцем не завлекал, сказал по-честному: зову не на пироги. Колхоз разбитый, в долгах, постройки ветхие. А шансы есть... Засухи не бывает, — значит, верный расчет на хлеб. Лен посеем — тоже полная гарантия на деньги. Построимся — леса свои. Скот разведем — выпаса не мереные. Пчеле хоть тыщу ульев поставь — есть места. Хотите со мной? Через год по червонцу на трудодень получим, через три года четвертную... Если б это вербовщик залетный говорил, его б и слушать не стали. А тут-то Антон, свой, проверенный. И он же сам с ними едет! Тридцать пять семей подали заявления, но он отобрал двадцать восемь! Отобрал, смекаешь?! Не подушно, а первый сорт...

Катер-водомет вынесся из-за горы, застрекотал, помчался к другому берегу. Афанасий Гаврилыч проводил его, вздохнул:

— Эх, еще председателей колхозов привязать бы к этому переселению! А то что же им за расчет стараться для Сибири? Нет личного интересу! Спихивают вербовщикам таких, какие и даром в Сибири не нужны. Вербовщики только и пасутся в отстающих колхозах, откуда легче стронуть людей. А я б по-другому повернул! Где лучше механизация? В передовых колхозах! Оттуда и брать! Сказать, допустим, тому же Прозорову, читал я про него в газете: «Дорогой Петр Алексеевич! Слава у тебя мировая, силы много, а земли не добавляется. Бери-ка на буксир Сибирь! Отряди туда хорошую компанию.... Члена правления, а то и зама не пожалей, бригадиров, мастеровых». И так бы все крепкие колхозы связать с Сибирью веревочкой! И интересец бы какой-то сообразить, чтоб председателю выгодно было с меньшим числом людей обходиться, толкать механизацию, а лишних посылать на новые земли...— Он поднялся, оглядел горизонт, заречные синие дали. — Мильон человек сюда привези, разместятся — и не заметишь.

Я спросил, довольны ли домочадцы возвращением в родную деревню.

— Баба скубет! — пожаловался он. — Надо было, мол, подниматься, тратиться! Ишь, какую экскурсию проделали в два конца! Все равно что сгорели... И черт понес! Наука!

— А как «конвоир»? Успокоился?

— Михайло? — рассмеялся Афанасий Гаврилыч. — Памятник строит.

— Кому?

— Себе.

— ?!

— Антон приехал давеча, собрал их всех, бывшее-то начальство. Ну, говорит, голуби, разорили деревню? Что о вас люди скажут, когда помрете? Какой от вас след? А ну-ка, хоть памятник каждый себе поставьте. Сколько вас тут? Восемнадцать? Ну вот, сходитесь в бригады, и чтоб мне построили восемнадцать изб! Хороших! Показательных! Своей мозолистой... Строят! Михайло, однако, мозоль набил с отвычки...

Мы посмеялись над незадачливым «конвоиром», и Афанасий Гаврилыч заторопился: ему еще надо было повидать сына-бульдозериста.

Больше я не встречал «бегуна».

Май — июнь.
Сибирь.

АЛЬМАНАХ «ЕНИСЕЙ»

В Красноярске, как и в других городах Сибири, издается свой литературно-художественный альманах. Перед нами недавно выпущенный № 17 красноярского альманаха «Енисей». Каково же его содержание?

Альманах открывается большой поэмой Игнатия Рождественского «Любовь». Это повесть о колхознике Андрее Фомиче, вложившем весь жар своей души в трудное в условиях Сибири дело — садоводство.

Проблеме семейных отношений посвящена драма «По зову сердца» Т. Донской. Хороший семьянин, уважаемый тракторист Федор Ломов уходит от семьи, живет с пустой, изломанной Валентиной. Ломов убеждается, что Валентина не может быть настоящей подругой жизни, тоскует о брошенной семье и наконец возвращается к ней. Донская наблюдательна, она умеет подметить интересные жизненные факты, но ей не хватает мастерства для создания образов сильных, умных людей, которые и в ошибках своих и в их преодолении проявляли бы незаурядный характер.

Герой рассказа «Аркадий» В. Худоногова именно тем и привлекает внимание читателя, что он дан многопланово — в отношениях с товарищами по труду, с любимой девушкой; мы видим его и в минуту шумного веселья и во время опасности.

Читатель не без интереса прочтет стихи Д. Захарова «Три письма» — переписка новосела-целинника со своей молодой женой, не пожелавшей поехать в хакасские степи, расстаться с уютом городской квартиры.

Немало писали у нас о кряжистых старинках — коренных сибиряках. Но подчас в этих писаниях было больше какого-то любования «земляной силой» стариков. Ал. Черкасов в романе «Хмель» — отрывок из него публикуется в альманахе — своих кондовых стариков ввел в мир реальных отношений, показал их без экзотической слащавости.

В разделе «Проза и поэзия» помещены рассказы Вадима Иванова «Большой шагающий» и «Товарищи», повесть В. Жигачева «Победа Васи Рыбкина», стихи Л. Рубцовой, И. Майданова, Е. Сухановой, З. Яхнина.

В альманахе большое место занимает раздел «По родному краю». В очерках и статьях рассказывается о том, как преобразится Красноярский край в шестой пятилетке.

В альманахе появились новые разделы — «Сатира «Енисея», «В лабораториях ученых края», «Из почты «Енисея», больше публикуется фольклорных материалов.

В каждой книжке альманаха «Енисей» имеется раздел «Критика и библиография». В № 17 этот раздел особенно богат. Новому историческому роману писателя-красноярца Н. Волкова «Заре навстречу» посвящена статья В. Беляева. О. Пелымская дает критический разбор художественных произведений для детей, изданных Красноярским книжным издательством.

Когда-то, в конце прошлого века, А. П. Чехов, стоя на берегу могучего Енисея, мечтал: «Какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега». Эта умная и смелая жизнь пришла на берега Енисея. Долг писателей, объединившихся вокруг альманаха «Енисей», — рассказать о ней ярко и вдохновенно.

А. ВЫСОЦКИЙ,
главный редактор журнала «Сибирские огни».

В БЕССОННУЮ НОЧЬ

Рассказ

Сергей НИКИТИН

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Как и обычно, с половины зимы, у Никона начали стыть ноги. В предчувствии изнурительной бессонницы потолкался он, тоскуя, дня два из угла в угол, потом залез на печь и стал смирно дожидаться «своего часу». Ждал он весны, солнечного тепла, сухого ветра и уже задолго до первой капели все ловил привычным ухом ее ободряющий звон.

Когда же тронулись степные овраги и ветер дохнул запахом снеговой воды, когда мутная, глинистая река до краев налила оросительные лиманы и закричали над ними стаи пролетных гусей, Никона охватила нетерпеливая тревога. Он всерьез беспокоился о том, что или весна запоздает, застряв где-нибудь в пожухлых травах казахских степей, или болезнь, поспешив, прихлопнет его, как тугая мышеловка.

Стало тягостней, чем зимой. Тогда по целым дням дома бывали и сын, и сноха, и внучка Марька, а потом еще поселились ненадолго два комсомольца из соседнего целинного совхоза. На этих двух Никон постоянно сердился, и особенно на длинного, рыжего, с кошачьими глазами Кольку, которого звал не иначе, как Колгота. Тот всегда суетился, шумел, ко всем приставал и дразнил Никона всякой ересью, вроде той, что верблюдов можно кормить кнопками, булавками, патефонными иголками и бритвенными ножичками. Или врывался с морозной улицы, скидывал, приплясывая, куцую телогрейку и начинал кричать:

— Разве это местность! Во все стороны ни одного деревца, а! Избы из глины, а топят их — смех один! — коровьим дерьмом! И тоже непонятно, на какой точке земли мы находимся. Слева Россия, а подался чуть вправо, за овражек,— глядишь, там уж Казахстан.

У Никона — потомка тульских переселенцев, мужиков голубоглазых, отупело упорных в поисках своей доли,— начисто выветрилась тоска по лесным краям, которую они принесли с собой на эти неоглядные земли. Ничего не было для него милей степи, кисловатого запаха кизячного дыма и лазурного купола неба, неохватно раскинувшегося над головой. Степь не казалась ему, как иному пришлому человеку, ни однообразной, ни скучной. Она была какая-то завлекающая, рождала сложное, но легкое чувство свободы, окрыленности, умиротворения, грусти. Стоило Никону выйти в степь и вдохнуть ее простор, как ему уже хотелось закинуть сапожки через плечо и пуститься встречь ветру по мягкой пыли суглинных дорог, не помыслив даже о «подъемных», которыми так хвастался Колька.

Но объяснить все это Кольке у Никона не хватало слов. Он только сердился, взмахивал сухими руками и кричал в ответ на его дерзкие речи:

— Эва! Был я годов двадцать назад в лесе-то! Подумаешь, диво! И неба-то совсем не видать. Как только люди там живут, мне удивительно! А здесь-то!.. Боже ты мой! Шагнул за порог — и смотри во все стороны... Вот и выходит, что Колгота ты после этого, и больше ничего. Колготишь, колготишь — все попусту, все кобелю под хвост.

— Брось, дед! — не унимался Колька.— Куда смотреть-то?

— Как это куда? В степь.

— Да на что? Она ж пустая.

— Пустая?! — ахал Никон.— В душе у тебя, знать, пусто, милок, как в том барабане! Ступай от меня к чертовой матери! Пошел, пошел в горницу!

На колькиного приятеля Генку Залихватова он сердился по другой, особой причине, но обходился с ним молчком, так что самому Генке, пожалуй, было и невдомек, почему это старый хрыч Никон надулся на него, как мышь на крупу.

Не догадалась и Марька, зачем однажды, в ту редкую минуту, когда дед покидал свою печную обитель, он присел к ней на кровать и, потрогав за плечо, сказал:

— Нут-ка, хватит спать-то. Ты поговори со мной... Вот не сплю я, ноги у меня стынут, маятно это — не спать-то... Ты поговори со мной.

— Ну, чего ты, дед? — спросила Марька, с неохотой разлепляя сонные веки.

А он смотрел на ее грудь, мерно приподнимавшую тяжелое одеяло, на сильную шею, на широкие строгие черные брови, на смуглый и упрямый рот и думал о том, что она давно уже не та козлоногая, любопытная ко всему Марька, которой был нужен родительский укор, а сама себе хозяйка и что совсем ей теперь ни к чему докучливые дедовы наставления.

— Да так я,— виноватым голосом сказал он,— не спится чего-то...

И опять ушел на печку.

Иногда Колька Колгота заводил патефон, который привез с собой. Перед каждой пластинкой он на весь дом орал:

— Шульженко!..

— Бернес!..

— «Сильва!..»

— «На крылечке!..»

Колькины песни не нравились Никону, лишь «Каховку» он слушал с удовольствием, и почему-то в том месте, где говорилось о стоящем на запасном пути бронепоезде, ему становилось грустно. А потом Колька, видно, по нечаянности, поставил пластинку, которую раньше никогда не заводил, и вдруг тихий хор мужских голосов задумчиво, скорбно и сурово запел:

Товарищ, болит у меня голова...
Тревога промчалась над нами —
От крови друзей почернела трава,
Склони свое красное знамя.

Перед глазами Никона, ослепив его, вдруг полыхнуло, словно сгусток живого огня, красное, освещенное солнцем полотнище, и старика, как боль о невозвратимом, как счастливое, но безнадежно краткое ощущение молодости, пронзило ясное, почти осязаемое воспоминание. На миг увидел он себя под этим знаменем красногвардейского отряда конником с выцветшими глазами скитальца степей, с однобокой от контузии улыбкой, и у него вдруг мелко-мелко задрожали руки, которыми он свертывал себе покурить.

— Нут-ка, сызнова эту! — приказал он.

— Тягуче больно, дед,— попробовал возразить Колька.

— Ну, ты! — строго прикрикнул Никон.— Поспорь у меня!

И было в его голосе что-то такое, отчего Кольке первый раз не захотелось поддразнить деда. Он поставил снятую было пластинку и спросил:

— Что, понравилась?

— Хорошая песня,— просто сказал Никон. Пластинка пошуршала, и снова хор голосов внятно проговорил:

Товарищ, болит у меня голова...

Никон слушал, закрыв глаза, покачиваясь, из стороны в сторону. Он вспомнил, что в отряде молодые бойцы прозвали его «Стариком», и сейчас усмехнулся этому, как сущей нелепице: ему тогда было едва за сорок.

— Я ведь тоже в гражданскую воевал,— сказал он, когда песня кончилась.

— Дык ведь это не про гражданскую,— сейчас же встрял Колька.

— Ну, там не сказано, про какую,— уклончиво ответил Никон, не расположенный спорить.— Она, значит, ко всякой правильной войне приспособлена. Не в этом суть. Я про что говорю? Прятался я однова в яме от банды Викулина. Лихой был атаман. Речи умел говорить — что твой Спиноза. Я его разов десять, наверно, слушал, когда он еще за советку власть говорил, а после она ему что-то разлюбилась. Уманил он смутными речами за собой всякий неустойчивый элемент и пошел шастать по селам, большевиков постреливать.

Гоняли мы его по степи, наверно, с полгода. А потом сами промашку дали. Пощипал он нас в одном селе — ну, прямо скажу, как коршун клушку. Вот и влетел я тогда в яму-то, откуда глину на саман брали,— там и хоронился семь дён. Водицы — той на дне чуть прикапливалось после дождя, а вот ел-то уж всякую нечисть — мокриц там, червяков...

— Ври! — не выдержал Колька.— Разве можно мокрицу от какого хошь голода слопать? Это уж ты загнул, дед.

— Ну, насчет мокриц доподлинно не помню,— сознался Никон,— а вот лягву — это точно съел.

— А банда? — нетерпеливо спросил Генка.

— Что ж банда? Извели, конечно. Куда ей деться? И Викулина извели. Всех, до последнего корня.

— Не знает Ворошилов про твои заслуги, он бы тебя орденом наградил! — гмыкнул Колька.

Никон с укоризной покачал головой. Он был так умягчен своими воспоминаниями, так растерян от неожиданности их беспорядочного набега, что потерял на время всю запальчивость в спорах с Колькой.

— Я, милок, еще помню, как деревянными плугами пахали,— сказал он без всякой связи со своим предыдущим рассказом.— А уж после, когда лобогрейку в село привезли, мужики-то, как на диво, на нее глазели. Иные колготят вроде тебя: на кой она, дескать, нам сдалась? Разбить ее к чертовой матери! Потому — боялись, работу она у них отобьет. А старики тут же: га-га-га, га-га-га. Ровно гуси. То ли, мол, будет, мужички. Всю землю проволокой опутают, а по небу железные птицы полетят, станут вас по башкам клювами долбанить. Вот оно как, милок.

С весной в доме стало тихо. Колька и Генка уехали в совхозные палатки, домочадцы теперь с утра до вечера работали в совхозе. Лишь, как и прежде, днем иногда забегала проведать Никона скотница Мотя Фомина. Великая это была женщина в смысле обилия материнской любви ко всякому живому существу. И даже в ее внешнем облике природа постаралась отразить это свойство, наградив такой грудью, что ею, казалось, можно было выкормить роту полновесных младенцев. Она была уже немолода, лет сорока, но так и не вышла замуж. Как-то Никон глядел на нее — коротконогую, нескладную, с бородавками на мягком лице — и сказал с сожалением:

— Тебе, Мотя, ребеночка нужно.

А она вдруг закрылась большими жилистыми руками и заплакала.

С тех пор Никон, забывая, что слишком часто повторяет одно и то же, спрашивал:

— Ну что, Мотя, нет еще ребеночка?

И она со спокойной, обжитой грустью отвечала:

— Нет, Никон Саввич. Где уж мне!..

Попрежнему Никону не спалось по ночам. Проснувшись, он слышал, как на дворе терлась о стену скотина, ухал невдалеке железной крышей школы ветер и кричали, кричали на лиманах гуси.

Сдерживая дрожь в ослабших коленях, он слезал с печи и выходил за порог. Степные апрельские ночи давили на землю сплошным слоем тьмы; ни щелочки света не было в нем, куда ни глянь; лишь побеленные прутики яблоневых саженцев, как хилое племя каких-то духов, толпились у порога.

Холодный ветер стегал по лицу колючей крупой. С аккуратностью, всегда удивлявшей Никона, каждый год в эту пору апреля, когда давно уже пылят дороги, когда на буграх проклюнутся золотистые одуванчики и по селу вовсю пересвистываются скворцы, откуда-то приносился, словно напоминание о давнишнем несчастье, этот недобрый ветер.

— Ох, напасти!.. Ну их совсем, ей-богу!..— ворчал Никон.

В эти дни вдруг появился Генка. Он заскочил в дом, сорвал с головы шапку и в растерянности застыл у порога, очевидно, пораженный непривычной тишиной.

— Ну, чего заробел? Входи,— сказал Никон с печи.

Он уже забыл, что постоянно сердился на ребят, без которых ему стало скучно, и теперь очень обрадовался генкиному приходу. Давно привыкнув к полутьме кухни, он свободно разглядывал Генку, стоявшего внизу, и с удовольствием отметил, что тот — парень ничего: из себя видный, лицо у него широкое, доброе, даром что фамилию он носит бедовую — Залихватов.

— Наверно, на стану живете? — спросил Никон.

— Пашем уж, дедушка, давно,— охотно отозвался Генка.

— Не сеяли?

— Нет.

— И то рано, погодите. Ну, а Колгота как там?

— Ничего. На пахоте по двести сорок процентов выжимал.

— Колька-то?! Колгота-то?! — изумился Никон и тут же, точно оспаривая чье-то мнение, прибавил: — Он парень проворный. Ты не гля-

ПИТОМЦЫ САЯН

Игнатий РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Отважных людей повстречал я в Саянах,
Суровых в большой и нелегкой судьбе,
Горячих в труде и в любви постоянных,—
Такие по сердцу придутся тебе.

Мгновенья затишья в их жизни не часты,
Их жизнь — быстрина неуемной реки.
Гляди: по-сибирски они коренасты,
И духом они по-сибирски крепки.

Они покоряют Саянские горы,
Любую тропинку находят впотьмах,
Взрывают весной ледяные заторы,
Коварных без промаха бьют росомах.

Я с ними встречался на каменных склонах,
Видал их на горных вершинах не раз,
В тулупах, метелью насквозь прокаленных,
Со взглядом прищуренных, пристальных глаз.

Я помню их говор, открытые лица,
С друзьями я брал за подъемом подъем.
На этих суровых людей положиться
Ты можешь, товарищ, всегда и во всем.

РОДНОЙ ЕНИСЕЙ

Казимир ЛИСОВСКИЙ

Без тебя не найти мне покоя,
Ты любви моей первой сильней.
Снова думою, сердцем, строкою
Возвращаюсь к тебе, Енисей.

Снова вижу я пену в порогах
И медлительных чаек полет.
И зовет меня снова в дорогу
Вечный голос твой, ветер широт.

Ты, река,— моей песни начало!
Часто-часто в таежных краях
Ты меня, как ребенка, качала
На крутых, беспокойных волнах.

И тебя, чья вода поднебесью
Не уступит в своей синеве,
В Заполярье зовут «Иоанеси»,
«Улу-Хем» называют в Туве.

Ты штурмуешь высокие скалы,
Ты в работе с утра до утра...
Нет, не зря навсегда от Байкала
Убежала к тебе Ангара!

Что Байкал! Только славное море!
А тебе океаны сродни,
А тебе бушевать на просторе,
Зажигать путеводно огни.

Знаю, в песни войдет непременно
Этот день недалекий, когда
На плотину, седая от пены,
И твоя устремится вода.

У Шумихи, где кедры стеною
На хребтах поднялись до небес,
Засияет вовсю над тайгою
И твоя, енисейская, ГЭС.

Засияет все ярче, все шире
Золотистым созвездьем огней
Над бескрайним простором
Сибири,
Над тобой,
мой родной Енисей!

ди, что он рыжий да колготистый, он, брат, хваткий.

Генка решительно нахлобучил шапку.

— Марьки-то нет, дедушка?

— Ты зачем в село-то пришел? — спросил Никон, словно не замечая его вопроса.

— За папиросами.

— А у вас-то неуж там нет?

— У нас не той фабрики. Мне «Яву» нужно.

Генка ушел, а Никон весь день чувствовал себя очень хитрым и все тихонько посмеивался и качал головой.

Утром на потолке против окна, точно фонарь, зажглось крупное солнечное пятно, перерезанное крестообразной тенью рамы. Оно медленно поползло по стене вниз, осветило ходики, календарь, сморщилось на складках ситцевой занавески и, наконец, овальным блюдом легло на кухонный стол. Ветер чуть слышно позванивал оконным стеклом. Даже в комнате чувствовалось, что он уже потерял прежнюю силу и резкость и что к вечеру на улице основательно разогреет.

Одевшись потеплей, Никон вышел и сел на лавочку перед домом. Выметенная ветром дорога сверкала осколками стекла, всохшими в суглинок. По ней два лохматых, еще не вылинявших верблюда тащили бочку с водой. Это были Бархан и Симка, которые давно уже возили воду в школу, в больницу, в родильный дом и детский сад. Бархана Никон узнавал по надменному, презрительному взгляду; Симка же глядел печально, в глазах у него была какая-то долгая, степная дума. Узнал Никон и водовоза — казаха Сакена, шагавшего рядом в такой же лохматой зелено-рыжей, как верблюжьи бока, шапке и брезентовом плаще, звучно шлепавшем мокрыми полами по голенищам резиновых сапог.

— Ты как везешь? Половину бочки расплескал, человек ты несуразный! — крикнул Никон и сам удивился тому, какой у него слабый, дребезжащий голос.

Но он тотчас забыл об этом: его радовало, что он знает здесь всех и может, как свой, не обидно ко всем придираться.

— Не моя везет, верблюд везет,— весело ответил Сакен, и маленькие глаза его совсем потонули в лучах морщин.

Никон сидел так до вечера, пока пламенная горбушка солнца не погрузилась медленно и нехотя в жирную воду лиманов. В полном безветрии погас степной вечер, постепенно сменив свои оттенки от прозрачно-нежной синевы до тусклого, стального свечения.

Впервые Никон, прогревшись на солнце, хорошо и крепко уснул. Ему ничего не снилось и только один раз почудилось, что Сакен поливает его ноги холодной водой. Но это уже была почти явь. Он застонал и, как всегда, проснулся от ломотного холода в ногах. Окошко еще не просвечивало на темной стене, но Никон слез с печи, оделся и, взяв шапку, вышел за дверь.

Ночь была теплая; несколько звезд сияли, точно крупные капли влаги, нещедро брызнутой на темный свод неба.

«Теплый»,— подумал Никон.

Не потерявший к старости ни слуха, ни зрения, он смело пошел во тьму, к лавочке, и, повернув за угол дома, увидел Марьку и Генку.

— Систематический ты человек, Генка,— с укоризной сказал Никон.— Охота же тебе за десять километров сюда со стана шастать...

— Спал бы себе, дед,— недовольным голосом сказала Марька. И Никон представил, как сошлись при этом ее широкие строгие брови.

— Нынче сеять начнут, и нечего тут прохлаждаться! — проворчал он.

— Ну, не твоя забота.

Марька увела Генку за угол, а Никон посидел на лавочке и, почувствовав, что ноги продолжают стынуть, тоже поднялся и пошел на скотный двор к Моте Фоминой. Но там дежурила другая скотница. Он ждал Мотю целый час, а когда она пришла, только и спросил:

— Ну что, Мотя, нет еще у тебя ребеночка?

И она, как всегда, ответила:

— Нет, Никон Саввич. Где уж мне!..

Выйдя от Моти, он бесцельно побрел по улице мимо саманных домов, слепо поблескивавших на него оконными стеклами. Весна пришла, а ему было все так же беспокойно, и запах ветра, вобравшего в себя ароматы пашни, зацветающих холмов, теплой воды лиманов, только усиливал это беспокойство.

Отдохнув на крыльце правления колхоза, Никон пошел дальше. На востоке уже не так влажно мерцали звезды, небо засветилось изнутри зеленоватым светом.

От гаража Никон пошел на конный двор. Потревоженный в сладком утреннем сне, сторож обругал его нехорошим словом, но Никон не обиделся и проникновенно сказал:

— Послушай, милок, дай мне коня.

Сторож выпучил на него круглые, рачьи глаза.

— Да ты что, старик, фью-фью? Сбрендил, что ли?

— Дай! — повторил Никон.— Мне только в степь съездить, недалечко. Уважь!

— Блажишь, Никон,— нахмурясь, сказал сторож, такой же старик, но покрепче, с окладистой из тугих колец бородой.— Зачем тебе в степь? Ты и на коня-то не взлезешь. Нам с тобой осталось только на печке верхом скакать.

— Взлезу. Уважь, милок! — просил Никон.— Мне бы в степь, недалечко... Уважь!

— Не уважу,— крутил сторож головой.— Ну как я выдам тебе коня без конюха, без бригадира, без председателя? Подумал ты, какое я имею законное право? Ну вот. И ступай с миром, а не то, не дай бог, осерчаю. Ступай.

Никон пошел. В прогоне между конюшнями зияла синяя рассветная пустота, из нее ровно, без порывов истекал ветер, и против течения этой воздушной реки, опираясь на палку, легонький, как сухой тростничок, Никон зашагал в степь. Откуда-то из-за спины его по пашням и травам солнце скользнуло ранним лучом. Стал виден пар над ними — легкое розовое дыхание земли,— в небо взмыл коршун, высматривая сусликов, и под ногами у Никона забегали маленькие серые ящерицы. Зорким взглядом прирожденного степняка Никон наметил впереди себя бугор и упрямо шел к нему, не разбирая дороги, задыхаясь и чуть не падая. Он все-таки не выдержал и, когда бугор был уже близко, остановился передохнуть. Щурясь, обвел он взглядом всю степь. Сзади, совсем, оказывается, недалеко, она упиралась в саманные стены сельских построек, зато слева, справа, впереди размахнулась так широко, что у Никона вдруг закружилась голова. Он поспешно зашагал дальше, стараясь смотреть только под ноги, и забрался на бугор уже из последних сил.

«Ах, саранча! Нашли же место, бестии этакие!» — засмеялся Никон, глянув вниз.

На Никона вдруг наплыл теплый масляный запах еще не остывшей машины. Рядом был гараж, возле него белел горбатый силуэт председательской «Победы», недавно пришедшей из района или из дальней бригады, и Никон вспомнил, как оконфузился в прошлом году, когда напросился поехать на ней с председателем в степь. Тот, ездивший всегда без шофера, убежал к стоявшему посреди поля комбайну, сказав, что скоро вернется, а Никон остался в машине один и, когда ему захотелось до ветру, не мог открыть дверцу. Председатель замешкался. Никон дергал за все ручки, но они не поддавались его слабым усилиям, и вот тогда-то с ним случился стариковский грех. Председатель никому не рассказал, только добродушно посмеялся сам, посмеялся и Никон, но теперь, при воспоминании об этом случае, ему сделалось очень нехорошо. Он стоял возле машины, широко расставив согнутые в коленях ноги, опершись обеими руками на палку, и плакал беззвучными стариковскими слезами, в первый раз по-настоящему, с такой нестерпимой болью поняв, как стар он и слаб и как мало осталось жить ему на этой земле.

Там, под самым бугром, виднелся белый платок и рядом — круглая кепочка. Запрокинув девке голову, парень целовал ее в губы.

Никон хотел озорно улюлюкнуть, но в это время девка, легонько толкнув парня в грудь, выпрямилась и, ловя петлей пуговицу на кофточке, посмотрела вверх. На лбу у нее сошлись широкие брови.

— Ну чего ты, дед, как привидение, по степи ходишь? — строго спросила Марька.

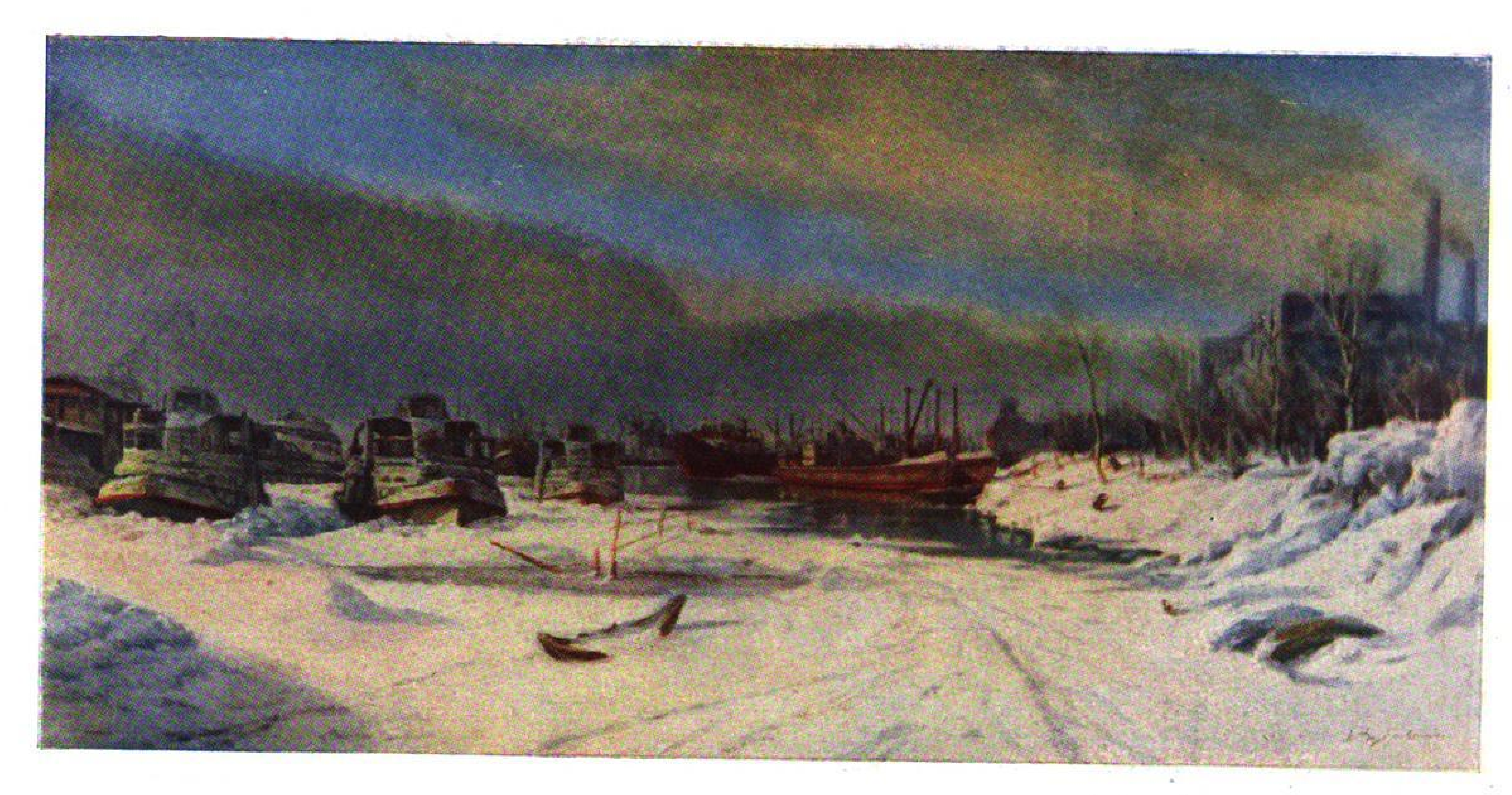
Никон вдруг оробел, присел в траву, в зацветавшие степные тюльпаны.

— Сеять нынче будут...— пробормотал он.

— Поспеем и сеять,— солидно отозвался снизу Генка.— Чего вы, дедушка, волнуетесь.

— Да мне что... устал я. Эвон откуда пехом иду,— сказал Никон.— Я тут сяду, а вы как знаете.

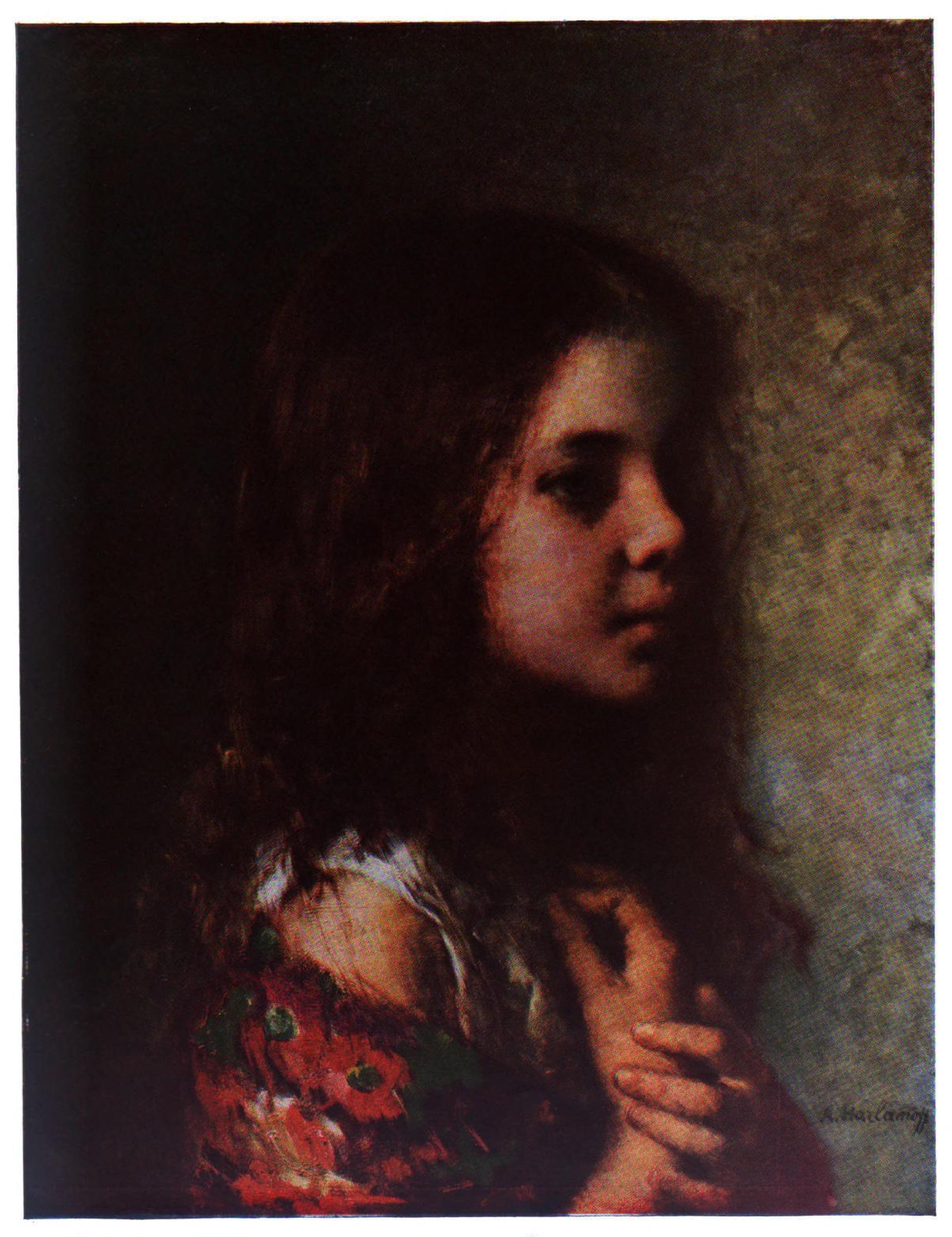
Он не видел, ушли Марька и Генка или нет, он грелся на солнечной стороне бугра, пестро убранной разноцветными чашечками тюльпанов, щурясь, смотрел в степь, а потом вдруг уронил на теплую грудь земли свою голову, откатилась прочь шапка, и долго, до самого заката, степной ветер шевелил остатки его белых седых волос.

А. М. Дубровский. НА ЗИМОВКУ. 1921.

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ.

К. П. Белов. ЕНИСЕЙ. 1954.

А. А. Харламов. ГОЛОВА ДЕВОЧКИ.

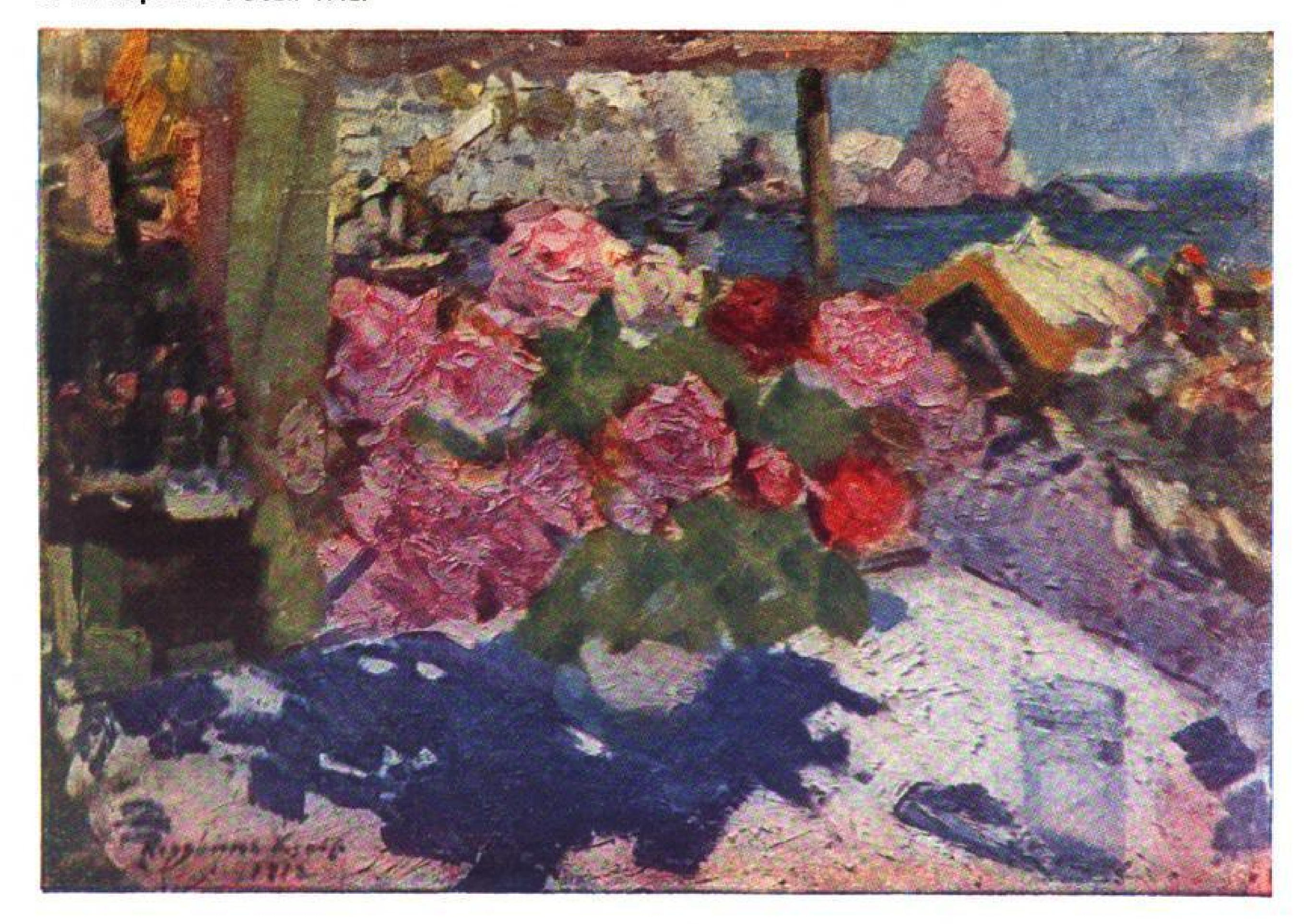
К. Я. Крыжицкий.
ДАЛИ. 1901.

Ф. А. Васильев. ПЕЙЗАЖ. 1868.

А. Д. Кившенко. ЖНИТВО. 1878.

К. А. Коровин. РОЗЫ. 1912.

ОМСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ

В самом центре Омска в красивом здании хранятся богатейшие коллекции Омского музея изобразительных искусств: произведения живописи, скульптуры, фарфор, изделия прикладного искусства. В его экспозициях в основном произведения, некогда входившие в фонды музеев Ленинграда и Москвы. Сейчас в Омском музее до 3 500 экспонатов. Посетители могут познакомиться с полотнами Левицкого, Айвазовского, Крамского, Мясоедова, Шишкина, Ярошенко, Верещагина. Особое внимание экскурсантов привлекает зал, где экспонированы картины Репина, Сурикова, Поленова, Левитана, Врубеля.

В советском отделе представлены работы мастеров старшего поколения — Юона, Грабаря, Бялыницкого-Бирули, а также произведения ведущих художников Омска. Природа родной Сибири, труд и быт сибиряков — основная тема полотен наших живописцев. Большинство этих произведений экспонировалось на областных, республиканских и всесоюзных выставках.

Посетители музея знакомятся здесь с историей развития русского искусства, начиная с XVI века — со старинных школ новгородского и московского письма — и кончая современным.

г. Омск.

А. ГОЛЬДЕНБЛЮМ,
директор Омского музея изобразительных искусств.

А. МАКСИМОВ

Фото М. САВИНА.

В прошлом году «Огонек» (№ 26) рассказывал, с чего началось это дело. Выпускники школы в Верхней Хортице, Запорожской области, приняли решение: по окончании школы всем классом поехать на целину. Они капитально подготовились к такому серьезному шагу: еще во время учения большинство из них приобрело специальные знания.

Верхнехортицкая молодежь попрощалась с родным островом на Днепре и отправилась в далекий путь.

Год спустя мы встретили группу бывших запорожских школьников на Алтае, в Поспелихинском совхозе.

...Сначала здесь все казалось необычным и поражало своими неожиданностями. Как-то в сумерках, возвращаясь с поля, Вера Помитий почти у самых вагончиков бригадного стана увидела серых лобастых зверей. Вера остановилась в нерешительности. А они неторопливой трусцой двинулись своей дорогой и растаяли в надвигающихся сумерках. «Волки!» — догадалась Вера.

Нечто подобное приключилось однажды и с Аллой Алещенко. У обочины лесополосы она заметила темные предметы, похожие на черные валуны, а еще больше — на обугленные пни, отливающие глянцевитым блеском. Когда девушка приблизилась, «пни» вдруг зашевелились и сорвались с места. Это было целое семейство огромных беркутов. Встревоженные орлы кругами пошли в небо, и оттуда долго доносился их резкий клекот.

Дикие утки стаями кружились над старицами и протоками. Они гнездовались, словно не обращая внимания на людей, на гул машин. А корсаки — степные лисицы,— наверное, даже были довольны вторжением тракторов: бродили по борозде вслед за агрегатом, вылавливая мышей, выпаханных плугом.

Алла Алещенко и Валентина Токмак на посадке картофеля.

„ЗАПОРОЖСКАЯ КОММУНА"

— На бензин в обиде не будешь! — заверяет Лидия Павленко.

Поселка еще не было. Вместо домов стояли временные жилища — палатки и вагончики. Как это бывает на новом месте, все старались устроиться землячествами. Получило в свое распоряжение палатку и верхнехортицкое землячество. Под ее просторным пологом хватило места для всех семнадцати человек. Жизнь в парусиновом домике была исполнена неподдельной романтики. Что может идти в сравнение с постелью из душистого сена, с ночевками почти под открытым небом, когда в тишине доносится и трубная перекличка журавлей и сторожкий гогот гусиных косяков!

В совхозе знали, что молодежь приехала из Запорожской области, с берегов Днепра. Эти места о многом говорили людям зрелого возраста. В их памяти оживали времена первой пятилетки, когда Хортица была неотделима от знаменитого «Днепростроя». И сейчас, глядя на верхнехортицких комсомольцев, люди старшего поколения узнавали в них свою молодость. Тот же комсомольский огонек, который вел молодежь на «Днепрострой», теперь, через четверть века, призвал молодых на Алтай. В этом была своя закономерность: покоренный Днепр шел на помощь Сибири, покоряющей целину.

В Поспелихинском совхозе за хозяевами палатки как-то сразу утвердилось название: «Запорожская коммуна». Тут действительно жили одной семьей: вместе работали, питались, всей коммуной выбирали товарищу обновку в магазине. Быт новоселов, их труд и развлечения строились по требовательным законам дружбы. Да и могло ли быть иначе у тех, кому со школьной скамьи всегда сопутствовало чувство локтя?

Жизнь на целине, как это быстро почувствовали вчерашние школьники, не была веселым времяпрепровождением. Поспелихинский зерносовхоз закладывался почти на голом месте. Он представлял собой небольшой поселок, затерявшийся в степном без-

Николай Заяц успевает и поработать и в волейбол поиграть.

Вот какие попадаются беркуты в алтайских степях!

брежье. Триста километров от Барнаула, десятки километров от ближайших сел... Ни домашнего уюта, ни привычных удобств. Зато много земли, уйма работы, самой неожиданной, разной, но тем и радостной, что тут все, начиная от выращивания хлеба и кончая устройством собственного быта, требовало труда, терпения, смекалки.

И вот палатки были сменены на комнаты в недавно выстроенном домике-общежитии. Сколько хлопот и беспокойства вызвал праздник новоселья! В палаточном городке можно было довольствоваться малым: немудреной постелью, дорожным чемоданом для пожитков, тумбочкой. Тут же забот прибавилось вдесятеро: надо было думать о меблировке комнат, о домашней утвари, о припасах на зиму...

«Коммуна» закупала впрок картошку и овощи, обзаводилась «стадом» из трех баранов — на мясо для общего котла. Купили их и спохватились: где же держать животных зимой? Надо было немедленно приступать к строительству сарая. Сами его и сооружали, как незадолго до того сами сколачивали табуретки, полки для посуды, вешалки для одежды.

Тому, кто бывал на целине, особенно в первые месяцы, известно, что такое трудности становления жизни на неосвоенных землях. Верхнехортицким десятиклассникам тоже пришлось познать их полной мерой. Было все: и работа в непогодь на прицепе у трактора или соломокопнителе комбайна и очистка семян в лютые январские холода.

Еще год назад, когда выпускники Верхнехортицкой средней школы выезжали на целину, они приобрели друзей во всех концах страны. В их адрес хлынул поток писем из десятков городов и сел. Поток не прекращается и сейчас.

«Здравствуйте, дорогие! — пишет комсомолка Г. Чадаева из Кирова.— После окончания школы девять человек из нашего класса твердо задумали поехать на целину. В райкоме комсомола говорят, что прежде надо списаться с комсомольцами одного из новых зерносовхозов: нужны ли там люди? Вот мы и обращаемся за этим к вам».

В письме Тамары Гордеевой, пришедшем из Сталинска, Кемеровской области, говорилось: «Я целый год мечтала о целине, все дожидалась, когда исполнится 16 лет. Теперь уже можно ехать. Я не одна, нас четверо подруг. И все собираемся к вам в совхоз на новые земли».

Письма учащихся, солдат, рабочих исполнены живого интереса к судьбе молодых патриотов, желания знать, как они овладевают профессиями земледельцев, как устроились на целине. Что ж, верхнехортицким комсомольцам есть о чем рассказывать далеким друзьям.

Поспелихинский зерносовхоз — крупная зерновая фабрика, одна из тех, какими славится хлебородный Алтайский край. В первый год совхоз получил 300 тысяч пудов пшеницы. Нынешним летом, расширив посевные площади почти до 20 тысяч гектаров, новоселы борются за то, чтобы засыпать в закрома государства впятеро больше прошлогоднего.

Неправильно думать, что целина — такая глухомань, где человек оторван от всего, что окружало его на родине. К сожалению, такой взгляд еще бытует среди некоторой части молодежи. Недаром в одном из писем, прибывших в совхоз, так и говорилось: «Нам, девушки, странно, как это вы решили променять благодатную Украину на алтайскую степь, голую, пустынную...»

Степь голая, пустынная... Такой могло нарисовать ее только небогатое воображение. Целина сегодня — это не медвежий угол, где человек обречен на тусклое, убогое прозябание. В степном поселке, как и в большом городе, ярко горит электричество, звучит радио, выходит своя многотиражная газета. Здесь не только работают, но и с увлечением занимаются спортом, смотрят кинофильмы, учатся. Как раз в тот день, когда пришло это скептическое письмо, «Запорожская коммуна» встречала у себя сотрудника Алтайского сельскохозяйственного института. Запорожцы — заочники агрономического и зоотехнического факультетов этого вуза.

Шуру Швец влечет профессия педагога, а Николая Заяца — механика по сельскохозяйственным машинам. Шура заочно получает образование в педагогическом институте, Николай посещает соседнее училище механизации.

Конечно, в совхозе еще не все ладно и в быту новоселов и в организации культурного обслуживания. Но люди, преобразующие целину, сами благоустраивают ставшие для них родными алтайские места. Нынешней весной молодежь, детвора, домашние хозяйки заложили у южной окраины поселка лесополосу — защиту от пыльных бурь и ветров. У многих домиков зазеленели молодые тонкие деревца — тополи, клены, яблони,— кусты смородины. Плотина, возведенная новоселами, наглухо перекрыла балку, и там, собрав вешние воды, засеребрился пруд. Любители спорта разбили футбольное поле на центральной усадьбе, волейбольные площадки на отделениях и полевых станах тракторных бригад.

Хорошо быть полноправным участником великого дела обновления и переустройства родной земли, какими с гордостью могут назвать себя комсомольцы из Верхней Хортицы!

СЛОВО К БАЙКАЛУ

Иннокентий ЛУГОВСКОЙ

Необычайное нежно любя,
Оговорили поэты тебя:
Седой...
Седеющий...
Поседевший...
Ты слышал в стихах этот свист надоевший!
А может быть, с берегом в вечной борьбе
Седеешь не ты, а стихи о тебе!

Тебя величали бездумно и щедро:
Загадочный...
Грозный...
Бушуешь без ветра...
А может быть, выведав тайны пучин,
Сказать бы, что нет ничего без причин!

Тебя утешали в строфе простодушной:
Забудь, мол, о дочке своей непослушной...
А может быть, в песне замолвить пора,
Что стала послушной твоя Ангара!

Все мы стареем. Становимся строже.
А ты все моложе,
А ты все моложе!
И, в снег твоих горных вершин влюблена,
Взлетает, как юность, шальная волна.

Я знаю: недолго осталось до встречи.
Ты шире расправишь гранитные плечи
И сотни ущелий, где сон моховой,
Морозной и бодрой зальешь синевой.

И ветер, пронизанный свежестью хвойной,
И вал устрашающий, моря достойный,
И чайку, скользящую в майском дыму,
Подгонишь к Иркутску,
Окну моему.

И дальше, алмазную изморозь сея,
Пройдешь, величавый, до Енисея.
В глубинах твоих захлебнется она,
Челюсть зубастая Падуна.

И верь:
Под твоим полусказочным светом
Будет смешно и неловко поэтам,
Правду превыше всего любя,
Седым называть молодого тебя!

БЕРЕГА

Егор ИСАЕВ

Понятно каждому без слов,
Самой природе так угодно,
Вода — меж твердых берегов...
Она к ним льнет в ночи холодной...

Они, насупившись, молчат,
Как после ссоры, и, быть может,
Друг друга видеть не хотят,
Но остаются вместе все же.

Им дорог плеск студеных волн,
Что голубой бегут дорогой,
Оставить их на произвол
Крутые берега не могут.

Они имеют цель одну,
Напор выдерживая грудью;
Речную каждую волну
Выводят в море, будто в люди.

Идут под солнцем и в тени
К морям от самого начала
И не расходятся они,
Пока волна не станет валом.

Шумят на ветру яблони

С. ФРИДЛЯНД

Село Огурцово под Новосибирском. Четыре года назад учитель биологии Ф. Петков увлек ребят и девочек хорошей затеей: на пустом месте разбить сад. Это казалось мечтой. Но мечта, подкрепленная трудом, стала явью.

Теперь в «зеленой лаборатории» Нижне-Чемской средней школы № 48 шумят на ветру ветви крепких и здоровых яблонь, густыми рядками выстроились кусты ягодников, на грядках зреют огурцы, помидоры, морковь. Маленькие газоны украшены желтыми, красными, синими цветами. А в стороне зеленеет больше тысячи яблоневых сеянцев заложенного в этом году питомника.

Это не школьный урок. Ребята и девочки, деятельные участники юннатской группы, слушают увлекательную беседу о вмешательстве человека в жизнь природы.

← Сибирское лето короткое. Юннаты построили небольшую теплицу. Девятиклассники Саня Тилин и Нелли Шульгина заняты прививкой черного паслена на томат. Юные садоводы Саня Тилин, Люда Козлякина, Толя Костылев и другие награждены почетными медалями ВСХВ.

По дороге на пришкольный участок пристроился бесплатный пассажир. →

Люда Козлякина.

Среди сорока пяти различных сортов яблонь видное место занимают мичуринские сорта стелющихся деревьев. Зимой прижатые к земле ветви надежно укрыты от сибирской стужи обильными снегами. →

Толя Костылев.

← Эти молодцы уже закончили свою работу и, видимо, довольны, что обогнали других.

ГОРНЫЙ ВЕТЕР

Глава из повести

Сергей САРТАКОВ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Эту книгу я взялся писать не потому, что я писатель. Я матрос с речного парохода. Но получилось так, что не мог с собой справиться. Даже стихами сперва попробовал. Да это, пожалуй, и с каждым из вас бывало, такое состояние. Видите ли, дело в том... Хотя нет! Если я сразу расскажу, в чем дело, то и книги никакой не будет.

Не знаю, как другим, а мне было очень трудно начать. В хороших книгах главный герой непременно откуда-нибудь приезжает и, как новая метла, сразу начинает чисто мести. В этой книге главный герой — я, но я ниоткуда не приехал. Все девятнадцать лет своей жизни прожил на одном месте, если не считать, что все эти девятнадцать лет каждую навигацию я плаваю по реке. И мести мне, кроме палубы, пока нечего. А книгу написать хочется. И выходит, что придется писать мне ее так, словно без бакенов по незнакомой реке плыть. Ну, да ничего. Надо, так поплывешь...

* * *

У меня большие и очень сильные руки, и когда я здороваюсь, Маша всегда вскрикивает. Она тоже сильная, но я верю, что ей бывает больно, хотя и не настолько, чтобы кричать. А этим она определенно хочет показать, какой я медведь. Я это знаю и на это не обижаюсь.

Говорят, что при моем характере мне только и быть речником. Не возражаю. Не понимаю и не люблю я такую жизнь, где каждый день на другой день похож, а ночь — на ночь. Год пройдет — только и разницы, что календарь новый купишь. А на реке ничто и никогда не повторяется. И сама река тоже каждый час особенная. Но это понять можно, если только, вот как я, все время сам ее видишь.

Учился я в школе до шестнадцати лет. Семь классов окончил. Зимой учился, а летом вместе с младшим братишкой, Ленькой, и с матерью на пароходах плавал. Отца у меня на фронте убили.

Про Леньку большой разговор я вести не намерен. В книге он не герой. О нем — только по необходимости. Брат. Когда я семилетку заканчивал, Ленька еще в первый класс собирался.

Мать поварихой на пароходе служила. Любила эту работу, но тяжела она была для нее: все время толкись на ногах возле горячей плиты, а здоровье плохое.

Зато и старалась она, чтобы хоть я не вышел такой. Иногда утром подольше поспать хочется, а мать поднимет и заставит гири выжимать, холодной водой обтираться. И круглый год дня не даст передышки. А потом привык: не только водой — снегом зимой обтирался. Вот и затвердели мускулы. За это спасибо только матери говорю. И еще спасибо за то, что на реке она меня вырастила. Мне без реки теперь и реке без меня быть невозможно. Да, к слову, еще такой, как наша. По складам скажи: «Е-ни-сей». Музыка! Эвенки по-своему зовут еще красивее: «Иоанеси». На русский язык перевести — «Большая вода». Этого я не знал — Маша сказала. Она до таких вещей охотница!

Плавать я хорошо умею. Должно быть, потому, что сила в руках у меня огромная. Хоть три часа подряд «по саженке» буду отмахивать, и не устану. Чем дольше плыву, тем больше плыть хочется.

Песни очень люблю, хотя у меня самого голоса нет никакого. В хоре, понятно, я спеть могу, но там и всякий споет: двадцать или тридцать человек всегда одного заглушат, если он с тона собьется.

У Маши голос очень хороший, красивый, нежный. Вот она бы петь могла в каком хочешь концерте, а почему не хочет, этого я не понимаю. Она говорит: «Голос комнатный». Я слушал хор Пятницкого, был он у нас на гастролях. Как запоют русскую народную песню, могучую, да с разливом, словно на крыльях тебя понесет, богатырем себя чувствуешь! Но заметьте, себя тоже все время чувствуешь — ты тут. А Маша запоет — и ровно ты сам исчез куда и только одно твое сердце осталось. А возле него невидимая струна и звенит, и смеется, и плачет.

Песни на меня действуют, как погода: есть песня-дождь, есть песня-солнце, есть песня-буря...

Но коли про погоду я помянул, должен сразу сказать: по мне самая лучшая погода только та, которую замечаешь. Если дождь, так чтобы лил, как из ведра, и на улицах пузыри бы пенились; мороз — так чтобы стекла в окнах трещали, а щеки у Маши кумачом бы цвели; ветер — так чтобы задирал двухметровый вал поперек всего Енисея, а осенью еще и со снежной крупой, этакими колючими иголками прямо в лицо.

* * *

Сдал я экзамены за седьмой класс не то чтобы блестяще, но все-таки ничего. Мог пойти в восьмой класс и рассчитывать на речной техникум. Маша, например, после седьмого класса в речной техникум поступила. На ура ее приняли. Правда, у Маши ни одной четверки не было, круглая отличница. Должен вам, между прочим, сказать: девчонок я не любил уже с первого класса. Ну, да их и все-то мальчишки всегда ненавидят! Но Маше, когда ее приняли в техникум, я почему-то нисколько не позавидовал и не обозлился на нее, даже подумал: «Этой хотя бы сразу и в институт». За сердце задело только одно: Маша на год моложе меня, а седьмой класс тоже на год раньше меня окончила. Понимаете? Мужское самолюбие!

Так вот. В ту весну, когда я семилетку окончил, мать у меня тяжело заболела. Паралич ей ноги разбил. И сразу все мои расчеты рухнули. Представляете положение: Леньке восьмой год, мать обезножила, да деду — отцу матери — в Енисейск надо хоть сколько-нибудь посылать. Тоже инвалид.

Короче говоря, поступил я на работу. Устроиться мне помог Степан Петрович Терсков. Машин отец. Диспетчер. Не обошлось тогда без крепкого спора. Забыл я вам сказать, что отец мой работал водоливом на барже. А другой дед, отцов отец, кочегарил на первых пароходах. Еще у купца Гадалова. Прадед на лямках вверх по Ангаре илимки с товарами таскал, а прапрадед гонял плоты. Понятно, при такой родословной и мне дорога только в плавсостав. А Степан Петрович говорит: «Нет, на берегу тебе работать придется. Как же ты уплывешь от больной матери и от малого брата? В речной порт пойдешь таксировщиком». Будто между лопаток под кожу шприц мне воткнул. Вам тоже, наверно, прививки против дифтерита делали, знаете. Это меня-то, Костю Барбина, в контору!

Ну, спорили, спорили, а сошлись на том, что пойду я в матросы на пароход «Лермонтов», который из города на правый берег Енисея пассажиров перевозит. Так сказать, на «корабль ближнего плавания». И при доме буду, и не береговик все же, а плавсостав!

Посмотришь на жизнь,— из чего она складывается? Не только на работе или, скажем, учится, развлекается человек. Обязательно есть у него и всякие дела домашние. Самые простые: вроде картошки на базаре купить, или суп сварить, или полы помыть. Всех домашних дел не назовешь, так их много. И без них ни один день не обходится. В кино или на стадион пойдешь не пойдешь, а обедать каждый день надо. И давайте так разберемся: если я на работе, а мать лежит к постели прикованная, что, волшебница картошку чистит и ленькины рубахи починяет? Маша все это делала!

Мускулы у меня очень крепкие. И грудь, как чугун, ударь кулаком — загудит. А спроси меня: как я матери помогал, когда она здоровая была? Дров нарубить? Так это для меня и не труд был, на этом я только силу свою наращивал. Другое дело, скажем, пол помыть. Тренировки тут мускулы не получают, мокрую тряпку держать в руках неприятно, и спина устает. А у матери, выходит, не уставала, и мыть полы ей было сущее удовольствие... Или так: купит она на базаре сразу ведра два картошки, чтобы лишний раз не ходить. Пока до дому донесет, двадцать раз остановится. А мне бы не два ведра — целый куль взять на плечи, и то вприпрыжку до дому добежал бы. Однако не ходил я на базар вовсе. Почему? Ну, вы сами это понимаете. Молодой парень — и вдруг женскими делами занялся...

Вот дошел я сейчас до этого места, перо обмакнул в чернильницу и задумался. Станут парни читать, обидятся. Скажут: не все та-

кие. Хорошо. Пусть. Согласен. Такой только я один, Костя Барбин.

Не мыл я полы никогда. Суп не варил, и все прочее. Но когда мать слегла, не знаю, как я вышел бы из положения, если бы не Терсковы. А короче, если бы не Маша. Но тут, представьте, что еще получилось, какой оттенок... Мать, бывало, просит меня, а я от домашних дел, как вода в щель, уходил. И не стыдился этого. А когда Маша на себя чуть не все наше хозяйство взяла, стыд у меня появился. И даже двойной. Стыдно, что я бездельничаю, свой в семье, а Маша, посторонняя, по дому хлопочет. И другого рода стыд — самому делать что-нибудь такое. Особенно при Маше. Вот штука! И решил я добиться перелома.

Первое время труднее всего Ленька доставался. Страшный лодырь он оказался. Семь лет ему, скажете... Конечно, семь лет. Только теперь-то мне ясно, что не с семи лет, а еще раньше человек начинается. Пришлось взять Леньку в ежовые рукавицы. Ему что: раньше было «мама, дай поесть», а теперь «Костя, дай поесть». Вот и вся разница. Условный рефлекс у него выработался. Только я в дом, он и заведет свою песню. Знаю, в обед его Маша кормила. Он знает, вечером будет ужин. И нет — свое тянет. Дай ему колбасы, консервов или сыру. А это дорого, если все только сыр да консервы. Вижу, надо не так. Ладно. Приду. Заноет Ленька. Я ему сразу: «Чисть картошку, кроши капусту, скобли морковь». Он вертится: «Да-а, а ты сам-то не чистишь!» «А я с базара принес,— говорю,— справедливое разделение труда. Даже корки хлеба не дам, пока суп не сваришь». И приучил. Стал у меня Ленька даже совершенно самостоятельно суп варить. Сначала ужасная вещь получалась. А потом ничего, усовершенствовал.

Посуду мыть — куда бы уж проще? Технологии тут никакой. Сам глагол «мыть» все объясняет. Так Ленька даже из такого точного глагола совсем другое сделал. На секунду сунет под кран тарелку и скорее полотенцем ее вытирает. Вода холодная, с жирной тарелки скатывается, а вся печаль на полотенце потом остается. А логика понятная: полотенце-то Маша стирала. Пришлось эту логику иначе повернуть: заставить его самого стирать посудные полотенца. Помогло.

Драть штаны и рубахи Ленька умел замечательно. Если бы перевести его на сдельщину, он бы, наверно, здорово зарабатывал. Только любишь кататься — люби и саночки возить. Заставил я Леньку взяться и за иголку с нитками.

Словом, так или иначе, а постепенно все нашло свое равновесие. Каждый помаленьку нашел свое место и дело себе. Что по силам, что по характеру, а что и по необходимости.

* * *

Команда на «Лермонтове» была небольшая. И все молодежь, как я. Даже сам капитан бритвой скоблил, по сути, вовсе голые щеки. Ребята в команде подобрались интересные. Но в книге они не герои. И потому я подробнее только про двух расскажу.

С Васей Тетеревым я на пароходе познакомился, а Илью Шахворостова и раньше знал. Да чего там знал! В одном доме жили, только в разных подъездах. И на лыжах, случалось, вместе ходили. Он неважно ходил, хотя и старше меня был на целых три года. Но на «Лермонтове» плавал, между прочим, пятую навигацию. Школу после четвертого класса бросил. И этим вроде даже хвалился. Я, дескать, всеобщее обязательное образование имею. Так даже в анкетах писал. На язык он острый. Правда, Маша к этому всегда добавляла: «А ум тупой». Но ребятам нравились всякие его прибаутки. Особенно, если чуточку подсоленные.

Какого цвета волосы у Ильи, не назову — сколько помню, сострижены начисто. И зря. Потому что голова у него некрасивая, словно кто ее пальцем, как глину, в разных местах пробовал. Понадавил ямок, да так потом они и остались. А у него еще привычка: ямки эти щупать. По глазам я догадывался все же, что Илья совсем белый. Знаете, бывают волосы как стеклянные, даже будто просвечивают. У таких людей глаза — пасмурное небо. И чему бы ни радовался Илья, все лицо у него от смеха морщинами изрежется, а глаза все равно останутся ледяными. Глянет — и как инеем по зеленой траве хватит!

А Вася Тетерев — парень другого склада. То есть даже не другого, а третьего, потому что ни на Илью, ни на меня он совершенно не походит. Весь он какой-то мягкий. И в целом и по частям. Лицо у него, щеки, как подушечки, и рот он плотно не закрывает, будто губы свои боится помять. Не стану зря говорить, какие глаза у него. Всегда он дымчатые очки носит. С кем беседует, обязательно воздух ладонью поглаживает. Голос тихий и чуточку как бы задумчивый. А прежде чем начать говорить, он непременно в руку осторожненько кашляет. Сердитым Васю я никогда не видел. И румяным тоже. Летом загар его не берет, а зимой мороз краски на щеки не бросит. Танцевал он очень красиво, плавно. Вальсы любил больше всего. А сам играл на мандолине. Кстати сказать, он и секретарем комсомольской организации был у нас. Как получка, обязательно всем напоминает: «Первая заповедь, ребята,— комсомольские взносы».

А у меня, между прочим, вышло так с первой зарплатой. Перед получкой я целых два дня тренировался, росчерк разрабатывал. Чтобы сделать, как у самого начальника пароходства: и красиво и неразборчиво. К примеру, не отрывая пера, гнать, гнать штормовую волну по бумаге — Барбин; кверху всплеск — и побежала этакая спиралька, как летний вихрь, все размашистее и размашистее, а потом узел брам-шкотовый, оттуда опять бросок вверх, влево, через головы всех букв, и к началу фамилии «К» подставить: К. Барбин. В тетради здорово получалось. А у кассы не то. Прилавок оказался тесный, локоть положить некуда, перо колючее, не скользит по бумаге, а в глубину лезет, и, хуже всего, на ведомости такая узенькая строчка, что фамилию в нее никак невозможно вместить. Но я все-таки расчеркнулся по-своему, хотя и занял целых три строчки и по всей ведомости брызнул чернильным дождем.

Только от кассы — Илья. «Э, не зря,— говорит,— у меня нос чесался! Первый заработок, Костя, весь товарищам на угощение. Обычай». И за рукав меня тянет... Я туда-сюда, никакие отговорки не действуют. Так и поддался бы я. Но заходит Вася Тетерев. «Получил деньги? — спрашивает.— А какой подарок матери купил, деду?» И тоже обычаем называет — подарки родителям на первый заработок покупать. Зовет с собой в магазин. Ну, я, понятно, сразу же согласился. Пошли. А Шахворостов тоже за нами следует. Так, втроем, по магазинам мы и ходили. Матери купил я стеганое одеяло, чтобы не зябла зимой. А деду почтовый перевод сделал, пусть на свой вкус деньгами распорядится. И с Васей расстались мы. А Илья опять на меня навалился и заставил-таки зайти в павильон «Ркацители» с ним выпить. Подсели еще парни, кто, не помню, и тоже с нами пили, за мой счет. Скажу я: не очень вкусно было. И не очень весело. Как по обязанности какой пили. И что ноги потом плохо меня слушались, а глаза застилало горячей слезой, тоже мне не понравилось. И особенно ударило меня в сердце, что мать поняла все, когда я ей на постель подарок свой положил и, сам не знаю, почему, совсем по-дурацки засмеялся.

* * *

За лето на реке загорел я здорово. Плавал всегда я по целому лету на пароходах, а такого загара, цвета каленых кедровых орехов, почему-то никак не мог достичь. И голос теперь у меня забасил. И шея не от жиру, а потолстела.

Надо понять всю ее, красоту речной жизни! Вот, к примеру, тихий румяный восход солнца после душной ночи, когда на улицах висит серая тонкая пыль, а по-над берегом катится ветерок, такой ласковый, что даже вымпела на мачте не шевельнет, и поймать его можно только на мокрый палец. Купаться в Енисее в такое утро лучше, чем в чистом нарзане, хотя, к слову сказать, в нарзане я никогда не купался. Домá в городе улыбаются, белые, свежие; стекла в окнах солнцу подмигивают: «Подымайся скорее». Поезд идет через мост, мимо дымчатых гор катится, слышно, как паровоз дышит. Зачерпни в ладонь воды и плесни подальше — капли хрусталинками загово-

рят. Вот ведь какая бывает звонкая и светлая тишина!

Да и не только по утрам на реке хорошо. А, скажем, ливень с грозой. Молнии рвут небо на части, в землю втыкаются. Гром из тучи хохочет. А вода в Енисее кипит, пузырится, белыми гвоздиками кверху подскакивает. В это время снять майку и выйти на нос парохода: а-ах! Пассажиры с верхней палубы под тент убегают, а ты стоишь себе, насвистываешь, и с мокрого чуба у тебя по лицу ручьи бегут.

И когда первый ледок у берегов появится — хорошо! Поет, звенит, похрустывает. На тросах мелкие сосульки бахромой висят. Поведешь рукой — раскрошатся. А ладонь после этого долго горит, горит. Из-под кожуха, от плиц, теплый пар поднимается. Не люблю я летом машинный пар: в горле першит от него. А осенью совсем другое дело. Мягкий он, и запах у него становится нежный. Забежишь на миг в такое облачко — и сразу теплота по жилам заструится. Ну, а потом снова в холод. От такой перемены только быстрее двигаться хочется.

Лучше Красноярска города вообще нету. Я знаю, так и всякий из вас о своем родном городе скажет. Против этого возражать не стану: дело законное. А все же таких, как Красноярск, еще не найти. Против всех других городов Красноярск потому уже лучше, что нет нигде реки краше Енисея. И притом такой могучести. Не верите мне, прочитайте Чехова. Не хотите читать Чехова, приезжайте, посмотрите сами. Где еще вы найдете такую чистую, светлую воду? Только в Ангаре. Так Ангара сама — приток нашего Енисея! По легенде, его возлюбленная. От Байкала (а ведь тоже хорошее озеро!) Ангара сбежала, только бы с Енисеем ей слиться. К плохой реке, наверно, не побежала бы такая красавица. А быстрина в Енисее! Сила! Ну-ка, придет пора — и зашевелит Енисей своими плечами. Какие турбины он заворочает! Так ли еще тогда все вокруг засияет, засветится!

Ладно. Поглядим не только на реку, хотя вдоль нее Красноярск на добрых двадцать километров вытянулся. Отойдем в сторону от берега. Заберемся в горы, к нашим Столбам знаменитым. Конечно, это не Памир и не Гималаи. Нет на них ни ледников, ни фирновых полей. Совершенно теплые скалы. Но, однако же, альпинисты и с мировой известностью лазать на них не стыдятся. На Енисее хорошо восход солнца встречать. Ну, а на Столбах как, вы представляете? Забраться вдвоем с вечера на вершину самой высокой скалы, когда внизу, в ущельях, висят белые туманы, на травах роса блестит и листья берез от холода ежатся. А тебя греет теплое плечо человека. Слов тут много не говорится. Ночь пройдет, как минута. А когда над лесом прорежется первый луч, тонкий, золотой, только поглядишь молчком в глаза друг другу. Э-эх!.. Ну где в другом городе найдешь такое счастье?

Взять историю Красноярска. Оно, может, и любой город своей историей славится, а Красноярску все же за триста двадцать пять лет перевалило! Но не это дорого. Были в Сибири города и постарше Красноярска. Вроде Мангазеи. А на том месте теперь и гнилого бревна не сыскать. Или Тобольск с Туруханском. Тоже были знаменитые города. А что они теперь против Красноярска? Пересохли, как снеговые ручьи. А Красноярск, как Енисей, никогда не пересохнет. Почему? Потому что, спасибо ему, казак Андрей Дубенский в удачном месте город заложил. Вот он и выстоял до нашего времени. А теперь ему вечная жизнь дана. Жить ему и славу свою накапливать. Великий художник русской земли Василий Иванович Суриков где родился? У нас, в Красноярске. И не только родился — лучшие свои картины здесь он обдумал. Значит, может наш город душу большого художника наполнить? Дать ему впечатления? Силу в его кисть вложить? Может! И стало быть, будут у нас и еще такие художники!

А за свободу свою всегда как боролись у нас? Первый бунт в Сибири против царских воевод именно здесь подняли. В девятьсот пятом году тоже где, как не в Красноярске, храбрее всего рабочие против самодержавия сражались? Вон они, ямки от пуль, до сих пор в кирпичных стенах видны. Зайдите в паровозоремонтный завод, посмотрите... Да как же такой город не любить? И как же он не самый лучший?

* * *

Так первая моя рабочая навигация пролетела. А за зиму я очень привык к Шахворостову. Может, еще потому, что он все время меня за силу мою подхваливал. А чье сердце на похвалу не отзовется? В выходной день уйдем вместе с ним за город на лыжах, я бегу целиной, а он по моей лыжне. Сзади кричит: «Ну, Костя, ты и ходок! Говорю тебе: чемпионом мира будешь». На работе глыбу льда (обкалывали мы суда на отстое) пошевелит руками: «Ну, нет, это, Костя, только по твоей силе. А ну, покажи класс!» Я стараюсь, ворочаю, а он сидит, головой покачивает: «Вот это богатырь!» И не обидно мне, а лестно.

В эту зиму, в сильные морозы, пить водку я начал. По сто граммов, не больше. Тоже Илья научил: «Триста на бок валит, двести веселит, а сто только мороз отгоняет». Правильно. Очень греет. Хотя вкус у водки и самый противный. Ну, да сто граммов, зажмурясь, в один глоток опрокинуть можно. Дома я капли в рот не брал: мать огорчилась бы. Пьющих очень она недолюбливала. Маша один раз заметила все-таки: «Костя, зачем ты это?» Но матери моей не рассказала.

Вообще в ту зиму был я какой-то неопределенный. Было со мной, как бывает в игре, когда колечко прячут. Вокруг тебя десять человек, а как угадать, у кого оно спрятано? Вот и тянет тебя то к одному, то к другому, а то и сразу всех схватить за руки хочется.

На кого только не хотелось похожим мне быть! По характеру, конечно. Из книг — чуть не на всех героев. И на Чапаева, и на Павку Корчагина, и на Алексея Мересьева, и на Олега Кошевого, а не то на «мин херц» Алексашку Меншикова, или на Кола Брюньона, или даже на Труфальдино. Из живых людей, моих знакомых, тоже чуть не на каждого. Илья что делает, говорит,— я от него беру. С Васей Тетеревым встретишься — и на него похожим хочется быть. Даже дымчатые очки носить и в ладошку покашливать. Степан Петрович остановит, свои советы начнет давать — вот бы и мне рассуждать так убедительно! От жены его, Ольги Николаевны, занять бережливость. От моей матери — терпение. От Леньки... Ну, от этого ничего не займешь. Словом, или сразу собирай в кучу от разных людей все те, что нравятся, качества, или по очереди меняй их. И тут я стал чувствовать: долго такая путаница во мне сохраняться не будет и, наверно, начнет одолевать что-нибудь одно.

Вот. А перед новой весной объявили мне, Шахворостову и Васе Тетереву, что зачислят нас в команду на большой пассажирский теплоход «Родина» с голубой полосой на трубе, что означает — скорая линия. Узнал я, что Маша будет тоже плавать на этом теплоходе радисткой. И тут, с этой весны, и начались в жизни моей крутые повороты. Можно сказать, в биографии завязался сюжет.

* * *

Никогда я не болел, был точно застрахованный, вернее, хорошо закаленный. И все-таки свалил меня какой-то злой грипп. Сперва я хорохорился: «Чихать мне на всякие насморки!» И чихал я действительно здорово, прямо без перерыва чихал. А насморк, назло ему, ледяной водой вышибал. До тех пор вышибал, пока на сорок градусов себя не нагрел. Тут я сдался. И отлежал я в постели ровнехонько шестнадцать суток. А «Родина» тем временем в рейс первый, да и во второй ушла.

Это я рассказал потому, что из-за глупой болезни моей мы с Машей до начала навигации на Столбы не сходили. Восход солнца там не встретили. Свой обычай нарушили. И пришлось мне ждать еще две недели до промежутка от второго рейса «Родины» до третьего. Вы скажете: «Ну, беда не так велика. Двумя неделями раньше, позже...» Правильно! Только дело все в том, что неизвестно, повернулась бы или нет в мае биография моя так, как в июне начала она поворачиваться.

«Родина» прибыла с низовьев Енисея в субботу. А в новый рейс должна была пойти через день. Как нарочно, для нас воскресенье выкраивалось. Приятно — праздник общий. Хотя, с другой стороны, по воскресеньям на Столбах всегда и толкучка большая. Даже не всегда на скалах сразу найдешь хорошее местечко, чтобы только вдвоем восход солнца встретить.

Слушаю я в пятницу вечером прогноз погоды на субботу. Передают по радио: днем ветер северо-западной четверти, облачность и так далее. К ночи — со значительным выпадением осадков. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Значит, никакого восхода солнца в воскресенье не будет. Сердце у меня, как у ежика, колючками так и встопорщилось: выбрали же синоптики день для осадков!

Утром в субботу Маша спрашивает:

— Костя, правда, что прогноз плохой?

— Прогноз, может, и плохой,— отвечаю,— а погода будет хорошая. Сама знаешь, синоптики всегда врут.

— Ну, смотри,— говорит. И палец даже подняла.— С нами моряк один пойдет. Неловко перед ним будет, если он попусту вымокнет.

Разговор этот случился на нашей лестничной площадке. Маша постучалась, а заходить в квартиру не стала. Я уже рассказывал вам, что с Машей мы почти ровесники, стало быть, по крайней мере, восемнадцать лет на этой же площадке мы встречались. И сам я не знаю, почему, но как-то так сложилось. Допустим, Илья, Вася Тетерев — парни; Ленька наш, Мишка, машин брат, как в моде теперь говорить,— пацаны; Степан Петрович, Ольга Николаевна — взрослые. Так и каждый человек для меня имел свою категорию. А Маша возраста словно никогда и не имела. И я тоже при ней своих лет не замечал.

Но тут, когда Маша упомянула про моряка, я сразу почему-то почувствовал, что мне девятнадцать. Может, даже и двадцать. Или двадцать пять. И еще я почувствовал: стою, развернув плечи нарочно так широко, что на груди чуть рубашка не лопается. Да-а... Сколько лет я Маше в лицо глядел и, честное слово, не знал, какие у нее глаза. А тут вдруг заметил, что они совершенно синие, пожалуй, даже чуть сзелена, вот как вода в Ангаре. И еще: вокруг зрачка, на хрусталике, мелкие черные крапинки. Не знал я тоже, почему Маша такая светлая. А тут понял: свет-то в глазах у нее заложен. Не одинаковый. Улыбнется — и глаза теплее засветятся. Нет улыбки — и свет холоднее. А совсем не гаснет. Не гаснет потому, что совсем без улыбки у Маши лицо никогда и не бывает. Другие девушки улыбку умеют делать. Только смеется такая, а видишь — ей не смешно, тебе же вовсе не весело. А у Маши всегда своя, несделанная улыбка, и всегда левая бровь словно бы чуточку приподнятая, и всегда в ответ хочется и тебе засмеяться. Но тут я стою, вижу глаза, вижу улыбку машину, а ответить ничего не могу, потому что свет от нее идет куда-то мимо меня.

А Маша словно бы ничего и не заметила.

— Значит, так условимся, Костя: ты зайдешь за нами. А я сейчас в управление пароходства.

И побежала по лестнице. Только каблучки по ступенькам пощелкивают. Хоть бы спросила, не попутчик ли я. Мне ведь тоже надо было идти в отдел кадров, взять приказ — назначение на «Родину».

Вечером отправились мы на Столбы. Что у каждого в голове было в тот день, не знаю. Во всяком случае, у меня все время — моряк этот, Леонид, хотя и запомнил я у него только черные усики и золотой зуб.

Вы, может быть, ждете теперь, что я стану рассказывать, каким неловким и жалким оказался Леонид в походе? Или, наоборот, очень ловким и смелым? Нет, не могу я сказать ни того, ни другого. Держал он себя точно в меру. И не боялся трудных ходов и не лез куда попало, очертя голову. Так лез я. И это получалось глупо, потому что Маша знала не хуже меня ходы на все скалы и видела, как я выкидываю свои фокусы.

В этот день на Столбы двинулось чуть не полгорода. По всем дорогам. Издали приглядеться, будто сплошь цветы расцвели: на Столбы серенько одетые люди не ходят. Мы шли главной дорогой и тоже, наверно, были похожи на цветы. Особенно Маша. Вот вам ее костюм: яркий-яркий, будто горная саранка, красный платок, кофточка светлоголубая, а шаровары синие. Кушак тоже красный, хотя и потемнее цветом, чем косынка. Представляете, как все это играло на солнце?

Молча по дороге на Столбы пройти невозможно. Даже того, кто скучает, все равно

другие раздразнят, расшевелят, заставят и петь и смеяться. Грустить у нас люди ходят не на Столбы, а на остров. И мы шли, пели, и смеялись, и задирали других, кто казался нам невеселым.

Природу слушать, смотреть, любоваться на столбовские чудеса большой компанией никогда не ходят. При шуме и гаме в душу тебе вся эта красота не западет. Чтобы понять ее по-настоящему, надо остаться одному. Или вдвоем. И сидеть тихо-тихо, чтобы, как растет трава, слышать, чтобы в небе даже паутинку разглядеть, когда ее ветром несет, вникнуть, вдуматься в каждый знак живой природы. Вот тогда вернешься домой, и ночью тебе эта красота будет все сниться, и совсем даже уедешь куда, все равно останутся в памяти и теплый камень у тебя под рукой, и на губе соленая капля пота, и верхушки могучих сосен, похожие на кустарник, когда ты глядишь на тайгу с высоких обрывов, и перевалы, хребты, сперва зеленые, потом синие, а в самом далеке вовсе уже голубые, под цвет неба, и в небе радужная паутинка с крохотным паучком на конце. Ну, а про восход солнца я и говорить не буду. Разве заметишь, когда не вдвоем, тот дорогой миг, когда из-под золотой зари над лесом брызнут на скалы самые первые, росинками раздробленные лучи и у тебя в душе музыкой, песней отзовутся? А прохладный ветерок слетит откуда-то рядом с тобой, будто он тоже терпеливо ночь ночевал, дожидался, и тронет по пути чуть-чуть твои волосы, щеки либо к тебе на щеку волосок от товарища принесет, если сидел ты вдвоем!

Утесы здешние недаром «Столбами» называются. Это не выступы у гор, а совершенно обособленные скалы. Высокие, могучие. Гранит или там сиенит, но в общем прочные камни. А формы такой,— трудно поверить, что без человека природа их сделала! Вот «Дед», например. Точненько высечена голова бородатая. Средней руки скульптору так не высечь. Или «Перья». Веером развернулись. Вот, кажется, от ветру зашевелятся. А в каждом «перышке», пожалуй, миллиарды пудов. От подошвы этаких камней глянешь вверх — шапка валится, стоят утесы стена стеной. Ну, а кто знает, рукой за махонький выступ, ногой в трещину — и пошел. Вдвоем и совсем хорошо — друг друга кушаками вытаскиваешь. Есть такие места, что только вдвоем их и одолеть можно. Да еще смотря по тому, кто эти двое. Мы с Машей все Столбы облазили.

Мимоходом сказать, я и на той скале побывал, где в девятьсот пятом году рабочие слово «свобода» написали. А жандармы его уничтожить потом никак не могли: боялись ходить по узкому уступу над пропастью. А я ходил, нисколько не боялся и соображал, чтó написать бы и мне рядом со словом «свобода». Но Маша снизу мне крикнула, чтобы я не вздумал там ничего писать, потому что это исторический памятник и прекраснее слова «свобода» другого все равно не найти.

Через валежник, через бурелом, под конец без тропы добрались мы все же до места, куда задумали, до самых дальних Столбов. Влезли на утес и стали у самой кромки обрыва. Леонид крутит черные усики: «Превосходно! Отлично! Изумительный вид!»

Маша тоже сказала: «Очень хорошо».

А я стоял рядом и удивлялся, чем они восторгаются, потому что в тот день совершенно ничего красивого не было видно. Даже не знаю, как и написать, что я видел тогда. Ну, скалу, на какой мы стояли. Кажется, была она серая. Небо определенно серое; его, пока мы шли, всплошную затянули облака: не подкачали синоптики! Тайга у подножия скалы тоже казалась серой: уже начинались сумерки. И даль была вся в сером тумане. Откуда только и собралась вся эта серость? Ничего веселого! Все одинаковое. Но я стоял и тоже говорил, что очень красиво.

Потом сели мы ужинать. Запасы готовила Маша. Она знала, чтó надо брать с собой. А Леонид пожалел, что не оказалось шампанского. Наверно, он был любителем этой штуки. Тогда и я стал жалеть, что не взял водки. Будто мы с Машей на Столбах только и пили, что водку. И Маша опять глядела на меня с укоризной и говорила: «Костя, что ты болтаешь глупости?» Мне делалось стыдно. А потом я опять начинал болтать глупости и никак не мог остановиться.

Тут Леонид разгладил ладонью газету, в которой были завернуты пирожки, и стал вслух читать фельетон про Лепцова, начальника какого-то там закупснабсбыта. Суть же фельетона заключалась в том, что этот самый Лепцов на государственные деньги себе особнячок соорудил.

Хотя фельетон был совсем не смешной, но разговор почему-то как раз вокруг него завязался. И я подумал: когда мы с Машей ходили на Столбы вдвоем, о фельетонах мы не разговаривали, больше молчали, и было куда интереснее.

Завязал этот разговор Леонид.

— Вот,— говорит,— ведь это люди нашего времени. И отцы у них были достойные, с собой пережитков от царских времен не принесли. Да! Это не унаследованный пережиток, он к ним заново, в чистые души пришел. Откуда?

Маша подумала.

— Откуда, это понятно. Стало быть, у нас еще можно пожить за счет других и вообще пошире пожить, чем тебе по труду твоему следует. Вы скажите лучше: как другие допустили своего товарища до этого? Ведь не в миг один все это он сделал! Среди людей был, в коллективе.

— А, чего тут голову ломать? — говорю я.— И так все ясно. Был он начальником. Подчиненные, как полагается, боялись его. А сверху не сразу все разглядишь. Разглядели — и, пожалуйста, испекся! И мне до этого Лепцова никакого дела нет.

А Маша почему-то очень разволновалась. Стала говорить, что мы все друг за друга ответчики, что нам до всего дело должно быть. Не суд и не милиция строят наше общество, а мы сами. И если наши товарищи попадают под суд, мы виноваты: не оберегли человека от всяких вредных влияний. И опять мы да мы, так, что мне стало даже смешно. Получалось: жулик пограбил, пожил в свое удовольствие, а мы теперь должны мучиться, не его, а себя винить. Леонид соглашался с Машей, а я опять городил что попало, лишь бы только ему наперекор. И до того мне надоел весь этот пустой, не к месту совсем разговор, что когда Леонид буркнул что-то такое, вроде: «Константин полез сам не знает куда»,— я так и отсек:

— Что же мне, молчать? Или с утеса вниз головой броситься?

У Маши и голос задрожал.

— Костя,— говорит,— к людям нужно всегда иметь уважение. Тем более, что Леонид — гость. И еще: он сын нашего капитана.

Я не знаю, для чего Маша сказала последние слова. Вернее, знаю теперь, а не знал тогда. И я, не сдержавшись, ляпнул последнее:

— Вот уж никогда не подумал бы!

И это можно было понимать как хочешь. Просто удивление! Или то, что сын капитана должен быть не таким, а лучше. Или даже, что Маша перед ним выслуживается... Сам я и сейчас не знаю, какой тогда был смысл в этих словах, скорее, смысла не было вовсе, а только грубость и злость. И наверное, еще дальше бы дело зашло, но Маша вдруг показала рукой:

— Глядите, глядите, как зарево от костров красиво желтит утесы!

На этом спор наш и оборвался. Мы замолчали. А я отошел на самую-самую кромку обрыва. Долго стоял один. Потом рядом со мной оказалась Маша. Как, я даже не понял.

И хотя мне весь этот день казалось, что Столбы потеряли свою красоту, я стал помаленьку приглядываться. И верно: дальние утесы, под которыми горели костры, непрестанно менялись в цветах и становились то яркожелтыми, то багрово-красными. Совсем так, как меняется и сам цвет пламени у костра. Но вершины елей оставались черными, как чугунные, и острыми, как пики. А оттого, что концы ветвей у деревьев были опущены, казалось, ели рванулись с земли в небо да так почему-то вдруг и замерли, застыли. Даже ветви у них не смогли приподняться и распрямиться.

Вся остальная тайга окрест Столбов слилась воедино, потерялись и долины, и перевалы, и горизонт. Все стало плоское, одинаковое. Подул несильный ветер. Над самым нашим утесом двигались низкие облака. И временами казалось, что они стоят на месте, а навстречу облакам лечу я вместе с утесом. И это казалось, наверно, не только мне, потому что и

Маша вдруг схватила меня за плечо, будто боялась, что упадет.

Когда мы шли сюда, нас сильно одолевала мошка. И здесь на скале она тоже надоедно лезла в глаза. Но теперь ветром ее всю унесло. И вообще стало как-то по-особенному легко и приятно. Это была пора цветения сосен, и поэтому пахло вместе и медом, и смолкой, и хвоей, за день распаренной солнцем.

— Горный ветер,— сказала тихонько Маша, будто сама с собой.— Люблю! Какой он нежный и чистый, светлый, словно родник! Нигде не бывает такого: ни в степи, ни в лесу, даже над рекой. Мне всегда кажется: горный ветер — это как в сказках живая вода. Он обновляет человека.— Чуточку помолчала. Спросила: — Тебе сейчас легко дышится, Костя?

Я совсем забыл, что целый день злился.

— Очень легко!

Немного погодя она покликала меня, сказала, что до восхода солнца можно бы отдохнуть. Каждый прикорнул прямо на голой скале, но у меня ворохнулась мысль: «Когда мы сюда приходили с Машей вдвоем, мы не спали. А теперь вздумали спать...»

Не знаю, как они, а я все равно не уснул. И почему-то все время думал о Лепцове, и о нашем разговоре, и о том, почему я так нагрубил. Но связать вместе все никак не сумел. Уголком мозга чувствовал лишь одно: если бы не Леонид, и Маша со мной не так разговаривала бы сегодня. Даже голова разболелась от этого. И тогда, чтобы больше не мучить себя такими мыслями, я стал думать о другом: как хорошо Маша сказала про горный ветер, что он нежный, чистый и светлый и похож на живую воду! Очень верно сказала. И я лежал и ловил его губами, пил полным ртом, будто пил живую воду...

ПРИРОДА ЧУДЕСНАЯ, КЛИМАТ ЗДОРОВЫЙ

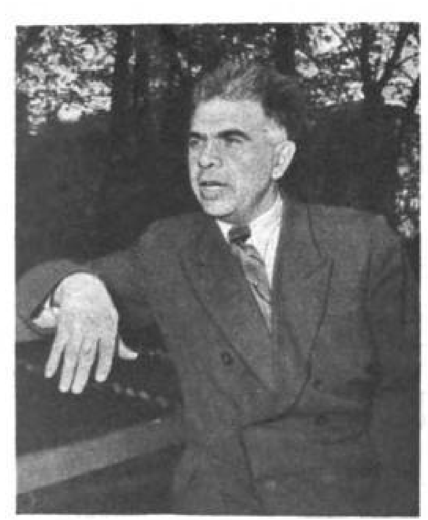
Я. ГРУШКО,
доктор медицинских наук

Природные условия Восточной Сибири не хуже многих курортных местностей. Туманных дней здесь меньше, чем на Рижском взморье. Солнечных дней столько же, сколько в Италии, и зимой солнца больше, чем в Крыму. Минеральные источники по своим целебным свойствам не уступают кавказским. Трудно сказать, какие горы красивее — швейцарские или прибайкальские,— но несомненно, что швейцарские леса покажутся городскими парками перед таежными дебрями. Словом, природа у нас чудесная, климат здоровый.

Можно ответить на некоторые опасения родителей, провожающих сыновей и дочерей на восточные стройки. Да, морозы в Сибири бывают до пятидесяти градусов, однако из-за сухости воздуха их легко переносят не только москвичи, но и южане, приехавшие год назад к Падунскому порогу. Да, яблок и груш пока в тайге не найдешь. Зато здесь много всевозможных ягод, а витаминов в них не меньше, чем в мандаринах и апельсинах. Овощи созревают превосходно, юные натуралисты выращивают на своих участках даже арбузы. Да, здесь мало курортов. Но они будут.

У нашей области большое курортное и туристическое будущее. Очень грустно, что из 103 туристических маршрутов 101 проходит по европейской части страны. Турист, который попадает на берега Байкала, забудет о Кавказе и Швейцарии, альпинист найдет самые заманчивые, самые неприступные скалы. А на берегах Баргузинского и Чивыркуйского заливов можно разместить десятки курортов. В бухтах этих заливов температура воды такая же, как на Черноморском побережье, на многие километры тянутся песчаные пляжи, окруженные вековыми деревьями.

На берегах Байкала оставляют свои следы лоси, медведи, дикие кабаны, соболи. Летом вспыхивают костры рыбаков, промышляющих омуля, сига, осетра. Места здесь настолько необжитые, что даже картографы ошибочно перенесли в своих картах поселки Чивыркуйского залива с западного берега на восточный. От поселка до поселка — десятки, а иногда и сотни километров тайга да скалы. Они ждут неутомимых путешественников-туристов. Они ждут и работников здравоохранения, которые должны использовать чудесную природу для домов отдыха, санаториев, курортов. Сибиряк может тогда не тратить свой отпуск на дальние поездки. Курорт будет совсем рядом.

Я. Грушко.

Славен город Иркутск

Иркутск — город своеобразный настолько, что его никак не смешаешь ни с соседними, ни с дальними городами. Раскинулся он вольно и широко на берегах Ангары, там, где впадает в нее малая река Иркута — малая сравнительно с голубой красавицей Ангарой, а для средней полосы России совсем немалая,— раскинулся на добрый десяток километров со своими пригородами, заводами, пристанями.

В движении на Восток русские люди к шестидесятым годам XVII века, в царствование «тишайшего» Алексея Михайловича, который хоть так именовался, но тишайшим отнюдь не был, дошли до Ангары и на Дьячем острове, при впадении Иркуты, заложили селение Иркутское зимовье. А через девять лет перебрались на правый берег Ангары и построили иркутский острог, в котором хранили оружие, припасы и оборонялись от «мунгалов». С этого и пошла жизнь Иркутска, города, которому суждено было вырасти и вширь и вглубь, стать столицей гигантского края.

Счастливо расположился Иркутск на перепутье многих дорог, и это обеспечило ему быстрое и своеобразное развитие. Через Иркутск шли золотоискатели на север, в дебри алданской тайги, в Иркутск приезжали они со своей драгоценной добычей. Через Иркутск шли грузы в Китай и из Китая, и потому иркутяне раньше других увидели у себя китайских купцов с их необычными для русского человека товарами. Наконец, утвердившись на берегах Ангары, русские землепроходцы пошли дальше, к Тихому океану, к Амуру, имея за собой Иркутск как базу. Грубо считая, на полдороге от Москвы до океана стоит Иркутск как некий центр всего нашего сибирского востока, и потому вокруг него всегда ощущалось кипение жизни. Тем не менее долгое время Иркутск числился, по терминологии царской администрации, одним из мест «не столь отдаленных», куда отправляли сотни и тысячи людей на каторгу и в ссылку. Многие из них так и прижились в этом крае, полюбили его необъятные просторы и составили наиболее деятельную, энергичную и культурную часть его населения.

* * *

Вокзал иркутский шумен, поездов тьма. Хабаровск — Москва, Владивосток — Москва, Хабаровск — Харьков, Чита — Москва, Пекин — Москва — все они, никак не минуя Иркутска, врываются в бесчисленные подъездные пути двух его станций и идут дальше — на восток или на запад, обрастая новыми пассажирами; товарные составы с лесом, углем, машинами, рудой направляются через Иркутск и формируются в Иркутске... В иркутском аэропорту великое смешение народов: здесь вы встретите и китайцев, и корейцев, и вьетнамцев, и американцев, и японцев, и немцев... Здесь вы встретите пассажиров, возвращающихся в Магадан или летящих из Якутска,— геологов, исследователей, шахтеров, охотников, рудокопов. Лица их обожжены северным солнцем и северными ветрами, голоса их грубы, а движения энергичны и резки,— это все народ смелый, сибирский, с той искоркой в глазах, какая всегда выдает людей, любящих свое дело, свой труд. Здесь вы встретите и молодого врача, получившего назначение в Анадырь из Ленинграда, и группу связистов, стремящихся скорее попасть на Чукотку, и семейство партийного или советского работника, возвращающееся после отдыха в Гаграх домой — в Киренск или Вилюйск...

...Вы проезжий человек, в вашем распоряжении несколько часов свободного времени, и вы хотите посмотреть город. Ну, что ж... В автобус или трамвай не садитесь, идите лучше пешком: больше увидите. Поднявшись от вокзала в гору, вы непременно попадете на мост, переброшенный через Ангару, и невольно — это уж обязательно! — ахнете: так красива эта широченная река голубой воды, стремительно вытекающая из Байкала, замерзающая только к январю, а то и позже. Купающихся вы на реке не заметите даже в самый жаркий летний полдень: вода в Ангаре всегда холодна, трудно найти смельчака, который согласился бы нырнуть в ее светлые, бездонные пучины... Прошли вы мост, и город раскрылся перед вами со своими асфальтированными улицами, большими красивыми домами и многолюдством. Нет, это вовсе не малый город! И нет на нем черт «тихой провинции»! 314 000 жителей в Иркутске — столица!

Университет, медицинский, горный, финансово-экономический, педагогический, сельскохозяйственный институты, десятки техникумов... Понятно, почему в городе так много молодежи, съехавшейся со всего обширного края. Но и стариков много в городе, потому что сибирский народ здоров, долговечен, климат здесь великолепный, воздух чист, крепок, сух — осенне-зимней слякоти никогда не предвидится: как влезли в ноябре в валенки или бурки, так и проходите в них до марта...

Отличный театр в Иркутске: великолепное здание, хорошая труппа. И любят иркутяне свой театр — он не пустует. Да и не один там театр: есть и клубы, и цирк, театр для детей, театр оперетты, добрый десяток кинотеатров...

Десять газет издается в Иркутске и альманах «Новая Сибирь». Восточно-Сибирский филиал Академии наук ведет большую работу по изучению богатств здешнего края, с ним в содружестве трудятся десять научно-исследовательских институтов. Восемь библиотек имеет Иркутск, а в этих библиотеках более двух миллионов книг. Хороший художественный музей есть в городе. Там вы встретите и Сурикова, и Репина, и Поленова. Недалеко от него музей краеведения. Загляните туда — вас удивит он своими экспонатами, наглядно показывающими богатства края...

Памятник В. И. Ленину в Иркутске.

Был в старое время Иркутск городом торговым и административным, но промышленным никогда не был. Сейчас в Иркутске более сотни больших и малых предприятий; все они созданы при Советской власти. Они-то и придали городу современные индустриальные краски: вы сразу чувствуете, что это город с большой промышленностью, с большим рабочим населением...

Красив Иркутск, особенно в летнее вечернее время, когда радостно оживлены его улицы, когда у пристаней зычно покрикивают многочисленные пароходы, когда из садов и парков плывут ароматы цветущих трав и деревьев, когда Ангара меняет цвет своих вод с голубого на золотой и оранжевый.

Столица края! Добрый большой город!

На старом гербе Иркутска изображался барс, бегущий по зеленой траве с соболем в зубах... Ныне этот символ явно устарел, хоть соболей и немало еще в иркутской тайге. Теперь, пожалуй, следовало бы вписывать в герб города трубы заводов, профили электростанций, паутину разветвленных железнодорожных и шоссейных путей... Город этот прошел за три века неоглядный путь от ясачного зимовья, основанного Иваном Похабовым, до крупнейшего промышленного центра в Сибири и будет идти еще дальше — к новому росту и новой славе...

Ник. КРУЖКОВ

Иркутск. Мост через Ангару.

Фото О. Кнорринга.

У стадиона «Авангард».

Улица Ленина.

Озеро Байкал.

В предгорьях Восточных Саян.

Фото Л. Бородулина.

РЕЛЬСЫ ЧЕРЕЗ ТАЙГУ

Е. ВЕЛТИСТОВ

Фото О. Кнорринга.

В Вихоревке посреди улицы торчат пни. Они напоминают о том, что недавно на месте крепко сколоченных домов поселка, вокзала, цехов деревообделочного комбината, паровозного депо шумела глухая тайга. Звериные тропы изредка привлекали сюда охотников, а человеческая жизнь кипела за десятки верст к западу, у станции Тайшет. За нею лежал «Тайшетский рубеж» — неприступный забор тайги, перед которым транссибирская дорога резко сворачивала на юго-восток, объезжая непроходимые дебри. Но вот несколько лет назад строители сломали таежный рубеж. Рельсы прорезали семьсот километров тайги, соединив Тайшет и Лену.

Идут через Вихоревку составы. На восток — в Братск и на Лену, на запад — в Тайшет и дальше. На восток — экскаваторы, машины, комбайны, нефть, коньяк, фрукты. На запад — лес.

Из Вихоревки мы уехали пассажирским поездом, который проходит здесь ежедневно. Три вагона путешествуют от самой Москвы. Большинство пассажиров имело командировку только в один конец — до Братска. Они рассматривали каждый промелькнувший домик, обсуждали все подробности, гадали о том, что их ожидает. Двое казахов никак не могли привыкнуть к тайге. Подталкивали друг друга локтями, перебегали от окна к окну, волновались, восклицали на весь вагон:

Один из участков дороги Тайшет—Лена. Весенний бунт речушек.

Весной Осетровский порт затопляют грузы, которые не вмещаются в складах.

— Это лес! Это деревья!

Выглянуло солнце. Стволы сосен блеснули золотом, берез — серебром. Серые скалистые обрывы чередуются с красноватыми откосами, обрызганными фиолетовыми кляксами. Кляксы — это подснежники, не подмосковные робкие голубые звездочки, а целые заросли крупных, с кулак величиной цветов. Вдалеке тают причудливые сопки, а внизу сопровождает поезд и никак не может расстаться с ним Ангара, голубая от неба.

Дорога часто петляет по болотам, в которых еще сохранились полусгнившие остатки лежневки. Люди валили вековые деревья, устилали трясину бревенчатыми настилами, схожими с фронтовыми дорогами. В болоте вязли сильные экскаваторы, самосвалы засыпали ненасытные трясины, пока рядом с лежневкой не вырастала насыпь. Потому для строителей чудесные виды из окна —

Таежное село.

красота, взятая с бою, а мелькающие под колесами шпалы — свидетельство трудных побед.

Дорога открыла доступ к скрытым в глубинах таежных зарослей богатствам и, в частности, к энергии Ангары. Долгие годы грохотал Падун в своем неприступном одиночестве. А сейчас строители окружили его со всех сторон поселками, опутали сеткой дорог. На правом берегу Ангары от основной магистрали отделилась новая ветка. С осени прошлого года по ней непрерывно идут грузы на стройку ГЭС.

Опоясанная плотиной Ангара разольется на шестьсот километров, и на картах появится новое, Братское море. На его дне окажется часть железнодорожной магистрали. Но к тому времени для поездов откроется путь по многоярусной плотине гидроузла. Миновав заводы правобережья и новые поселки, поезда у станции Видим выйдут на прежнюю магистраль. А пока на месте будущей трассы изыскатели встречают лишь звериные тропы да участки вечной мерзлоты. Строителям предстоит пробиться через таежные дебри, выбросить свыше десяти миллионов кубометров земли, воздвигнуть сотни сооружений из железобетона.

Уже гремят экскаваторы на левом берегу Ангары, нескончаемый конвейер самосвалов на глазах рождает дорогу. Насыпь растет среди воды: взбунтовались многочисленные речушки и ручьи, решили догнать широкую Ангару — разлились на десятки метров, затопили молодые поросли. Разлившиеся ручьи, если они встречаются на пути, строители запрятывают в трубы, продвигаясь метр за метром к Падунскому порогу.

Кажется, что стихает за Братском шум огромной стройки. Его поглощают курчавые шапки ангарских сосен, лохматящих дно будущего моря. Но гудение сосен не может заглушить шумов лесной индустрии. С участка затопления надо убрать 40 миллионов кубометров леса, и потому лесные хозяйства возникают одно за другим. Поединок лесной индустрии с лесными дебрями завершается ежедневно не одной сотней платформ с бревнами, которые держат путь на запад, а потом на юг — в те места, где лишь мечтают о лесе.

От Ангары железную дорогу сопровождает Ангаро-Ленский автомобильный тракт, который недавно, до постройки железной дороги, был самым удобным путем. На Лену люди пробивались с XVII века с разных сторон, разными дорогами. Первая тропа соединила притоки Ангары и Лены — Илим и Куту. Приплывавшие с Енисея суда волокли по тропе несколько десятков верст, почему и прозвали дорогу Илимским волоком. Потом волок затих, грузы повезли по Московскому тракту, проходившему южнее, по заселенным местам. Ожил Илимский тракт только в конце тридцатых годов нашего века. Между Ангарой и Леной была проложена новая автомобильная трасса. От пристаней Иркутска ходили пароходы по Ангаре на север, до Заярска, а потом тысячи машин направлялись от Заярска на восток, карабкались по сопкам, остерегаясь крутых обрывов. Сложный, трудный и даже опасный путь был самым выгодным. Теперь Ангаро-Ленская дорога замирает. Там, где со всех ног улепетывали испуганные автомобильными гудками бурундуки, расхаживают сейчас глухари, не боясь попасть под колеса машины; угрюмо стоят огромные коробки заярских складов, высокие бензохранилища, похожие на консервные банки, пустые у пустой дороги. А мимо мчатся поезда с грузами для Якутии и Севера.

К востоку тайга становится еще гуще. Деревья взбираются на гигантские сопки, упираются вершинами в облака. Дрезина, на которой мы продолжаем путь, огибает сопку за сопкой, они начинены рудой, серебром, известняком. Некоторое время мы просто ехали по руде. У одной из сопок строители устроили карьеры. Они не подозревали, что выбирали для насыпи не песок и не гравий, а руду. Это определили позже геологи.

У деревни Коршуниха мы встретили главного инженера экспедиции «Гипроруда» А. Федорова. Он указал на траншеи в сопках вокруг деревни:

— Руда.

О коршуновских рудах русские геологи знали еще в середине прошлого века, но бездорожье охлаждало самых больших энтузиастов-разведчиков и самых предприимчивых промышленников. Лишь несколько лет назад геологи выяснили, что коршуновские руды поспорят своими запасами с Магниткой. Залегают они сплошными массивами, и добывать их можно открытым способом. Сейчас проектировщики определяют, где расположить горнообогатительный комбинат. Он начнет действовать в шестой пятилетке и значительно добавит грузов на магистраль. В Коршуниху уже направляются строители, чтобы превратить таежные дебри в промышленные районы. А геологи, продолжая поиски, обнаружили недалеко, у деревни Татьяновка, новые рудные месторождения.

Семисоткилометровый путь кончается на Лене. Рельсы разбегаются по территории нового, Осетровского порта, обрываясь у самой воды. На «Угрюм-реке» сейчас совсем не угрюмо. Паровозные гудки, высоченные краны в порту, прямые улицы поселков преобразили Лену. А ее прошлое притаилось в редких болотных окошках, блестящих кое-где посреди улицы или вдоль стальных путей.

Любопытно, как пришел на Лену транспорт. Первенство, несомненно, принадлежит пароходу «Первенец», построенному ровно сто лет назад. Самолет возвестил в этих местах о новой эпохе, авиация изменила все представления о расстояниях. После самолета всеобщую любовь завоевали машины, курсировавшие по Ангаро-Ленскому тракту. И наконец 19 ноября 1951 года здесь прозвучал гудок первого паровоза, прорвавшегося сквозь таежные дебри. Так разрешилась давнишняя проблема снабжения грузами всей Якутии и Крайнего Севера.

Паровоз и пароход заметно подружились. Осетрово, крупнейший порт на Лене, выросло вместе с железной дорогой. Всю зиму поезда стараются заполнить склады, протянувшиеся вдоль берега на два десятка километров. Но складов все равно не хватает, рядом длинными колоннами застывает техника. Гигантские пакгаузы, тупоносые баржи величиной с небольшой речной остров напоминают о сказочных богатствах золотого края, раскинувшегося за далекими сопками. Пароходам и баржам предстоит длиннейший путь в тысячи километров, иные за всю навигацию сделают один рейс, иные — два. Когда река взломает лед, все вокруг пробуждается. Склады широко распахивают двери. Продовольствие, техника, топливо, промышленные товары продолжают свое путешествие по реке. Компенсация за эти грузы — северная пушнина, ленское золото, якутские алмазы...

— С выходом на Лену строительство в тайге не окончилось,— рассказывал нам начальник Ангарского строительства В. И. Прядко.— В будущей пятилетке наша дорога соединится у города Тулун с Восточно-Сибирской магистралью. На Ангаре начнется строительство Усть-Илимской и Богучанской гидростанций — каждая будет равна по мощности Иркутской. Туда протянутся стальные пути в 300 или 400 километров. Один из вариантов дороги такой: от станции Илим через Рудногорское месторождение до устья реки Илим. В этом случае мы перерезаем богатые рудные месторождения, получаем кратчайший выход в Якутию и в Нижне-Тунгусский угольный бассейн.

Упорство тайги сломлено, но это — лишь начало новых, еще более сложных дел.

Африка... в Сибири

Южная Африка — богатейшее месторождение алмазов. Именно там был найден знаменитый «Куллинан» — ювелирный алмаз в шестьсот с лишком граммов, оцененный — один камень! — в девять миллионов фунтов стерлингов.

Старый профессор Ивашенцев первый обратил внимание на поразительное сходство геологического строения Средне-Сибирского и Южно-Африканского плоскогорий. Из этого следовало, что в Сибири могут быть алмазные месторождения.

Но в Южной Африке искать алмазы сравнительно легко: там сухие высокие степи, почти без растительного покрова, а у нас море лесов, болота и вечная мерзлота.

...Дорогостоящая экспедиция долгое время работала безрезультатно. По настоянию главка, который руководствовался близоруким расчетом, приходилось скрепя сердце свертывать поиски.

Получив телеграмму об этом на одной из стоянок в тайге, начальник экспедиции Чурилин... бросил ее в костер. Он горячо разделял убеждение профессора Ивашенцева и решил на свой страх и риск, за счет времени, необходимого на возвращение, продолжать разведку. С ним остался молодой геолог Султанов, такой же энтузиаст своего дела, как и он. Всех других работников экспедиции Чурилин отправил домой.

Подошла таежная осень с дождями и заморозками, продовольствие было на исходе, а оба геолога ожесточенно рылись в мерзлой земле, едва выкраивая время для сна и скудной еды. Доведенные до изнурения, они не сдавались, и великий их труд оправдал себя: алмазы были найдены в коренном месторождении, так называемой алмазной трубе.

Вся эта история принадлежит к области научной фантастики: таково содержание «Алмазной трубы», одного из лучших рассказов ученого и писателя И. А. Ефремова. Он был опубликован в 1945 году и неоднократно переиздавался. Самое интересное в этом рассказе то, что через несколько лет после опубликования он воплотился в действительность: как известно, в последние годы в Якутии на самом деле были обнаружены богатые алмазные месторождения, не уступающие южноафриканским. Таким образом, предвидение ученого и писателя оправдалось.

Предвидение это не было случайной догадкой. Подобно своему герою, профессору Ивашенцеву, палеонтолог профессор И. А. Ефремов провел анализ геологического строения Южной Африки и Средне-Сибирской платформы, установил между ними много сходных черт, сделал отсюда выводы и использовал это как тему для рассказа.

Судя по тому, что было опубликовано в нашей печати об открытии якутских алмазов, даже отдельные детали «Алмазной трубы» довольно близко подходят к действительности. И это понятно: профессор Ефремов—сам исследователь Сибири и писал о том, что хорошо знает. Живым воплощением его героев является известный искатель алмазов, один из старейших советских геологов, А. П. Буров, который свыше двадцати лет провел в поисковых партиях, в тяжелых, порой изнурительных походах и не раз участвовал в открытиях месторождений драгоценных кристаллов.

Б. АЛЕКСЕЕВ

Песенные россыпи

Выступление Сибирского народного хора (художественный руководитель — композитор В. С. Левашов).

Фото А. Моклецова.
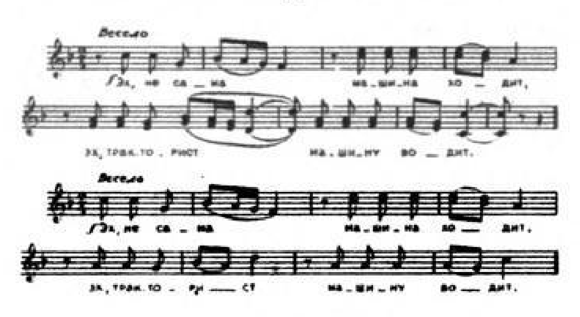
Сибирь — земля раздольная, могучая и вольная...

Много и хорошо поют в Сибири! Хоры, еще не ставшие широко известными, десятки уже завоевавших славу и бесконечные россыпи песен, сложившихся на ее необъятных просторах... Странствуя около месяца по районам Алтая, Омской и Новосибирской областей, композиторы В. Левашов и А. Новиков собрали больше сотни чудесных народных напевов; многие из них вошли потом в репертуар Сибирского народного хора.

Сибирский народный хор молод, создан немногим больше десяти лет назад из самодеятельных певцов и танцоров — рабочих и колхозников. Может быть, среди многих других подобных ансамблей хор сибирцев и не выделился бы так скоро. Но он сразу нашел свое лицо — собирание и исполнение сибирского фольклора — и этим завоевал известность не только в Сибири, но и за ее пределами. И теперь, когда говорят о достоинствах этого хора, даже самые строгие ценители песенного исполнения (а их немало в этих местах) вынуждены признать за ним многое: и чистоту интонационного строя, и четкую, выразительную дикцию, а главное, богатый и строго продуманный подбор голосов. Широко и раздольно льются бесконечно разнообразные мелодии: шуточные и лирические, торжественно-героические, игровые и хороводные,— и почти все они перенесены в репертуар хора из народного творчества. Немало здесь старинных песен и плясок. Такова сюита, сложившаяся из трех народных тем: «Я качу кольцо...», «Я вечор была...», «По улице не ходила...»,— начинающаяся красочной театрализованной сценой из жизни села. Или живой, переливающийся всеми красками «сборник» народных плясок, таких, как «Сибирская круговая», «Большой перепляс», «Старая кадриль» и другие.

Замечательный хор непрестанно пополняет свой репертуар, ищет и находит все новые драгоценности в сокровищнице сибирского фольклора.
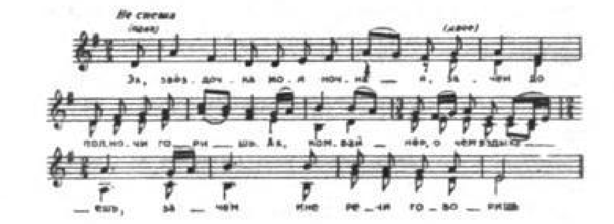
Вот записанная в одном из сел
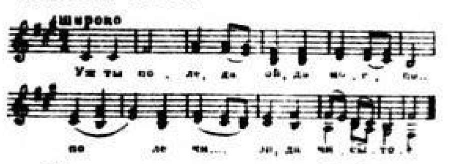

Алтайского края задорная, жизнерадостная песня частушечного склада.

А вот другая, задушевная, лирическая,— о зарождающейся молодой любви, подхваченная собирателями песен в колхозе имени Молотова у колхозниц З. и М. Игнатовых, исполнявших ее, как рассказывает В. Левашов, «с удивительным благородством, простотой, неподдельным чувством»:

Неутомимые собиратели фольклора побывали в селе Новичиха, южнее колхоза имени Молотова, где удивительно слаженный женский хор исполнил гостям проголосную песню о родной Кулундинской степи:

Много в репертуаре Сибирского народного хора и современных песен, созданных здешними поэтами и композиторами: о любимом крае, о его новостройках, о могучей тайге и неоглядных колхозных полях, о силе советского человека, преобразующего и украшающего своим трудом родную землю.

С особенным чувством поют теперь в Сибири многие большие и малые хоровые коллективы песню Левашова на слова Бонова «Приезжайте к нам в Сибирь!». Слова этой песни, мелодически свежей и упругой, доходчивой и энергичной, говорящей о том, что волнует сегодня сотни тысяч молодых людей, становятся своеобразным гимном этому богатому и могучему краю.

Е. НИКОЛАЕВА

ОДИН ИЗ СТАРЕЙШИХ

Красноярский театр имени А. С. Пушкина — один из старейших в Сибири. 19 сентября 1852 года труппа антрепренера Петрова впервые выступила в Красноярске с шуткой-водевилем. Этот день и можно считать днем рождения профессионального театра в одном из крупнейших городов Сибири. Бывали здесь и такие прославленные корифеи русской сцены, как Г. Федотова, М. Писарев, А. Яблочкина и братья Адельгейм.

Я беседовала с главным режиссером Красноярского театра тов. А. Л. Дунаевым.

— Что вы можете рассказать о творческом коллективе вашего театра?

— В нашем коллективе много сильных актеров среднего и старшего поколения. Заслуженные артисты РСФСР В. Неклюдов, Н. Прозоров, А. Сергеев, заслуженный артист УзССР Н. Дубинский, актеры М. Вольская, А. Сиротина, Ю. Соколик, В. Саянов пользуются любовью зрителей. Тепло отзывались красноярцы о таких сценических образах, созданных нашими мастерами, как Марья Александровна («Семья») в исполнении М. Вольской, Тихон («Гроза»), которого играл Н. Прозоров, генерал Рыбаков — В. Неклюдов. Немало хорошо сыгранных ролей есть в «активе» А. Сергеева, в прошлом слесаря паровозо-ремонтного завода. Свыше двадцати лет работает в Красноярске заслуженный деятель искусств РСФСР художник Г. Волков.

— Как воспитывается в театре новое пополнение актеров?

— У нас много растущей и способной молодежи. Воспитанники нашей студии О. Байкалова, Н. Коротеева, В. Соловьев выступают сейчас в ведущих ролях. Незаурядное сценическое дарование, присущее В. Соловьеву, наиболее ярко проявилось в роли Андрея («В добрый час»). Умение четко раскрыть психологический рисунок роли отличает работы Н. Коротеевой. В острохарактерных и комедийных ролях очень удачно выступает В. Мерецков.

— Расскажите о ваших связях со зрителями.

— Каждое лето наш коллектив гастролирует по городам и селам края, обслуживая тружеников целинных земель, далекие леспромхозы, районы Крайнего Севера. Во время гастролей актеры знакомятся с работой кружков художественной самодеятельности, помогают ее участникам в подготовке ролей, учат гримироваться, проводят семинары сельских культработников. Актеры театра — частые гости на заводах, предприятиях, в учебных заведениях, где они делятся творческими планами, показывают отрывки из последних работ. Нередко театр приглашает зрителей для откровенного разговора о поставленных спектаклях. Комсомольцы Сталинского района очень живо обсуждали спектакль «В добрый час». Одну из последних работ театра, инсценировку романа Достоевского «Преступление и наказание», просмотрели и разобрали учителя, приехавшие в краевой центр на переподготовку. Недавно на спектакль пьесы хакасского драматурга М. Кильчичакова «Медвежий лог» прибыли на машинах колхозники Емельяновского района. Вот и сейчас, готовясь к гастролям в Москве, мы проводим встречи с рабочими, чтобы еще и еще раз проверить, доходчивы ли наши спектакли.

Театр усиленно готовится к предстоящей в сентябре поездке в Москву. Проводятся репетиции спектаклей, которые будут показаны москвичам. Это «Иван Рыбаков» В. Гусева, «В добрый час» В. Розова, и «Медвежий лог», а также инсценировка «Преступления и наказания» Достоевского. Заканчиваются репетиции инсценировки романа сибирского писателя С. Сартакова «Хребты Саянские».

И. САХАРОВА

На репетиции спектакля «Преступление и наказание».

Фото О. Кнорринга.

ТОМСК — ГОРОД УНИВЕРСИТЕТСК

С. МОРОЗОВ

Фото С. Фридлянда.

Тремя с половиной веками исчисляют летописи возраст Томска. Старинные церкви, особнячки с облупившимися колоннами, хмурые купеческие лабазы хранят память о далеких временах, когда через этот город, основанный еще при Борисе Годунове, проходили большие торговые пути из России в Сибирь. Недаром до сих пор одна из центральных улиц, широкая, мощенная булыжником, поднимающаяся в гору от Томи, зовется «Московским трактом». Это по нему скакали тройки фельдъегерей и маршировали солдаты, пылили ямщицкие обозы, звенели кандалами шагавшие по этапу ссыльные.

Профессор И. Н. Бутаков, один из первых выпускников Политехнического института, беседует со студентами.

Пройдемся по улицам сегодняшнего Томска, приглядимся внимательнее к прохожим, прислушаемся к говору толпы — и старый город обернется к нам тысячеликим обликом молодости.

— Томичи — это прежде всего студенты,— сказал нам профессор Иннокентий Николаевич Бутаков. И в подтверждение своих слов привел статистическую справку: каждый десятый житель города учится в вузе или в техникуме.— За точность ручаюсь. Я ведь и сам некоторым образом томский студент,— усмехнулся профессор, показывая на памятную доску у подъезда Политехнического института: «Основан в 1896 году».

Еще раньше, в восьмидесятых годах прошлого века, в Томске был создан университет — первый в Сибири. Не одно поколение сибирской интеллигенции воспитывалось в его стенах. Ныне Томский университет так же, как и Политехнический институт, один из крупнейших вузов страны.

Мы беседовали с профессором Бутаковым в тени высоких ветвистых берез, и он вспоминал, как строился на пустынной тогда окраине этот дом, как сажали крохотные деревца, как получал он здесь свой диплом в числе первых одиннадцати инженеров «сибирского выпуска».

— А вот, позвольте представить, нынешние мои коллеги и земляки. У них дипломы будут, пожалуй, с пятизначными номерами,— указал Иннокентий Николаевич на группу студентов, выходивших из подъезда.

Выпускники энергетического факультета, заканчивающие дипломные проекты, они готовились к отъезду, к первым назначениям. Уроженец Благовещенска Евгений Белоусов собирался на Новосибирскую ТЭЦ, Иван Сычев из Читы должен был скоро ехать в молодой город Ангарск. Супруги Котуховы — Галина и Владимир — уже чувствовали себя жителями Южного Сахалина.

А в подъезд тем временем вливался бесконечный людской поток, и другой поток бурлил по широкому асфальтированному проспекту.

Была в разгаре пора экзаменов. Вместе с энергетиками заканчивали дипломные проекты горняки и машиностроители, технологи и химики, физики и радиотехники. Почти полторы тысячи молодых специалистов выпускают в этом году 16 факультетов Томского политехнического института.

Впрочем, не всех выпускников назовешь молодыми. Есть среди них и пожилые люди, практики, получившие теоретическую подготовку на высших инженерных курсах при институте.

Таковы Павел Павлович Щеглов и Михаил Федорович Евдокимов, опытные кузбасские горняки. Павла Павловича поздравил с дипломом его сын Юрий, в прошлом году поступивший в институт. Одновременно с Михаилом Федоровичем, слушателем высших курсов, в институте учится его дочь Маргарита.

Многие студенты-томичи начинают самостоятельную научную работу еще в период учения. В Электромеханическом институте инженеров железнодорожного транспорта выпускники Алексей Попов и Евгений Блинов провели важные исследования по полупроводникам, сконструировали радиостанции для связи поездных бригад.

Электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта. В лаборатории профессора П. А. Азбукина.

— Такими учениками остался бы доволен и сам Александр Степанович Попов,— с удовлетворением говорит заслуженный деятель науки и техники профессор П. А. Азбукин. Более полувека назад он слушал в Петербурге лекции великого русского ученого — изобретателя радио. Работая в Томске уже много лет, Павел Андреевич подготовил сотни специалистов для электрифицируемых железных дорог Сибири.

Ранним утром спешат студенты-медики в госпитальную клинику, заполняют скамьи амфитеатра в операционной. Большое это счастье для будущего врача — присутствовать на операциях, которые производит Андрей Григорьевич Савиных, действительный член Академии медицинских наук, депутат Верховного Совета СССР. Во всем мире знаменит он замечательными результатами оперирования пораженных раком желудка и пищевода. Методы Савиных изучались Международным конгрессом хирургов в Лиссабоне, видными медиками Швеции и Англии. Томские студенты проходят у Андрея Григорьевича большую школу хирургического мастерства.

В госпитальной клинике установлен бетатрон — прибор для ускорения электронов до больших энергий. Излучаемые бетатроном гамма-лучи применяются профессором Клавдией Николаевной Зиверт для лечения злокачественных опухолей.

— Наш бетатрон, сибирский! — с законной гордостью говорят томские ученые, врачи и физики.

И Й

Да, именно в Томске, в Политехническом институте, под руководством профессора А. А. Воробьева был сконструирован первый в нашей стране бетатрон. И первое применение его в медицине осуществляют теперь томские врачи.

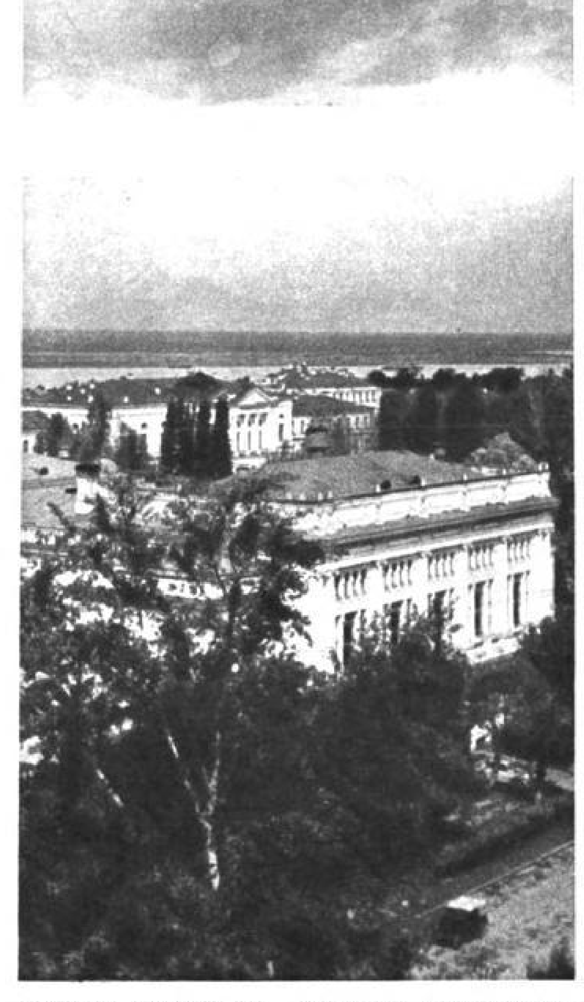
Широкий, разносторонний выбор профессий открыт перед юношами и девушками в университете, в пяти институтах, в двадцати одном техникуме Томска. Несколько кварталов занимают многоэтажные общежития и учебные корпуса с просторными аудиториями, с множеством кабинетов и мастерских.

Особые достопримечательности Томска — Ботанический сад и Научная библиотека при университете.

Зайдем в оранжереи, теплицы — и мы сразу забудем, что находимся в краю морозов и долгих зим. Высоко под стеклянными крышами вытянулись огромные пальмы. Гигантскими зелеными опахалами шелестят листья бананов. Пряно благоухают орхидеи. Вот-вот готовы распуститься набухшие бутоны магнолии. Немало ученых потрудилось, обогащая эту изумительную коллекцию живых растений, собранных почти со всего земного шара.

Вместе со студентами в саду нередко можно встретить и колхозников. Одни приезжают за саженцами, другие знакомятся с выращиванием кукурузы, третьим требуются чертежи нового оригинального зернохранилища, сконструированного директором Ботанического сада Н. В. Прикладовым.

Сквозь густую заросль деревьев белеют многоэтажные корпуса университетской библиотеки. В двусветном, пронизанном солнцем зале всегда полным-полно. Сотни голов склоняются над раскрытыми учебниками, картами, чертежами. Географы и почвоведы, электротехники и строители, педагоги и врачи, историки и филологи получают здесь литературу по любой отрасли знания (см. 4-ю страницу обложки).

Научная библиотека Томского университета. На заднем плане: главный университетский корпус.

Если выстроить в одну линию все полки университетского книгохранилища, они растянутся на добрых тридцать километров. В богатейшем собрании, насчитывающем свыше двух миллионов томов, есть такие уникумы, как первые сибирские летописи, труды «доктора медицины Жана Поля Марата», изданные еще до Французской революции, гравюры к произведениям Шекспира в издании Бойделла, автографы Пушкина, Гоголя, Чернышевского.

По вечерам и в воскресные дни, когда пустеют аудитории, шумная, звонкоголосая молодежь заполняет улицы и площади Томска. В тенистой университетской роще, перекликаясь с трелями соловьев, звучит аккордеон, на стадионе не смолкают аплодисменты. Под крутым берегом на Томи мерно постукивают уключины и взмах за взмахом ложатся на воду весла. Прохладный ветерок несет над рекой запахи хвои, полевых цветов с близкого таежного берега. С рюкзаками за плечами уходят за город туристы: побродяжить, половить рыбки, побалагурить у костра...

В присутствии студентов Медицинского института операцию делает профессор А. Г. Савиных.

Под сибирским солнцем...

Сибиряки не избалованы ранними овощами. Первые огурцы начинают появляться в Новосибирске обычно уже в разгар душного и пыльного лета, когда над плоскими степными берегами Оби бушуют суховеи. А помидоры и того позднее. Недаром жители сибирских городов считают их еще бо̀льшим деликатесом, чем фрукты, привозимые с юга, из Казахстана и Средней Азии.

Но в этом году обычный «овощной календарь» сибиряков неожиданно и приятно нарушился: уже в апреле и начале мая в ресторанах и кафе Новосибирска начали подавать салаты из огурцов. Нежная зелень свежих огурцов появилась в продовольственных ларьках и магазинах. Наконец, поступили както в продажу вовсе уж редкостные для Сибири грибы-шампиньоны.

Откуда же это все взялось? Климат в Сибири как будто не изменился. Наоборот, минувшая весна была особенно холодной, запоздалой.

За ответом на эти вопросы не надо далеко ездить. В левобережном Кировском районе города, по соседству со строящимися многоэтажными кварталами, неподалеку от корпусов городской теплоэлектроцентрали, сверкают на солнце кварталы миниатюрного стеклянного городка. Это недавно построенный теплично-парниковый комбинат, первый в Новосибирске.

Сбор помидоров в теплицах новосибирского комбината.

Фото С. Фридлянда.

...Воздух парной, влажный. Серебристые трубы опорных столбов и стропил для стеклянных стен и крыш пышут жаром: по трубам непрерывно циркулирует горячая вода из котельной теплоэлектроцентрали.

Такая атмосфера держится здесь не только летом, но и в разгар зимы, когда окрестные поля скрыты под многометровыми сугробами. Температура в теплицах не опускается ниже 20—18 градусов.

Работники комбината доказали полную возможность снимать здесь не менее трех урожаев за год. Первые помидоры, например, посаженные в августе прошлого года, в ноябре уже начали плодоносить.

Теплично-парниковый комбинат в Новосибирске будет давать ежегодно несколько сот тонн различных овощей. Наряду с огурцами и помидорами тут выращивают лук, сельдерей, всевозможную зелень. В отдельных теплицах культивируются шампиньоны, виноград, лимоны.

Рядом с действующими теплицами строятся новые. Стеклянный городок на левом берегу Оби растет вширь.

С. ТИМОФЕЕВ

Николай АСАНОВ

Рисунки Е. ГОРОХОВА.

В кабинет редактора вошла ярко выраженная химическая блондинка с синими широко расставленными глазами, опушенными неестественно черными бровями и ресницами. Фигура ее, составленная из цилиндров и полушарий, была туго запеленута в младенческое платьице из цветного шелка, из которого вылезали мощные колонны ног и такие же могучие розовые руки. Возраст посетительницы можно было с одинаковой точностью определить и двадцатью пятью и сорока пятью годами.

Она решительно прошагала к столу редактора, так что зазвенели стеклянный графин и стакан, швырнула сегодняшний номер газеты и ударила по нему кулаком:

— Вот что вы наделали!

Рука ее разжалась, и из-под пальцев, похожих на колбаски, выглянула фотография, изображавшая группу молодых людей на скамье в парке. Под фотографией была подпись: «Выпускники десятого класса 21-й школы, первыми изъявившие желание поехать по призыву партии на стройки Сибири...»

Мы очень гордились этой фотографией.

Обращение к молодежи было получено накануне, и ответ на него распространился, как волна. Наш фоторепортер Юра Лукашев отыскал пятерку самых первых добровольцев, откликнувшихся на замечательный призыв партии. Снимок был сделан уже под вечер, в городском саду, куда взволнованные юноши и девушки скрылись от восторженных поздравлений товарищей по классу, по школе, по комсомолу.

Даже на фотографии было видно, как остро переживает молодежь этот свой первый самостоятельный шаг. Они сидели на садовой скамье двумя группами. Слева направо расположилась тройка: двое юношей и девушка между ними; чуть отделясь от них, сидела еще пара. Эти, казалось, забыли обо всем и ничего не замечали. Пальцы их рук переплелись, пухлые губы полуоткрыты, большие глаза затенены ресницами. Редактор пообещал Юре Лукашеву за этот снимок премию, и мы все завидовали счастливцу. Сейчас решался вопрос, кто будет писать очерк о молодых патриотах.

И вдруг эта посетительница!

— Какая - нибудь ошибка? — взволнованно спросил редактор и метнул такой взгляд в сторону Лукашева, что тот поежился и отодвинулся в сторону вместе со стулом.

— Какая же может быть ошибка?! — воскликнула дама с возрастающим гневом, и ее могучая грудь заколебалась под тонким платьицем, как море.— Тут ясно написано: «Р. Кременчук». Р.— это Радик. Наш Радик. И разве я не узнала бы его даже без подписи!

— Да, снимок сделан действительно хорошо,— успокаиваясь, сказал редактор.— Да вы садитесь, пожалуйста. Очень рады видеть мать одного из молодых патриотов. Вот познакомьтесь, наш фотокорреспондент товарищ Лукашев, автор этого замечательного снимка. А очерк будет писать кто-нибудь из этих товарищей.— И он кивнул в нашу сторону.

Мы все с готовностью придвинулись к столу.

— А что скажет отец?! — воскликнула дама.— Я позвонила секретарю, чтобы ему не давали сегодняшнюю газету, но он может наткнуться на нее случайно. С ним же случится это, как его... инфрукт...

— Инфаркт,— по привычке поправил редактор.

— Ах, какая разница! Даже болезни называют какими-то нечеловеческими именами, а ведь страдать придется мне... Я прошу вас немедленно дать опровержение. Сегодня же.

— Но почему? — воскликнул редактор.— Факты проверены, все имена правильны... Лукашев, ошибки нет?

— Нет, товарищ редактор,— поспешно отозвался Юра и снова придвинулся к столу.

— Напишите, что едет не Радик, а кто-нибудь другой. Вам же все равно.

— Позвольте! — Редактор приподнялся со стула.

— Не позволю! — Дама еще сильнее ударила по столу пухлым кулаком.— Радик не может ехать! У него мать, отец...

— Что же, по-вашему, на стройки севера должны ехать одни сироты? — с убийственной вежливостью спросил редактор.— Желание вашего сына означает, что мать и отец воспитали его правильно. Честь и хвала таким родителям!

— Но я не хочу, чтобы он ехал! — со слезами в голосе воскликнула дама. От наступления она переходила к обороне.— Мне говорили, что там, извините, нет даже теплых уборных...— И настоящий ужас засветился в ее синих, как будто тоже накрашенных глазах.

— Ну что же, молодежь как раз и построит там целые города из хороших домов с ваннами, с теплыми уборными. А их дети поедут когда-нибудь штурмовать Гольфстрим, переделывать климат Арктики.— Редактор любил читать фантастику, хотя никогда не печатал ее на страницах своей газеты.

— Гольф... Гольф... Это такие брюки... Я вас не понимаю.— Дама была явно не в ладах с иностранными словами.— Бросьте меня разыгрывать! — с новым приступом ожесточения вскрикнула она.— Вы напечатаете опровержение?

— Нет,— спокойно ответил редактор.

— Тогда пеняйте на себя. Я сейчас еду к отцу моего мальчика, пусть он сам поговорит с вами.

Я все пытался вспомнить, где слышал фамилию Кременчук. До сих пор я молчал, надеясь, что редактор и без нашей помощи выставит назойливую посетительницу. Но теперь дело принимало новый оборот. Наш редактор не был трусом, но он не любил сложных отношений с руководящими лицами. Я спросил:

— А где работает ваш муж?

— Как? Вы не знаете Георгия Ивановича Кременчука?! Директора нового завода?

— Ах, вот как! Благодарю вас!

Прежде чем редактор успел помешать мне, я набрал номер. Кременчук сам взял трубку. Об этой особенности директора я уже слышал. О нем в городе рассказывали много интересного, только я никак не мог связать с этими рассказами нашу необыкновенную посетительницу и ее неожиданную просьбу.

— Товарищ Кременчук? — спросил я.— С вами говорят из редакции газеты. Не можете ли вы дать нам маленькую биографическую справку? Да, да, для статьи.— Я придвинул лист бумаги.— С какого года начинается ваш трудовой стаж? Ага, так, с пятнадцати лет. Хорошо. Кем вы работали? Пастухом. Отлично. Затем? По призыву комсомола поехали в Донбасс. Так. Сколько вам было лет? Семнадцать. Хорошо. Еще один вопрос: когда вы пошли учиться? В двадцать два. Ах, не в институт? На рабфак. Так. А когда в институт? В двадцать шесть. Хорошо. Спасибо. Отличная биография. Да, да, наша молодежь может позавидовать такой биографии. Как вы говорите? После института строили Комсомольск-на-Амуре? Там и женились? Интересно. Кем же была ваша невеста? Официанткой в столовой? Очень, очень интересно! — Я старался не обращать внимания на нашу посетительницу. Кто-то из газетчиков подавал ей в это время воду.— И она тоже училась? Почему нет? Ах, дети! Но ведь у вас, насколько я знаю, всего один ребенок... Да, пожалуй, теперь уже поздно сожалеть, хотя учиться, конечно, никогда не поздно. Да, да, для статьи. Провожаем первый эшелон молодежи на стройки Сибири. Почему именно ваша биография? Да можно было, конечно, дать биографию любого нашего с вами сверстника, но мы решили начать с вас, потому что приводим и биографию вашего сына. Да, да, Радика...

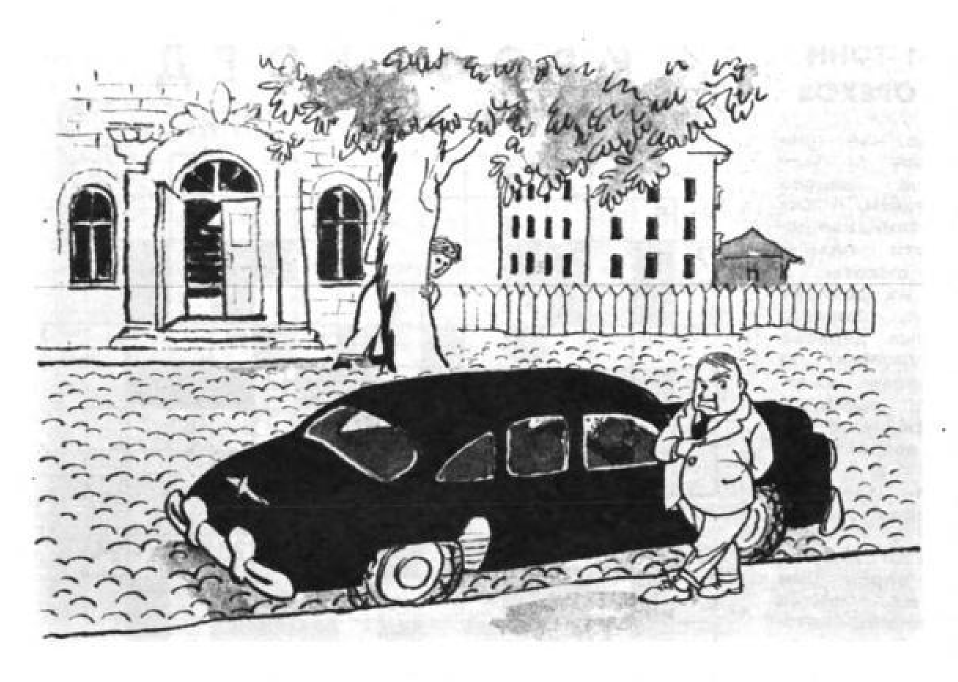
В трубке что-то заклокотало, и я опустил ее на рычаг. Дама оттолкнула стакан и, еще шире раскрыв свои синие глаза, с ужасом спросила:

— Что он сказал?

— По-моему, он тоже пьет воду. Это естественно. Такой ответственный момент. Сын выбирает свой путь. Ведь Георгию Ивановичу нет еще и сорока пяти, а он уже директор крупного завода. Можно надеяться, что в его возрасте Радик тоже будет руководить каким-нибудь крупным предприятием. Начинает он почти, как отец, хотя и позже на несколько лет.

— Но я все подготовила, чтобы

он пошел в вуз! Я говорила с деканом, с профессорами, мне обещали, что, если Радик наберет хоть двадцать очков из двадцати пяти, его примут. Если бы не эта мерзкая девчонка...

— Простите, что это за девчонка?

— Вот! — Дама ткнула пальцем в фотографию.— Валя Лебеденко. Дочка слесаря. А у Радика столько интересных знакомых! И дочери ученых, и дочери генералов, и дочери актеров.

— Но ведь ваш отец, кажется, тоже был рабочим? — напомнил я.

— Но мой муж тогда и сам был всего-навсего десятником! — отрезала она.

— Ну, вот видите,— усмехнувшись, сказал я.— А эта девушка уже имеет среднее образование. А когда она вместе с Радиком поработает на каком-нибудь строительстве и пойдет в институт...

— Не надейтесь! Мой Радик не будет работать на строительстве! — гневно выкрикнула дама и, резко повернувшись, вышла. В кабинете остался только терпкий аромат духов, начисто забивший привычный запах табака.

Редактор встал из-за стола и настежь распахнул окно.

— Фу, дышать нечем! — сердито сказал он.

Несколько минут мы молчали. Я уже подумал, что редактор в конце концов откажется от борьбы, и соображал, чем могу помочь юной парочке, что так трогательно смотрела с забытого посетительницей номера газеты. Вдруг редактор сказал:

— Черта с два! Мы все-таки попробуем спасти этого несчастного ребенка от такой заботы родителей. У меня тоже сын растет, и будь я проклят, если стану обучать его искусству трусости!

С этого мгновения он как будто переменился. Юрке Лукашеву он предложил отыскать Валю Лебеденко и заснять ее вместе с родителями. Репортеру приказал съездить на дом к Радику, собрать его друзей и написать зарисовку.

— И побольше их мыслей о будущем, о будущем! — сказал он.

Потом обратился ко мне:

— А вы напишите о родителях, да похлестче. У вас это получится, если судить по разговору с товарищем Кременчуком.

Пока мы вырабатывали детали этого маленького наступления, за окном вдруг прошуршала тяжелая машина и остановилась так резко, что взвизгнули тормоза. Юра Лукашев, проверявший у открытого окна свой фотоаппарат, выглянул на визг и обратился к нам шепотом:

— Сам!

Мы бросились к окну. Роскошный «ЗИМ» директора нового завода знали все. Но из машины никто не выходил. Слышался нервный мужской голос, что-то похожее на всхлипывания. Вдруг дверца распахнулась, и оттуда показалась миловидная девушка, вытиравшая слезы совсем по-детски, рукой. Она кивнула головой тому, кто сидел в машине, и медленно пошла к подъезду редакции.

— Чья это машина? — спросил я.

— Кременчука. Вон он и сам вылез.

Действительно, под окном прогуливался сам товарищ директор, полный, с объемистым брюшком, в свободном сером костюме, без шляпы. Иногда он с надеждой взглядывал на двери, в которых скрылась девушка, потом опять начинал отмеривать расстояние от угла до угла.

— Прищучило! — сказал редактор.— Да что же его заступница не идет? — И распахнул дверь кабинета.

За дверью стояла девушка.

Плакать она перестала, но огромные ресницы все еще дрожали, как будто невидимые слезинки отягощали их. Она чувствовала себя очень стесненно, но глаза не желали сдаваться. Это чувствовалось по решительному взгляду, которым она обвела нас всех.

— Я по поводу Романа Кременчука,— тихо сказала она.

— Слушаю вас,— мягко ответил редактор и усадил ее в кресло.— Но, по-моему, юношу зовут Радик?

— Так его называют только дома.

Девушка положила руки на колени, опустила голову и не сделала больше ни одного движения во все время разговора, как будто речь шла не о ней.

— Произошла ошибка,— сказала она.— Мы с Романом подали заявление об отъезде в Сибирь. Но он не может ехать. Я прошу вас дать опровержение, чтобы его родители не беспокоились...

Было странно слышать, как она говорит чужие слова, говорит бесстрастным, тихим голосом, какой бывает у умирающего, и так было жаль ее, что Юрка Лукашев вдруг издал носовой звук, будто собирался заплакать. Редактор сухо сообщил:

— Опровержение должно быть подано тем самым товарищем, который отказывается ехать. Или вы тоже,— подчеркнул он,— отказываетесь?

— Что вы, как можно! — с негодованием воскликнула она и снова подняла взгляд на редактора.

Я не увидел, что таилось в ее пушистых глазах, но редактор смущенно хмыкнул и отвернулся.

— Чего же вы хотите?

— Я не хочу, чтобы обо мне говорили, будто я сманиваю с собой маленьких. Трусы на севере не нужны! — с силой закончила она.

— Они нигде не нужны,— угрюмо сказал Лукашев.— Вон ваш Радик стоит в подъезде напротив и боится перейти улицу...

Девушка не шевельнулась. Но мы снова подошли к окну. Возле машины попрежнему прохаживался старший Кременчук. На противоположной стороне улицы, прячась за стволом толстого платана, стоял Радик Кременчук в легкой рубашке с короткими рукавами, в белых брюках и красивых кожаных сандалиях. Длинные пышные волосы его были тщательно приглажены.

Он стоял неподвижно и смотрел неотрывно на отца, то ускорявшего, то замедлявшего свой бег по тротуару. Вдруг старший Кременчук тряхнул головой и бросился в подъезд.

Радик вышел из тени платана и стремительно пересек улицу. Он вошел в подъезд вслед за отцом.

— События развиваются,— сказал редактор и сел к столу.

— Радику незачем идти сюда,— шепотом, почти беззвучно сказала девушка.— Ему не позволяют ехать папа и мама.

— Все равно, его заявление необходимо,— безжалостно сказал редактор.— Впрочем, он, кажется, идет сюда вместе с отцом...

Девушка вскочила и бросила на нас испуганный взгляд. Повидимому, ей хотелось убежать. Но на пороге уже стоял старший Кременчук.

— Что это значит, товарищ редактор? — заговорил он голосом человека, привычного к власти.— Кто вам позволил смущать несовершеннолетних, вызывать их на дикие поступки?

— По-моему, ваш сын получил уже паспорт,— учтиво сказал редактор.

— Да, два года назад,— мягко сообщил новый посетитель. Он стоял за спиной отца, пытливо оглядывая всех. У него был высокий чистый лоб, спокойные линии лица, хорошо тренированная фигура гимнаста. Девушка смотрела на него, подавшись вперед, и мы поняли, что она любит его давно и беззаветно. Глаза его расширились и заблестели, когда он увидел девушку. Он тихо спросил: — А ты почему здесь? Папа притащил? Ясно! — И мы вдруг увидели, как мощная, обрюзгшая фигура старшего Кременчука сжалась, съежилась, словно детский шар, который нечаянно проткнули иглой.— Спасибо, папа, я и не знал, что ты так о нас заботишься. А помнишь, ты запретил Вале бывать у нас?

— Радик...— жалобно протянул отец.

— Брось ты это дурацкое имя. Ты знаешь, что я исправил его в паспорте на Роман. Нельзя же всю жизнь носить кличку вместо имени! Зачем ты сюда приехал?

— Радик, мама умрет от разрыва сердца...

— Сколько я помню, твоя мама не умерла, когда ты ушел из дому. Наоборот, была довольна.

— Но в то время...

— Время, конечно, другое, но и мы другие. Я думаю, нам с Валей не придется жаловаться на свою судьбу, как это делаете вы с мамой. Или ты хочешь, чтобы я повторил твой опыт даже в этом?

— Как ты смеешь! — воскликнул отец.

— Молчу, молчу. Не обязательно жаловаться на свои мозоли при посторонних. Валя, пошли, нас ждут в райкоме комсомола...

Она сделала шаг к двери, еще не веря своему счастью. А он, как полагается мужчине, пропустил ее вперед, одной рукой открывая дверь и положив другую на ее узкое плечо, словно защищал от отца, от нас, оглянулся, улыбаясь, и сказал:

— Я думаю, вы не поверите папе, если он скажет, что я от рождения хилый? Двухпудовую гирю я выжимаю и левой и правой, он сам меня научил. Кроме того, я могу водить машину, ремонтировать радиоприемник и сдал пробу на слесаря четвертого разряда. Это даже больше того, что умел папа в моем возрасте...

Дверь бесшумно закрылась. Мы взглянули на старшего Кременчука. Он стоял, опустив голову, словно боялся встретиться с нами взглядом. Потом сказал:

— Все это понятно, романтика, молодость, но вы подумайте: никто же из моих товарищей не отпустил своего ребенка в такое путешествие. Меня же засмеют! Понимаете?

Мы понимали. И нам было жаль. Не старшего Кременчука и не его сына. А тех отцов и матерей, что спрятали своих детей под ватными одеялами за непробиваемой броней своих многокомнатных квартир, чтобы, не дай бог, их не коснулся свежий ветер нашего времени.

Да, жаль.

Телефон в трамвае

Недавно в Новосибирске на людном перекрестке произошел затор: неисправный грузовик с прицепом загородил трамвайный путь. Остановился, застрял — и ни с места.

— Ох, уж эти шоферы!.. Иди вот теперь пешком! — ворчали пассажиры, в нетерпении пробираясь к выходу.

— Спокойно, граждане! — остановила их вагоновожатая.— Я уже доложила обо всем диспетчеру, и он сообщил, что сюда выслана «летучка» технической помощи.

Как бы в подтверждение своих слов вожатая показала на телефонный аппарат, установленный на передней площадке, рядом с ее рабочим местом.

— Телефон в трамвае? Интересно...

Пассажиры начали рассматривать аппарат, вожатую закидали вопросами, про злополучный грузовик забыли. Тем временем к месту происшествия подоспела «летучка», и через несколько минут вожатая сообщила по телефону:

— Путь свободен, продолжаю рейс.

Для связи вагоновожатых с диспетчерами используется троллей — контактный силовой провод, по которому подается электроэнергия. Диспетчер трамвайной станции всегда может вызывать вожатых поездов, движущихся по городским линиям. Вожатый, в свою очередь, находясь в пути, может вызывать диспетчера.

М. СОЛОНИН
Фото С. Фридлянда.

МИЛЛИОНЫ ТОНН КЕДРОВЫХ ОРЕХОВ

Сибирский кедр, или, правильнее, кедровая сосна,— наиболее мощное дерево темнохвойной тайги. Отдельные кедры-великаны достигают тридцати пяти — сорока метров высоты, а толщина ствола их доходит до двух метров. Хорошо развитые кедровые деревья дают иногда урожаи по пятьдесят и более килограммов чистого ореха в год. Встречаются еще изредка кедры в возрасте до пятисот лет.

Осенью жители таежных поселков и городов обычно отправляются в тайгу «шишковать» — заготовлять кедровые орехи впрок. Они приготовляют из орехов растительные сливки, которые по калорийности не уступают хорошим сортам мяса и куриным яйцам.

Научными сструдниками Томского государственного университета обнаружена в кедровых орехах группа витаминов «В», способствующих росту человеческого организма, улучшающих состав крови, укрепляющих кожу.

В орехах сибирского кедра содержится больше жиров, чем в плодах маслины, масляной пальмы и грецкого ореха.

Валовой урожай орехов со всей площади кедровых лесов Сибири трудно поддается исчислению. По подсчетам инженера Л. Никонова из Красноярска, средний урожай с двадцати пяти миллионов гектаров кедровых деревьев и кустарников составляет примерно семнадцать миллионов тонн орехов. Из этого необычайно большого количества орехов можно получить пять миллионов тонн вкусного, ароматного масла, а также семь миллионов тонн жмыхов и муки.

Стоит подумать о возможностях практического использования этих даров природы.

В. ТЕБЕНЬКОВ

КОМУ ЧТО...

— Кого манит север Сибири, а меня — северная трибуна «Динамо».

Рисунок М. Вайсборда.

Из прошлого

ПЕРВЫЙ ВОДОПРОВОД

«Отцы города» Томска в конце прошлого века задумали соорудить водопровод — первый в Сибири.

Однако потребовалось почти 30 лет, прежде чем им удалось реализовать это постановление городской думы.

Первая комиссия, созданная «отцами города» в 1879 году, усиленно потрудившись, пришла к выводу, что водопровод... действительно необходим.

Через 6 лет начала работать вторая комиссия. Ее похоронил неотразимый довод оппозиции: «Город существовал 300 лет без водопровода, так зачем же теперь его строить?».

Еще через 5 лет — новая комиссия. Ее колеблет сомнение, что «воды вокруг Томска много», кто же будет пользоваться водопроводом? Это — дело убыточное.

Лишь в 1906 году небольшой водопровод наконец был построен.

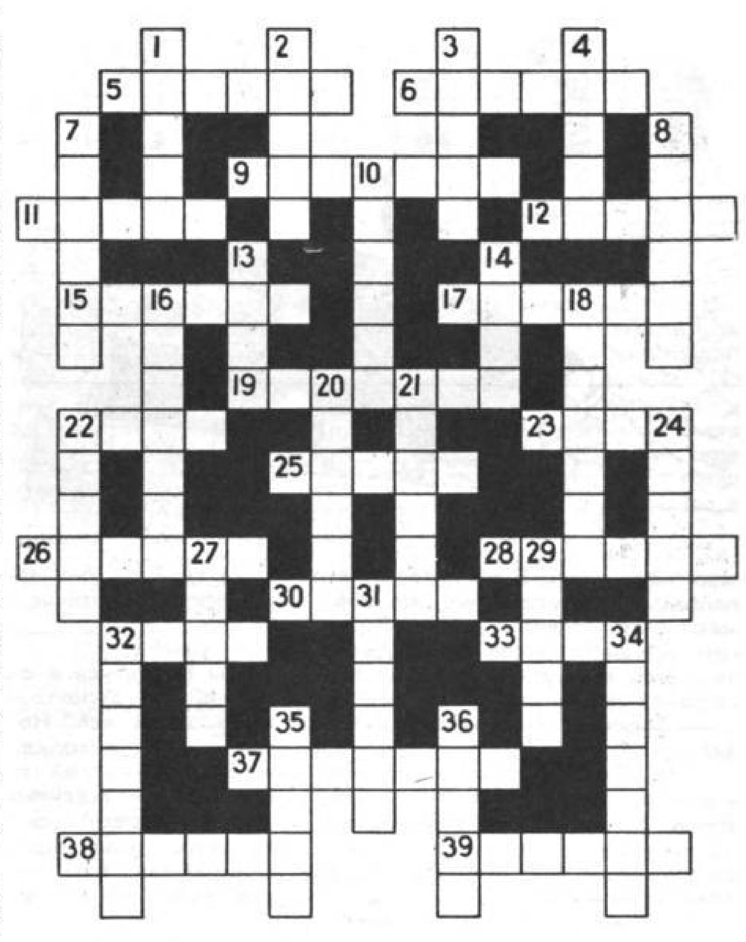
Н. НИКОВ

Знаете ли вы, что...

...общая длина судоходных и сплавных рек Сибири — около 100 тысяч километров.

...живородящая рыбка голомянка водится только в одном водоеме земного шара — в озере Байкал. Самки голомянки после размножения погибают.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Часть азиатской территории СССР. 6. Пушной зверь. 9. Угольный бассейн. 11. Горная страна. 12. Горная порода, применяемая в строительстве и дорожном деле. 15. Пастбищное растение. 17. Невспаханная земля. 19. Грызун, акклиматизированный в водоемах Сибири. 22. Участок реки между двумя плотинами. 23. Природное минеральное сырье, содержащее металлы. 25. Жвачное животное. 26. Автономная республика. 28. Рыба семейства лососевых. 30. Представитель народности одной из автономных областей. 32. Промышленный центр. 33. Продукт, получаемый из каменного угля. 37. Самая высокая вершина главного хребта Западных Саян. 38. Хребет в западной части Центрального Алтая. 39. Сбросовая впадина.

По вертикали:

1. Хвойное дерево. 2. Приток Ангары. 3. Областной центр. 4. Река в Якутской АССР. 7. Благородный металл. 8. Озеро. 10. Гора, высшая точка Алтая. 13. Герой гражданской войны. 14. Одна из крупнейших рек земного шара. 16. Широкая мель в русле реки. 18. Город, в районе которого строится мощная ГЭС. 20. Удлиненная впадина. 21. Приполярная болотистая зона. 22. Лесной зверек. 24. Река в Горно-Алтайской автономной области. 27. Главный приток Оби. 29. Ископаемое горючее вещество. 31. Железнодорожный узел на Великой Сибирской магистрали. 32. Русский путешественник, исследователь Сибири. 34. Почва степных пространств, содержащая поглощенный натрий. 35. Горная система. 36. Дикий, труднопроходимый лес.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали:

3. Курай. 6. Периодика. 9. Архитектоника. 15. Радикал. 16. Туполев. 17. Озеро. 18. Початок. 19. Повесть. 20. Чистосердечие. 25. Следствие. 26. Песня.

По вертикали:

1. Мулине. 2. Мандат. 4. Чехи. 5. Юкон. 7. Ирригация. 8. Склонение. 10. Толокно. 11. Каление. 12. Ортопед. 13. Фасон. 14. Честь. 21. Тюль. 22. Сидней. 23. Ротанг. 24. Ерик.

Рисунки Ю. Черепанова.

На вкладках этого номера: четыре страницы репродукций картин Омского государственного музея изобразительных искусств и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 08423. Подп. к печ. 12/VII 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 641. Заказ № 1807. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В. И. Мешков. ЗИМНЯЯ ТИШИНА.

СИБИРСКИЕ ГРАВЮРЫ

Владимир Ильич Мешков впервые притронулся резцом к линолеуму два десятилетия назад, когда его, пастуха свиноводческой фермы совхоза имени Ленина, Иркутской области, пригласили работать в многотиражную газету «За социалистическое животноводство». Это были гравюры на местные темы, привлекавшие остротой избранных сюжетов. Впоследствии работы линогравера стали появляться в районных и областных газетах, в журналах. Художника привлекали жизнь и люди Севера, и он поехал в Эвенкийский национальный округ, где прожил несколько лет. Три тысячи линогравюр — портреты, плакаты, пейзажи, карикатуры — таковы результаты поездки в районы Крайнего Севера.

Жители Севера крепко подружились с художником, полюбили его картины. В. И. Мешкова эвенкийцы считают своим человеком. Дважды приглашали его из Ачинска за тысячи километров в Туру на празднование юбилея национального округа. В последнюю поездку на Север художник в содружестве с красноярским писателем Н. С. Устиновым выпустил иллюстрированную книгу «Советской Эвенкии 25 лет».

На творчество В. И. Мешкова большое влияние оказал гравер Иван Павлов, с которым художник встретился после войны. У него Мешков учился четкости рисунка, технике граверного искусства, смелости в выборе темы.

К числу лучших гравюр В. И. Мешкова относятся «На факторию», «Зимняя тишина». Серию линогравюр он посвятил ленинским местам. Таковы картины «Дом Зырянова», «Журавлиная горка», «Дом в Минусинске».

Линогравюры В. И. Мешкова можно увидеть в краеведческих музеях Ачинска, Красноярска, Туруханска, Абакана, Туры и других городов. Они экспонировались на всесоюзной и республиканской выставках.

Д. ИЛЬМЕНТЬЕВ

В. И. Мешков. ДОМ В МИНУСИНСКЕ, ГДЕ ЧАСТО БЫВАЛ В. И. ЛЕНИН ВО ВРЕМЯ СИБИРСКОЙ ССЫЛКИ.

В. И. Мешков. НА ФАКТОРИЮ.

Цена номера 3 руб.